

ISSN 0207-3676

ОБЩЕСТВО

и ЭКОНОМИКА

12
2023

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА SOCIETY AND ECONOMY

№12, 2023

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

Главный редактор журнала –
Е.Б. Ленчук, доктор экономических наук

Редакционная коллегия: д. э. н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси **Е. Бабосов**, академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**, д.э.н. **Р. Джабиев**, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**, академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н. **С. Калашников**, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**, академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуев**, д.э.н. **П.Кохно** – зам. гл. редактора, д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**, академик РАН **А. Некипелов**, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**, академик РАН **Б. Порфирьев**, д. э. н. **А. Расулев**, академик АН Молдовы **А. Рошка**, академик НИА Республики Казахстан **О. Сабден**, **В. Соколин**, д. филос. н. **О. Тогусаков**, академик НАН Украины **Ю. Шемшученко**, д. э. н. **Е. Ясин**.

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Павленко. Цивилизационная и формационная составляющие в развитии современного государства	5
Стелла Долматова. Проблемы реализации человеческого потенциала в сфере науки: глобальные вызовы и российские реалии ...	15
Сергей Черных. Институты управления российской наукой: проблемы и решения	29
Галина Анисимова. Государственный патернализм и экономическое неравенство: практика СССР и современные реалии	39
Татьяна Соколова. Социально-политические факторы экономического развития Каспийского региона	52
Татьяна Шендик. Партийное строительство как научное направление и категория политической науки	68
Дмитрий Егоров. Почему погиб СССР (о ценностных основаниях идеологий)	87
Кирилл Янков. Оценка территориальной концентрации удаленно занятых работников по данным о коворкингах	105
Алексей Шлихтер. Средний класс в США и России: отличительные особенности, структурные сдвиги, проблемы на рынке труда и социальная мобильность	119
Валентина Жохова. Исследование комплекса маркетинговых коммуникаций на рынке медицинских услуг	133
Алфавитный указатель	142

CONTENTS

Yu. Pavlenko. Civilizational and formational components in the development of the modern state	5
St. Dolmatova. The problems of fulfilling human potential in the field of scientific research: global challenges and Russian realities	15
S. Chernykh. Institutions of science administration in Russia: problems and solutions	29
G. Anisimova. State paternalism and economic inequality: the practice of the USSR and modern realities	39
T. Sokolova. Socio-political factors of the Caspian region's economic development	52
T. Shendik. Party building as a specific area of scientific research and a category of political science	68
D. Egorov. Why the USSR collapsed (on the value foundations of ideologies)	87
K. Yankov. Assessment of the territorial concentration of remotely employed workers according to coworking data	105
A. Shlikhter. The middle class in the US and Russia: distinctive features, structural changes, problems in the labour market and social mobility ...	119
V. Zhokhova. Research of a complex of marketing communications in the market of medical services	133
Alphabetical Index	142

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки);
- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);
- 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Научно-организационная работа
по изданию журнала осуществляется при поддержке
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института экономики Российской академии наук

© 2023

Юрий Павленко

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики Российской
академии наук (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: yurpavl83@mail.ru)

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ И ФОРМАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

В статье анализируются теоретико-методологические предпосылки формирования социально-экономической модели государства, способной эффективно «работать» в условиях современных вызовов, связанных с перестройкой глобального миропорядка и формирования полицентричного мира. Содержание рассматриваемых в статье предпосылок основывается на необходимости совместить цивилизационный и формационные подходы, акцентируя внимание на необходимости их интеграции и сбалансированности. Таким образом учитываются как общечеловеческие тенденции развития, так и культурно-исторические особенности, вытекающие из принадлежности той или иной страны к определенной цивилизации.

Ключевые слова: цивилизационно-формационный подход, полицентричный мир, социально-экономическое развитие, культура, государство.

DOI: 10.31857/S020736760029159-3

Два подхода. В теоретико-методологическом плане современная экономическая наука и другие социальные науки во многом опираются на два подхода. В основе одного из них лежат модели последовательной смены во времени различных эпох, периодов. К данному подходу относятся марксистская теория смены формаций, а также Кондратьевские циклы. Второй подход концентрирует внимание на различиях духовно-идеологических установок, комплексов и принципов устройства общества, лежащих в основе разных цивилизаций. История развивается не только во времени, но и в пространстве. Основателями этого подхода считаются Николай Данилевский и Арнольд Тойнби. В реальности предположения лежащие в основе первого и второго подходов, и используемые в них модели действуют одновременно [7. С. 78].

Для нас, россиян, особенно важно подчеркнуть, что зачинателем цивилизационного подхода в мире явился все же Н.Я. Данилевский с его теорией культурно-исторических типов, описанной им в работе «Россия и Европа», изданной отдельной книгой в 1871 г. Культурно-исторический тип, по словам Н.Я. Данилевского, равнозначен цивилизации и выступает в качестве самостоятельного, своеобразного плана исторического развития [8. С. 85].

Примечательно, что некоторыми известными современниками автора книга Н.Я. Данилевского была встречена критически и получила иронические определения в виде «катехизиса славянофильства» (Н.Н. Страхов) и «литературного

куръеза» (В.С. Соловьев). В современной России работа Н.Я. Данилевского была издана лишь в 1991 году – почти через сто лет после ее последнего дореволюционного издания 1895 года.

Двуполярный и полицентричный мир. В последнее время в отечественной науке, в работах, посвященных теоретическому осмыслению закономерностей социально-экономического развития современного государства, цивилизационному аспекту развития уделяется все более значительное внимание. Актуальность «цивилизационного подхода», с нашей точки зрения, связывается прежде всего с кризисом однополярного мира. Суть последнего состоит в доминировании США в глобальном мире, установившемся после краха мировой системы социализма во главе с СССР.

В активных поисках альтернатив однополярному миру некоторые авторы выделяют объединения стран и народов с разной религиозно-культурной идентичностью, которые, с их точки зрения, образуют более крупные общности – мегацивилизации. Отмечается наличие двух таких мегацивилизаций: Запад и Не-Запад. При этом утверждается, что хотя технологическое преимущество Запада неоспоримо, его ресурсный потенциал уступает Не-Западной коалиции. В связи с этим возникает геополитическая интрига по поводу будущего победителя в нынешнем противостоянии данных субъектов глобального мира [3. С. 53].

Что касается актуальности рассматриваемой проблемы для нашей страны, то следует, по-видимому, согласиться с утверждением, что крах «либерализма» в России, пусть даже предполагаемый, ставит в повестку дня поиск альтернатив, способных вывести страну из политического, экономического, идеологического, культурного и прежде всего духовного тупика [9. С. 177]. При этом мы исходим из того, что у России есть и определенные потенциальные преимущества: страна обладает огромной территорией, жизненно важными природными ресурсами, военной мощью и, наконец богатым культурным наследием.

Вполне реалистичной нам представляется глобальная архитектура, состоящая из двуполярного и одновременно полицентричного мира, в котором каждый полюс, в свою очередь, состоит из отдельных цивилизаций. В таком двуполярном и полицентричном мире Россия может по праву считаться одним из цивилизационных и геополитических центров наряду с Китаем и другими странами, расположенными на разных континентах.

Существующее в мире глобальное противостояние требует от каждого из его субъектов мобилизации имеющихся ресурсов. Описание одного из возможных механизмов такой мобилизации предлагает Нассим Талеб, известный американский эксперт по управлению. Основная идея, на которой формируется данный механизм, основывается на том обстоятельстве, что социальные системы обладают способностью самосовершенствоваться под воздействием неблагоприятных обстоятельств за счет механизма так называемой гиперкомпенсации [19. С. 73–75]. Опираясь на рассуждения Талеба, Е.В. Балацкий предложил структурную модель

эволюционного скачка, разбив последний на четыре стадии. На первой стадии, образующей период разогрева, происходит последовательное возникновение стрессоров (вызовов), которые понижают функциональность системы и вызывают первичные проблемы. На второй стадии, образующей период рефлексии, возникает эффект инвентаризации, когда происходит полное переосмысление всех возможностей социальной системы, ее недостатков и скрытых резервов. На третьей стадии запускается эффект мобилизации, когда все ресурсы системы сосредотачиваются на строго определенных, жизненно важных направлениях. Наконец, на четвертой стадии, образующей период инноваций, обеспечивается эффект перестройки социальной системы на основе новой организационной модели. Данная масштабная перестройка всей системы позволяет, по мнению Е.В. Балацкого, радикально повысить ее эффективность и достичь результатов, ранее казавшихся невозможными [3. С. 69–70].

«Культура имеет значение». Следует отметить, что в центре цивилизационного подхода находится культура как феномен и важнейший институт современного общества. Сегодня все чаще культура становится объектом и предметом исследований теоретического, эмпирического, междисциплинарного характера. Отсюда получило распространение в литературе выражение «культура имеет значение». Представляется, что культура как социальный институт заслуживает и углублённого политико-экономического изучения.

Обращают на себя внимание исследования влияния культуры на экономическое развитие, попытки операционализации такого влияния. Так, А.А. Аузан, анализируя работы ряда зарубежных авторов, выделяет и формулирует следующий ряд закономерностей. Во-первых, это закон экономической успешности (Р. Инглхарта), согласно которому существует устойчивая связь между ценностями и величиной ВВП на душу населения, которая отражает взаимодействие культуры, экономики и политических отношений. Сюда же А.А. Аузан относит и закон конкурентной специализации (Г. Хофстеде), согласно которому культура может влиять на конкурентные преимущества нации (склонность к инновациям и предпринимательской деятельности, мобилизационные методы хозяйствования, темпы роста и т. д.). В рамках практического использования оценки социокультурных факторов с точки зрения проведения реформ А.А. Аузан рассматривает категорию «дистанция власти». Речь идет о степени, с которой наделённые относительно меньшей властью члены общества или организации ожидают и допускают неравномерность распределения власти. Различаются страны с низким и высоким уровнем дистанции власти. Примечательно, что для стран с низким уровнем дистанции власти отмечается возможность проведения преобразований «снизу». Для них же характерна высокая инновационность и инициативность. При этом для стран с высоким уровнем дистанции власти характерна реализация мобилизационных проектов, требующих высокой дисциплинированности и концентрации усилий. Что касается

России, то в шкале дистанции власти автор относит наше государство к странам с чрезвычайно высоким ее уровнем, превосходящим даже Китай [2].

Иные аспекты взаимодействия культуры и экономики исследует академик В.М. Полтерович, прибегая к использованию категории "гражданская культура". По мнению В.М. Полтеровича, в мире существует кризис механизмов экономической и политической конкуренции. Альтернативой же конкуренции должны выступать механизмы сотрудничества [18].

Связывая политическую конкуренцию и человеческие качества, В.М. Полтерович описывает на примерах из практики США механизм деградации моральных норм, отмечая, что сама политическая конкуренция порождает такой механизм, при котором действующих политиков обыгрывают те, кто менее стеснен моральными ограничениями, что и ведет к постепенной деградации самой политической системы, к ее кризису. Некоторые страны, по мнению В.М. Полтеровича, попали в ловушку конкуренции, однако другим удается противостоять кризису. К последним относится семерка европейских стран-«лидеров» (Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, Швейцария и Нидерланды), которые существенно опередили другие страны Запада в развитии экономических, политических институтов, а также институтов гражданской культуры.

В.М. Полтерович указывает также на предпосылки становления механизмов сотрудничества как альтернативы конкуренции и ее последствий в виде деградации. Среди таких предпосылок отмечается, во-первых, технологическое развитие и связанное с ним совершенствование систем связи и информационных технологий, которые уменьшают издержки координации. Благодаря развитию IT-технологий, возникают новые формы сотрудничества: например, социальные интернет-сети. Во-вторых, посредством обучения сотрудничеству, умению достигать компромисса обеспечивается рост человеческого капитала. В-третьих, речь идет о развитии гражданской культуры, включающей укрепление норм честности, рост обобщенного доверия, распространение толерантности и альтруизма, увеличение планового горизонта. Наконец, четвертой предпосылкой служит институциональное развитие, включающее институты достижения компромисса, такие как парламентские комитеты, гражданское общество [17]. Анализ, проведенный академиком В.М. Полтеровичем, подтверждает, в данном случае на примере западной части двуполярного мира, нашу мысль о неоднородности мегацивилизаций.

Россия как один из геополитических, социально-экономических и культурно-исторических центров полицентричного мира может успешно существовать и развиваться, лишь опираясь на свой культурно-исторический потенциал и свою субъектность. Наряду с междисциплинарными исследованиями, выявление и развитие всего богатства данной субъектности в его динамике есть предмет и политической экономии в ее формационном и цивилизационном

аспектах. При этом, как нам представляется, следует также учитывать возможности межцивилизационного взаимодействия и взаимообогащения. В этой связи можно согласиться с утверждением Е. Геллнера о том, что те, кто усваивает новые методы в оппортунистическом подражательном духе, могут сохранять и развивать свои культуры, совершенно не разочаровываясь в них [22. Р. 222]. Есть основания полагать, что России с ее евразийской культурно-исторической доминантой следует воспользоваться уже имеющимся успешным мировым опытом избирательного заимствования, успешный пример которого демонстрирует сегодня Китай.

Европоцентризм. В современных условиях наблюдается критика цивилизационного подхода с позиций так называемого европоцентризма. В России наибольшую активность проявляют некоторые представители «либеральной» ориентации. Так, по словам Л. Шевцовой, «миссия либералов ... заключается в том, чтобы доказывать, что нельзя модернизировать Россию без адаптации ее к западным стандартам, что оказывается невозможным без включения России в евроатлантическое пространство. Миссией либералов должна стать выработка аргументов в пользу вхождения России в западную цивилизацию. При этом придется доказывать, что предыдущие интеграционные инициативы были имитацией, которая только облегчила российской элите приспособление западных механизмов для осуществления своих потребностей» [20. С. 264]. Далее Л. Шевцова делает примечательное добавление, что «членство в НАТО поможет России решить проблему обеспечения своей безопасности в период, когда начинают накапливаться вызовы, справиться с которыми в одиночку Россия не способна» [20. С. 265].

С вышеприведенным высказыванием согласиться, пожалуй, можно лишь в одном — с частью, содержащей критику позиции российской элиты. В связи с этим вспоминаются рассуждения Макса Вебера о поведении правящей элиты. Определяя критерии успешности государства в реализации социально-экономической политики под руководством элиты, М. Вебер предлагает акцентировать внимание, по его словам, «не на том, что делает людей счастливыми, но на том, каких людей оно воспитывает. ... Впрочем, — продолжает он, — угрожающий момент нашей ситуации в том, что буржуазные классы как будто бы перестают быть носителями властных интересов нации. ... И конечное содержание социально-политической проблемы — это... скорее, вопрос о политической квалификации классов, господствующих и находящихся на подъеме» [6. С. 37].

Напрашиваются параллели с ситуацией в современной России, когда «содержание социально-политической проблемы», как нам представляется, связано во многом с поведением и с качеством управленческой элиты государства. Анализируя поведение современной управленческой элиты, невольно отмечаешь, что их поведение в массе своей далеко от нормативных установок «этики служения» [16. С. 155].

Проявления европоцентризма в виде, как нам представляется, несколько предвзятого отношения к России, мы, к сожалению, находим и у классиков марксизма. В одной из своих работ К. Маркс отмечает: «Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала virtuoso в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира» [14. С.11].

В одном из своих выступлений, касающихся России, К. Маркс напоминает некоторых современных евроатлантических политиков, утверждая, что «для Европы существует только одна альтернатива: либо возглавляемое москвитями азиатское варварство обрушится, как лавина, на ее голову, либо она должна восстановить Польшу, оградив себя таким образом от Азии двадцатью миллионами героев» [15. С. 208].

Правда, в других своих сочинениях К. Маркс бывает более снисходителен к «азиатским варварам», утверждая, например, в предисловии к первому изданию «Капитала», что: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [13. С. 9]. Иногда К. Маркс отходил еще дальше от своей жесткой «европоцентристской» позиции, замечая, например, в письме к своим русским читателям, что Россия может, «не испытывая мук капиталистического строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные» [12. С. 119].

Ближе к пониманию российских реалий оказался, правда несколько позже, уже в XX веке А. Грамши. В июле 1918 г. в статье «Утопия» в ответ на утверждение, согласно которому для России был необходим этап буржуазной революции, который должна была завершить буржуазия, задавался риторическим вопросом. Во-первых, где была в России буржуазия, способная осуществить эту задачу? И, во-вторых, если господство буржуазии есть закон природы, то почему этот закон не сработал? Истина, по словам Грамши, заключалась в том, что между предпосылкой (экономическая система) и следствием (политический строй) не существует простых и прямых отношений. То что прямо определяет политическое действие, по словам Грамши, есть не экономическая система, а восприятие этой системы и так называемых законов ее развития. Эти законы не имеют ничего общего с законами природы [23].

Также некоторые современные авторы, при всем уважении к К. Марксу, представляются все же ближе к истине в том, что касается цивилизационной проблематики. Например, Э. Валлерстайн, утверждающий, что капитализм только и возможен как надгосударственная система, в которой существует более плотное «ядро» и обращающиеся вокруг него периферии и полупериферии [5], а также С.Г. Кара-Мурза, отметивший, что «индустриализация и развитие

стран, не входящих в ядро мировой капиталистической системы («Запад»), неизбежно должны были протекать по-иному, чем на Западе. Сегодня это очевидно – никак не может Англия показывать всем странам «картину их будущего» [10. С. 154].

Отрадно, что и в работах, относящихся к современному критическому марксизму, в творческом развитии учения классиков мы видим более сбалансированный подход, в рамках которого «...историко-пространственная типологизация социумов ... строится не на основе некоего единственного критерия, а на основе комплексного, постоянно усложняющегося по мере развития общества исследования сложной взаимосвязи всех основных пластов и сфер общественной жизни» [4. С. 278].

Из вышеизложенного, следует, по-видимому, вывод о необходимости отказаться от односторонности в выборе концептуального инструментария анализа современных закономерностей социально-экономического развития как мира в целом, так и отдельных его частей. Односторонним нам представляется как формационный подход, несущий на себе «родимые пятна» европоцентризма, о чем говорилось выше, так и цивилизационный подход, игнорирующий общемировые закономерности и, соответственно, выстраивающий пресловутую «китайскую стену» между отдельными цивилизациями или полюсами мира.

Разумеется, в условиях формирования так называемого многополярного мира, который возможно более корректно обозначить как полицентричный, со стороны России речь не должна идти о ее самоизоляции. Необходимо, с одной стороны, признание достижений западной цивилизации, с другой – осознание различий и признание объективной необходимости независимого самостоятельного развития в рамках мировой системы без встраивания в некий западный мир в качестве «бедного родственника» или сателлита.

Хотелось бы отметить, что наблюдаемое цивилизационное разделение находит свое отражение в выборе той или иной идеологии, а точнее, в специфическом «наборе» идеологий, которые занимают то или иное место в конкретном социуме. В конечном счете, во многом под воздействием идеологии, конкретная страна склоняется к той или иной модели экономики. Происходит своеобразная группировка стран по критерию близости идеологий, или ценностных представлений о мире, и, соответственно, близости их экономических моделей.

В связи с вышесказанным следует обратить внимание на содержание Концепции внешней политики Российской Федерации. В Концепции отмечается, что опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как

самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евротихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира [11].

Вектор развития. В заключение хотелось бы зафиксировать некоторые позиции, отражающие, с нашей точки зрения, не только перспективный, но и наиболее вероятный вектор будущего развития полицентричного мира.

Во-первых, мы исходим из констатации того, что всякое успешное развитие ориентируется на себя. Развитие означает, прежде всего, определение национальных приоритетов, способных обеспечить модернизацию экономики и, тем самым, создать внутренние условия для обеспечения социального прогресса. При этом, новые формы социально-экономических отношений стран «периферии» и «полупериферии» с высокоразвитыми странами «центра» должны подчиняться требованиям данной логики национальных приоритетов. По словам С. Амина, такое развитие отличается от либерального принципа «структурного приспособления» под нужды глобализации, при котором развитие принудительно подчиняется исключительным требованиям экспансии господствующего транснационального капитала. Речь идет о так называемой «непривязанности» (термин, введенный С. Амином), которая не тождественна автаркии и исходит из понимания развития в вышеобозначенном смысле [1. С. 156]. Представляется, что предлагаемую С. Амином модель развития следовало бы в полной мере реализовать в нашей стране.

В русле рассуждений о цивилизационном и формационном подходах и их интеграции хотелось бы также обратить внимание на два важных обстоятельства.

Во-первых, речь идет о Европе, о видении «европейского проекта», опирающегося на традициях гуманистической и демократической политической культуры «старой Европы», следующей принципам законности и справедливости. В конечном счете — марксизм как учение, в центре которого находятся именно принципы социальной справедливости, родился в Европе. Примечательно, что, по мнению некоторых ученых, основное противоречие, разделяющее Европу и Соединенные Штаты, лежит не между интересами господствующего капитала Европы и США, а в области политической культуры. При этом справедливо, на наш взгляд, отмечается, что в Европе всегда остается возможной левая альтернатива, способная вынудить к разрыву с неолиберализмом, к отказу от подчинения Соединенным Штатам и к отходу от политических стратегий «гегемона» [1. С. 158]. В этом плане Россия, опирающаяся не только на свой евразийский социокультурный, цивилизационный базис, но и на богатый опыт развития в XX в., в рамках левого формационного вектора объективно располагает потенциалом сближения с такой Европой.

Вторым важным обстоятельством служит реализация взаимовыгодного взаимодействия с Китаем, наиболее успешным примером современной мобилизационной экономики смешанного рыночно-планового типа, а также с другими

странами глобального Юга. По словам С. Амина, лучшим ответом на современные вызовы является евразийский проект, в рамках которого Россия должна объединиться с Китаем, странами Центральной Азии, Ираном и Сирией. Данный альянс может быть также очень привлекателен для Африки и значительной части Латинской Америки. В таком случае империализм в лице «гегемона» был бы изолирован [21].

В случае следования рассмотренной выше методологии цивилизационно-формационного подхода при реализации «евразийского проекта» не исключено, что в недалеком будущем к нему присоединятся и страны Европы. Такая интеграция позволит объединить цивилизационный и формационные подходы в качестве эффективного теоретико-методологического основания вектора перспективного социально-экономического развития всего евразийского континента.

Литература

1. *Амин Самир*. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М.: Издательство Европа. 2007. 168 с.
2. *Аузан А.А.* Культурные коды экономики. М.: АСТ. 2022. 160 с.
3. *Балацкий Е.В.* Россия в эпицентре геополитической турбулентности: гибридная война цивилизаций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 6. С. 52–78.
4. *Бузгалин А.В. Колганов А.И.* Глобальный капитал. В 2 тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Изд. 4-е. М.: ЛЕНАНД. 2018. 624 с.
5. *Валлерстайн И.* Россия и капиталистический мир-экономика, 1500-2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42.
6. *Вебер М.* Политические работы 1895–1919. М.: Праксис. 2003.
7. *Волконский В. А.* Противостояние Цивилизаций и роль государства в эпоху многополярного мира // ЭНСР. 2021. № 1 (92). С. 77-96. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-1(92)-77-96.
8. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга. 1991. 574 с.
9. *Зотова Е.С.* Суверенная управляемая экономика (обзор дискуссии) // Вопросы политической экономии. 2023. № 1 (33). С. 173–178.
10. *Кара-Мурза С.Г.* Маркс против русской революции. М.: Эксмо, Яуза. 2008. 320 с.
11. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>.
12. *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат. 1961. С. 116–121.
13. *Маркс К.* Предисловие к первому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Капитал. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат. 1961. С. 5–11.
14. *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 3–19.
15. *Маркс К.* Речь на польском митинге в Лондоне 22 января 1867 года. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. М.: Госполитиздат. 1960. С. 204–208.
16. *Павленко Ю.Г.* Государство и проблема интересов целостности в формировании нового социально-экономического уклада // Вопросы политической экономии. 2018. № 4. С. 151–158.

17. *Полтерович В.М.* Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Часть 1. Семерка европейских лидеров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Том 15. № 2. С. 31–43.
18. *Полтерович В.М.* От социального либерализма – к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 41–64.
19. *Талеб Нассим Николас.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: Изд. КоЛибри, Азбука-Аттикус. 2020. 768 с.
20. *Шевцова Л. Ф.* Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2010. 272 с.
21. *Amin Samir:* How to defeat the Collective Imperialism of the Triad. URL.: <https://www.geopolitika.ru/en/article/samir-amin-how-defeat-collective-imperialism-triad>.
22. *Gellner E.* Plough, Sword and Book: The structure of Human History // London: Collins Harvill. 1988.
23. *Utopia* // The Gramsci Reader: Selected Writings 1916-1935 NYU Press 2000. P. 45–52.

Yuri Pavlenko (e-mail: yupavl83@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Chief Researcher,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS) (Moscow, Russian Federation)

CIVILIZATIONAL AND FORMATIONAL COMPONENTS IN THE DEVELOPMENT OF THE MODERN STATE

The article analyzes the theoretical and methodological prerequisites for the formation of a socio-economic model of the state that can effectively respond to current challenges associated with the restructuring of the global world order and the formation of a polycentric world. The content of the prerequisites considered in the article is based on the need to combine civilizational and formational approaches, focusing on the need for their integration and balance. Thus, both universal development trends and cultural and historical features arising from the belonging of a particular country to a certain civilization are taken into account.

Keywords: civilizational-formational approach, polycentric world, socio-economic development, culture, state.

DOI: 10.31857/S020736760029159-3

© 2023

Стелла Долматова

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: stelladol@rambler.ru)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СФЕРЕ НАУКИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

В статье показывается, что проблемы реализации человеческого потенциала в сфере науки обусловлены не только антироссийскими санкциями, направленными на подрыв экономики, создание преград для глобального научного сотрудничества и технологического развития России. Они возникли задолго до украинского кризиса и обусловлены экономической моделью, согласно которой России в глобальной экономике отводилась роль поставщика сырьевых ресурсов при торможении развития науки и технологий и недофинансировании социально значимых отраслей. Делается вывод о том, что в условиях неослабевающего санкционного давления в ответ на глобальные вызовы необходимо не только обозначить приоритет развития науки как необходимого условия обеспечения технологического суверенитета, но и создать возможности при концентрации финансовых ресурсов для адекватной этим вызовам реализации человеческого потенциала.

Ключевые слова: человеческий потенциал, финансирование науки, заработная плата, технологический суверенитет, смена парадигмы.

DOI: 10.31857/S020736760029160-5

Глобальные санкционные вызовы для России, в течение последних 30 лет глубоко встроенной в мирохозяйственные процессы и обеспечивающей бесперебойное движение финансового капитала, имеют всеобъемлющий характер. В то же время с точки зрения перспектив развития страны как передовой экономики XXI в. наиболее болезненными остаются санкции в сфере науки и технологий, поскольку «наука стала синонимом современности, экономической конкурентоспособности и даже престижа» [2].

Тем не менее, когда были подведены первые итоги развития в условиях санкций, как со стороны правительства, так и большинства экспертного сообщества было объявлено об успешной адаптации российской социально-экономической системы к внешним шокам, вызванным украинским кризисом. Было неоднократно отмечено, что вопреки негативным ожиданиям не только западных, но и российских аналитиков, самые пессимистические прогнозы в отношении России не были реализованы, и можно говорить если не о позитивной динамике целого ряда экономических показателей, то о меньшей глубине их падения в сравнении с первоначальными алармистскими прогнозами. По мнению главы ЦБ РФ Э.С. Набиуллиной, «сейчас экономика уже очень близка

к тому, чтобы вернуться к уровню активности, который был в конце 2021 г., восстановиться до своего потенциала»¹.

Возникают закономерные вопросы, что имеется в виду под данным восстановлением, и какая роль при этом отводится человеческому потенциалу. После глобальных шоков, выявивших несостоятельность стратегии сырьевого развития, логично было бы ожидать «работы над ошибками» не только в контексте нереализованной программы импортозамещения и провалов обеспечения финансовой безопасности (что, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения), но и, в первую очередь, в связи с проблемами воспроизводства человеческого потенциала.

Стало уже общим местом утверждение о том, что проблема недофинансирования социально значимых отраслей, непосредственно обеспечивающих человеческое развитие, остается главным препятствием для перехода к экономике знаний, создающей конкурентные преимущества в современном мире. Как отметил А.Г. Аганбегян, необходим «финансовый форсаж» для концентрации ресурсов на направлениях, которые могут обеспечить качественный прорыв для нашей экономики. «Крайне низка (всего 14%) в России доля в ВВП экономики знаний (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение), а это — главная составная часть человеческого капитала. В Китае она в полтора раза выше (22%), в Западной Европе — вдвое выше (около 30%), а в США — почти в три раза выше (40%)» [1. С. 1]. Однако несмотря на острую необходимость обеспечения финансирования со стороны государства данных отраслей, им приходится конкурировать за бюджетные средства, направляемые прямо или косвенно на поддержку бизнеса, которую министр М. Решетников назвал беспрецедентной. Следует отметить, что, по меньшей мере, неэтично выглядит предоставление льгот попавшим под западные санкции компаниям, которые имели достаточно возможностей для вывода средств из оффшорных юрисдикций, причем заблаговременно, когда на деньги добросовестных налогоплательщиков претендуют рыночные игроки, длительное время занимавшиеся налоговой оптимизацией, вследствие чего бюджеты разных уровней недополучали значительные средства. В данной связи вызывает опасение факт, что меры, предпринимаемые правительством в ответ на глобальные вызовы, не носят системного характера в расчете на длительную перспективу, а осуществляются в «пожарном порядке» в зависимости от возможностей и запросов лоббистов, претендующих на господдержку, несмотря на имеющиеся собственные ресурсы. К тому же, по всей видимости, предполагается сохранение той же политики сырьевого развития, но с вынужденной переориентацией с Запада на Восток. Однако перспектива стать сырьевым придатком Китая или Индии не может внушать оптимизма.

---

¹ Набиуллина Э. Выступление на IX Всероссийском конгрессе волонтеров финансового просвещения. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=16850>.

Парадигма развития. В то же время в объявленное в 2022 г. Десятилетие науки и технологий логичнее было бы ожидать беспрецедентной поддержки научных исследований и разработок. Отход от парадигмы сырьевого развития предполагает переход на иную траекторию, направленную на развитие человеческого потенциала, о чем неоднократно говорилось с самых высоких трибун. Тем не менее продолжает превалировать бизнес-ориентированная стратегия развития с предоставлением первоочередных мер помощи предпринимателям, при том что помощь населению ограничивается мерами демографического характера. Тем не менее даже если взят курс на дерегулирование и отказ от плановых проверок, чтобы бизнес сам искал способы адаптации к изменившимся условиям, в любом случае необходима тщательная проверка (в том числе и на предмет коррупции) там, где присутствуют налоговые преференции или средства государства в качестве непосредственной помощи. В данной связи в условиях экстраординарной потери финансовых ресурсов страны и жесткого бюджетного ограничения необходимо усилить контроль над государственными расходами вне зависимости от применяемой модели экономики.

Президент РФ В.В. Путин, выступая на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума в июне 2023 г., отметил, что в России формируется экономика предложения, которая «предполагает масштабное наращивание производительных сил и сферы услуг, повсеместное укрепление инфраструктурной сети, освоение передовых технологий, создание новых современных индустриальных мощностей и целых отраслей, в том числе по тем направлениям, где мы пока не проявили себя должным образом, но возможности для этого — научные возможности, творческий потенциал — у нас, конечно, имеются» [8]. Тем не менее «научные возможности» отнюдь не безграничны и зависят от многих факторов, в частности — от финансового обеспечения. Ставка на развитие науки, открывающей новые горизонты знания и обеспечивающей создание прорывных технологий, формирующей привлекательный образ будущего общества — это действительно магистральный путь для нашей страны, имеющей славные традиции научных школ мирового уровня и пионерных открытий, повлиявших на историю всего человечества; этим путем необходимо продвигаться с помощью максимальной концентрации финансовых ресурсов для создания режима наибольшего благоприятствования для научных исследований и разработок, внедрения наукоемких технологий и реализации человеческого потенциала.

Вместе с тем «экономика предложения» — это конкретный термин (калька с английского — *supply-side economics*), имеющий определенное содержание, по сути — это максимальный уход от принципов социального государства, дерегулирование экономики в интересах частного бизнеса. Снижение налоговой нагрузки, ограничение поступлений на социальные нужды, сворачивание социальных программ и многое другое, что предложили экономисты для

экономической программы Президента США Рональда Рейгана, и что впоследствии получило название «рейганомика». Характерно, что «рейганомика» внедрялась в том числе и финансовыми методами, при идеологическом противостоянии с кейнсианством и другими альтернативным теориями. «Сильное сокращение финансирования и маргинализация социальных наук пришлось на президентство Рейгана. Под предлогом экономного и ответственного расходования средств налогоплательщиков администрация Рейгана сильно урезала расходы на социальные науки, заодно отметив их политизированный и идеологический характер, и доминирование в них людей с левыми взглядами» [5]. Таким образом, финансирование исследований в области общественных наук имеет ярко выраженную идеологическую основу, зависит от принятой в правящих кругах парадигмы развития.

В свое время, в 1980-е годы «рейганомика, тетчеризм и другие менее радикальные варианты редукиции государства всеобщего благосостояния оказали определяющее влияние на весь комплекс экономических отношений в западных странах, привели к смене тренда социализации экономики на долгие годы» [3. С. 7], определили специфику процессов неолиберальной глобализации, когда «среди возможных вариантов повысить конкурентоспособность произведенных товаров практически повсеместно выбирается наиболее приемлемый для работодателя способ – понизить издержки по оплате труда и сократить социальную нагрузку на бизнес» [3. С. 25]. В любом случае при реализации данной доктрины на российской почве особых прорывов ожидать не приходится, если на смену критикуемой 30 лет модели экономического развития, основанной на так называемом Вашингтонском консенсусе, придет модель «рейганомики» в каком-нибудь модифицированном виде с российской спецификой.

Практика показывает, что механически переносить зарубежный опыт весьма затруднительно, в том числе и в научной сфере. Нобелевский лауреат Ж.И. Алферов отметил, что распространяется информация о том, что «в США наука делается в университетах (и у нас-де так должно быть). На самом деле в исследовательских центрах при университетах большинство профессоров имеют очень небольшую преподавательскую нагрузку. А финансируются университеты наполовину федеральным бюджетом, на 25–20% – бюджетом штата и лишь в остальном – на частные деньги. Исследовательские центры американских университетов – это аналоги наших академических институтов»². То есть и в условиях развитой рыночной экономики, повсеместного распространения частной инициативы финансирование фундаментальной науки является, в первую очередь прерогативой государства. Е.Б. Ленчук отметила специфику организации науки в высшей школе, которая ориентирована прежде всего на обеспечение учебного процесса: «в российских вузах, где сосредоточено более

² Звягин Ю. Жорес Алферов: что мешает российской науке. Прорывные идеи ученых вязнут в кабинетах чиновников. URL: <https://rg.ru/2006/02/15/alferov.html>.

50% кадрового потенциала науки, около 60% численности докторов и 50% кандидатов наук, только 15,5% научно-педагогических работников принимают участие в научных исследованиях. И дело не только в недостаточности финансирования, но и в проблеме совмещения научной работы с преподаванием» [6]. Национальный проект «Наука и университеты», который реализуется согласно указам Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», должен учитывать возможности соединения академической науки и вузовской, где ученые имели бы минимальную преподавательскую нагрузку, отдавая основное время научному творчеству. В то же время при соответствующем уровне финансирования должен быть обеспечен приоритет в проведении исследований Российской академией наук как ведущей организации, занимающейся как научными исследованиями, так и научной экспертизой. В.Е. Фортот отметил, что, как «и при реализации крупнейших проектов XX в., РАН должна играть ведущую роль в постановке задач и в воплощении в жизнь стратегических национальных инициатив. К сожалению, степень присутствия нашей Академии в генерации и реализации такого рода масштабных проектов и инициатив руководства страны много меньше ее возможностей. И как результат — перенаправление заметных финансовых потоков в альтернативные образовательные и иные структуры» [13. С.18].

Таким образом, после сделанных на самом высоком уровне риторических заявлений о необходимости перехода к развитию наукоемких технологий, о ценности человеческого потенциала, научное сообщество было фактически переведено в «режим ожидания» смены экономической парадигмы, которая оставалась незыблемой с 1990-х годов. Однако, судя по всему, данные ожидания не оправдываются. По-прежнему насаждается идея о том, что государство, прежде всего, должно идти в фарватере бизнеса, продвигая его интересы.

В то же время В.В. Путин наиболее точно охарактеризовал положение дел в российской науке: «многое утрачено за 1990-е годы, когда всё разваливалось, и наука разваливалась, в образовании возникли проблемы. Но тем не менее фундаментальные основы были такими мощными, что развалить всё не удалось»³. Эти мощные фундаментальные основы тем не менее нуждаются в финансовой подпитке со стороны государства, поскольку уповать на российский бизнес в данном вопросе не приходится в связи с его ориентацией на быструю выгоду в краткосрочном периоде. В России сложился механизм финансирования науки, образно называемый «русской пирамидой», когда государство предоставляет 80%, а 20% обеспечивает бизнес. Вице-премьер Д. Чернышенко отметил, что в бюджете «на гражданскую науку в 2023 г. предусмотрено

³ Встреча с молодыми учёными. 1 декабря 2022 года, Сочи. Президент РФ. URL: <http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/39/events/699675>.

492 млрд руб., в 2024 г. — 490 млрд руб., на 2025 г. — 473 млрд руб. (сокращение связано с тем, что запланированные строительные объекты завершены, а новые пока не внесены в проектировки). Общий объём финансирования государственной программы «Научно-технологическое развитие» с учётом задач по финансированию высшего образования составит более 1,1 трлн руб. ежегодно. В заявленных параметрах бюджета на период 2023–2025 гг. учтены задачи по сохранению объёмов расходов на исследования и разработки, параметров финансирования фундаментальных исследований, заработной платы учёных на уровне 200% от средней по региону⁴.

Таким образом признается, что в эти и так не слишком значительные объёмы финансирования (в масштабах страны и в рамках стоящих перед нею задач), помимо затрат на исследования включаются еще и затраты на строительство объектов. В то же время, на 2023-й год РАН рекомендовала выделить 383 млрд руб. на фундаментальную науку⁵; кроме того, не меньше затрат необходимо на прикладную науку в условиях поставленной задачи обеспечения технологического суверенитета, так что сумма расходов, заявленная правительством, явно мала. Первый заместитель председателя СО РАН академик Д. Маркович на X Международном форуме технологического развития («Технопроме—2023») подчеркнул, что «сейчас средств, получаемых в рамках госзадания, хватает только на базовые оклады научных сотрудников и вспомогательного персонала»⁶.

Тем не менее в последние годы в научном развитии ставка была сделана на создание сети уникальных установок класса «мегасайенс», где Россия может не только успешно конкурировать с зарубежными специалистами, но и предоставить площадку для совместной работы и обмена научными достижениями. В рамках научного сотрудничества российские ученые также принимали активное участие в создании мегаустановок за рубежом. Наиболее значимым проектом стало создание Большого адронного коллайдера, для которого российская сторона предоставила весомую часть финансирования и оборудования. Однако основополагающий принцип «наука вне политики» был нарушен, когда ЦЕРН⁷ приостановил статус наблюдателя Российской Федерации и сотрудничество с российскими институтами, присоединившись к антироссийским санкциям. Россия в лице Президента РФ В.В. Путина, наоборот, демонстрирует открытость и приглашает зарубежных ученых к сотрудничеству в рамках программы мегагрантов. Как отметил Президент, «поддержка в объёме четверти миллиарда рублей за пять лет будет оказана ведущим зарубежным учёным, которые приедут в Россию, создадут в наших вузах кафедры, будут

⁴ Чернышенко Д. (2022). Бюджет на науку будет приоритизирован под задачи экономики. Новости правительства РФ. URL: <http://government.ru/news/46020/>.

⁵ Веденеева Н. Ученые написали письмо премьер-министру о недопустимости сокращения финансирования науки. URL: <https://www.mk.ru/science/2022/08/30/uchenye-napisali-pismo-premerministru-o-nedopustimosti-sokrashheniya-finansirovaniya-nauki.html4>.

⁶ URL: https://poisknews.ru/wp-content/uploads/2023/09/poisk_34-35_20230901.pdfv с сфере науки.

⁷ ЦЕРН (CERN) - Европейский Центр ядерных исследований.

заниматься преподавательской деятельностью, работать со студентами и аспирантами. Здесь, собственно, это мало чем отличается от прежних условий, но мы их подтвердим и немножко расширим. В результате также наши коллеги из-за рубежа сформируют научные школы по ключевым, приоритетным направлениям развития науки и технологий»⁸.

В то же время, представляется необходимым поддерживать, в первую очередь, отечественные научные школы, имеющие давние традиции и опыт, который молодому поколению могут передать представители старшего и среднего поколения ученых, сохранившие в 90-е годы многие достижения советской науки, вопреки обрушению финансирования и невостребованности результатов научной деятельности. Как представляется, В.Е. Фортов, стоявший во главе Российской академии наук в сложное время ее радикального реформирования, сформулировал принципы функционирования Академии, которые можно применить к науке в целом: «опора на старшее поколение российских ученых и восстановление эффективных механизмов передачи знаний младшему поколению ученых – необходимое условие плодотворного развития РАН» [13. С.37].

В данной связи преимущество в процессе научного творчества трудно переоценить. Однако в последнее время упор делается исключительно на поддержку молодых ученых, что, безусловно, оправдано при прочих равных условиях, достаточном финансировании всего корпуса научных работников и обеспечении условий как для трудового процесса, так и для творческой реализации. В противном случае может возникнуть такое явление, как эйджизм – дискриминация работников старших возрастов, создание необоснованных предпочтений в оплате труда молодым, вне зависимости от трудового вклада и научных достижений, своеобразная «плата за молодость» для формального улучшения показателей, соответствия рейтингам международных организаций.

«Утечка умов». Тем не менее было бы упрощением полагать, что можно ограничиться только материальным стимулированием для привлечения молодежи в науку и существенного ограничения «утечки умов». Помимо материального обеспечения, молодым ученым необходимы масштабные проекты, грандиозные задачи; им важно ощущать причастность к великим достижениям, чтобы была отдача от научной деятельности, результаты были востребованы как научным сообществом, так и государством. В условиях современной России бизнес, за редким исключением, не может играть определяющей роли, при его нацеленности на краткосрочный результат.

В последние годы стали говорить о том, что проблема «утечки умов» в условиях глобализации потеряла свою остроту по сравнению с 90-ми годами, когда отъезд ученых на Запад вследствие развала советской науки и невозможности

---

⁸ Пленарное заседание Форума будущих технологий. URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/39/events/71666>.

осуществления профессиональной деятельности стал массовым явлением. Действительно, в 90-е годы «был нанесен непосредственный удар по одной из двух в истории человечества мировых систем организации науки, охватывающих весь спектр наук о природе и обществе — американской и советской» [4], невозполнимые потери которой ощущаются и по сегодняшний день. В связи с расширением глобального сотрудничества, казалось бы, что «утечка умов», когда «выезд за границу отдельных специалистов, критично значимых для существования той или иной научной школы, нарушает созданную модель проведения научных исследований и механизм воспроизводства элитных научных кадров» [4], сменяется на «циркуляцию умов» при свободном, «маятниковом» передвижении ученых и обмене информацией. Тем не менее для нашей страны за редким исключением это передвижение осуществляется в одном направлении. Как отметил ректор Сколтеха А.Кулешов: «проблема не в том, что учёные уезжают. Проблема в том, что они не возвращаются»⁹.

В России по-прежнему устойчиво сохраняется «утечка умов», фактически ставшая альтернативой бедности высококвалифицированных специалистов в связи с отсутствием адекватных условий для реализации человеческого потенциала в массовом масштабе, причем ориентация на ученых—«звезд», привлекаемых с помощью мегагрантов, не меняет общей картины. Как отмечается в докладе ЮНЕСКО: «утечка умов остается хронической проблемой для многих стран с низким или стагнирующим уровнем расходов на научные исследования» [2. С. 28]. По данным главного учёного секретаря Российской академии наук (РАН) Н. Долгушкина, в 2012 г. число покидающих Россию высококвалифицированных специалистов составило 14 000 человек, к 2021 году их число достигло 70 000. Он также отметил, что в 1990 г. Россия занимала первое место в мире по числу учёных — 992 000 человек¹⁰, что соответствовало ведущей роли СССР в научном развитии, а в 2021 г. количество исследователей составило 340 142 человека¹¹. Дополнительный импульс утечке умов на фоне разрыва научных контактов в связи с украинскими событиями придали действия недружественных стран, в первую очередь — США, когда Президент США Дж. Байден выступил за упрощение выдачи американских виз российским учёным, чтобы «лишить президента Владимира Путина талантливых россиян»¹². Эти предложения относятся к магистрам или докторам наук в сферах искусственного интеллекта, ядерной инженерии, квантовой физики.

В последнее время пришло осознание того, что наука обеспечивает международный престиж страны, в связи с чем система организации науки с 2010 г.

⁹ Кулешов А.: "Страна становится старше, беднее и глупее" // Новые известия. 24 марта 2021. URL: <https://newizv.ru/news/2021-03-24/rektor-skolteha-aleksandr-kuleshov-strana-stanovitsya-starshe-bednee-i-glupee-323453>.<https://newizv.ru/news/2021-03-24/rektor-skolteha-aleksandr-kuleshov-strana-stanovitsya-starshe-bednee-i-glupee-323453>.

¹⁰ РАН: за границу с 2012 года стало уезжать впятеро больше ученых. 20 апр. 2021. ТАСС. Российская наука. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/11198355>.

¹¹ URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2022.pdf.

¹² Baker P. Biden seeks to lure Russia's top scientists to the U.S. The New York Times. April 29, 2022. <https://www.nytimes.com/2022/04/29/world/europe/biden-russia-scientists.html>.

дополнилась программой мегагрантов, которая была приостановлена после начала СВО, когда «зарубежные организации стали массово отказываться от участия в международных проектах, на которые уже выделены гранты», и была возобновлена с еще большим размахом с участием «более 50 ведущих ученых из 25 стран, в том числе из Китая, Индии, Сербии, Египта, США, Австралии и других стран... Максимальный размер гранта на такие научные исследования увеличивается с 30 млн до 100 млн руб. в год, а срок предоставления этой меры поддержки — с трех до пяти лет»¹³. Хотя фокус внимания со стороны государства смещается в сторону «проектов под руководством ведущих ученых, решивших переехать на постоянное местожительство в РФ или находиться на территории страны не менее полугода», программа мегагрантов, к которой в научном сообществе неоднозначное отношение, не может охватить всего комплекса знаний о природе и обществе и заменить собой систему организации российской науки в целом.

Однако в то же время сохраняется тренд недостаточного финансирования сферы НИОКР, характерный для всего постсоветского периода, в то время как «в момент старта реформ по затратам на науку Россия находилась на уровне, сопоставимом со средним по странам ОЭСР» [12. С. 177]. Не может считаться удовлетворительным положение, когда из 22 стран по валовым внутренним расходам на НИОКР в ВВП, Россия занимает лишь 19-е место, с 1,09% соседствует с Литвой (1,16%), в то время как лидирует Израиль — 5,4% к ВВП, при среднем по странам ОЭСР — 2,7 % (данные за 2021 год)¹⁴. Кроме того, в СССР при развитом приборостроении сырье и оборудование для научных исследований было преимущественно отечественным, а в настоящее время — с точностью до наоборот, даже примитивные реактивы для опытов научным учреждениям приходится закупать за границей.

Поскольку и в этом вопросе импортозамещение остается большой проблемой, важную роль играет динамика курса рубля. Вследствие санкций параллельный импорт из-за удорожания логистики потребует больших расходов, а девальвация рубля, получившая ускорение после вербальных интервенций вице-премьера А. Белоусова на ПМЭФ¹⁵ и представителей ЦБ, когда только за две последние недели июня 2023 г. рубль обвалился почти на 15% , а с начала года за 9 мес. — более чем на 50%, по сути, обесценивает скромное финансирование и оставляет еще меньше возможностей для научного развития. Судя по ответу министра науки и высшего образования В. Фалькова на вопрос В.В. Путьина о работе по отечественной приборной базе, процесс импортозамещения на данном этапе свелся исключительно к формированию отечественной

¹³ Петрова В. Держи грант шире. Уехавшим ученым предлагают выгодно вернуться. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6136871>.

¹⁴ URL: <https://www.oecd.org/science/>. OECD Main Science and Technology Indicators Database, March 2022

¹⁵ Курс рубля находится в оптимальной для экономики зоне. Заявление для прессы. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18027439>.

бюрократии: «мы хорошо стартовали, сформировали полностью весь управленческий каркас, определили 10 основных направлений, определили все организации, понимаем, что нам надо делать»¹⁶. В то же время при разрыве научных связей затрудняется доступ к научной информации, закупка необходимой иностранной литературы научными организациями сокращается не только в связи с недостаточным финансированием, но и с девальвацией рубля. Следует отметить, что даже в период глобального противостояния СССР и стран Запада система научных библиотек, в частности, библиотека ИНИОН РАН обеспечивала специалистов необходимой информацией из зарубежных источников.

В то же время, вопрос о несоответствии фактической заработной платы учёных – заявленной в официальных документах и российских статистических сборниках неоднократно поднимался не только в СМИ, но и на прямой линии Президента РФ, а также в ходе заседания Совета при Президенте РФ по науке и образованию в 2021 г. Когда В.В. Путин обратился к министру финансов А.Г. Силуанову за разъяснением о фактической зарплате научных работников, то получил ответ, что по документам «ученые обеспечены зарплатой двукратной по региону»¹⁷. Однако выяснилось, что вопреки всем нормам майских указов 2012 г. и разъяснениям Силуанова, вместо положенных 80 тыс. руб. ученая из Новосибирска А. Проскурина, задавшая вопрос В.В. Путину не только лично от себя, но и фактически от имени всего научного сообщества, в действительности получает только 25 тыс. руб. Тем не менее эта проблема в дальнейшем не получила своего разрешения, хотя публичная дискуссия президента с чиновником высокого ранга имела широкий общественный резонанс, и было дано поручение профильному министру разобраться. Однако существенных сдвигов в этом вопросе так и не последовало. Кроме того, даже если предположить, что «двукратная по региону» заработная плата действительно выплачивается в полном объеме, она все равно явно недостаточна, поскольку не соответствует высокой квалификации ученых и, по словам вице-президента РАН, председателя Сибирского отделения РАН В. Пармона, носит дискриминационный характер¹⁸. Вместе с тем по многочисленным социологическим опросам, фиксируется более чем двукратное отклонение зарплаты научных сотрудников от данных Росстата в сторону уменьшения. В настоящее время, по данным Росстата, средняя заработная плата научных сотрудников по стране за январь–март 2023 г. составила 107 758,4 руб., причем в Москве она составила 138 646,5 руб.¹⁹. В то же время, показатели средней заработной платы не являются достаточно информативными для понимания истинного положения в сфере

¹⁶ Встреча с Министром науки и высшего образования Валерием Фальковым. Президент РФ. URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/39/events/70319>.

¹⁷ Герейханова А. Путин про зарплаты ученых: "Где деньги, Зин?" URL: <https://rg.ru/2021/02/08/putin-pro-zarplaty-uchenyh-gde-dengi-zin.htm>.

¹⁸ Иванов Е. Чиновничество не замечает потерю научного потенциала России. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/120869/>.

¹⁹ URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor_01-2023.htm.

науки по причине существующего там значительного расслоения, на которое Государственной Думе РФ было предложено обратить внимание еще в 2017 г. на круглом столе «Оплата труда руководителей организаций: государственное регулирование и практика его применения». Согласно мониторингу Минтруда, соотношение средней заработной платы 10% работников с наибольшей и 10% работников с наименьшей заработной платой составило 19,6 раз, что продемонстрировало негативный эффект «лидерства» в дифференциации даже в соотношении со сферой финансов, где подобный разрыв составил 16 раз²⁰.

Убедительно звучат слова премьер-министра РФ М.В. Мишустина: «ведь не инновации сами по себе, а именно люди, которые их создают, обеспечивают технологический суверенитет во всех отраслях. Для этого необходимы специалисты высокого уровня, которые способны генерировать идеи, совершать революции, если хотите, даже перевороты в своих дисциплинах» [7]. Тем не менее специалистам высокого уровня необходимо платить соответствующую их квалификации заработную плату, о чем неоднократно заявляли многочисленные исследования. Кроме того, важную роль играют условия, благоприятные для трудового процесса. Не случайно в советский период были созданы наукограды, инфраструктура и управление которых были ориентированы на максимально комфортную среду для обеспечения деятельности ученых. Вызывает озабоченность, что вместо восстановления советских наукоградов продолжается их разрушение, начатое в 90-е годы. Кроме того, их лишают особого юридического статуса, нивелировав особенности функционирования, объединяя с близлежащими территориальными образованиями, что наглядно демонстрирует ситуация с наукоградом Протвино и городом Серпухов, широко освещенная в СМИ.

Судя по всему, значимые решения отодвигаются до 2030 г., о чем свидетельствует утвержденная правительством Концепция технологического развития до 2030 г., согласно которой «для обеспечения технологического суверенитета необходимо добиться роста внутренних затрат на исследования и разработки не менее чем на 45%»²¹. В то же время в экспертном сообществе достигнут консенсус о том, что необходимо увеличить эти затраты в разы, чтобы добиться качественных изменений, причем это надо делать немедленно. Для развития человеческого потенциала необходимо повысить зарплату не на уровень инфляции, а кратно, с учетом недофинансирования в предыдущие годы. При бюджетном финансировании недопустима ситуация фактического разделения на так называемых рядовых бюджетников — не только научных работников, но и врачей, учителей, работников сферы культуры — и бюджетников «привилегированных»:

---

²⁰ Круглый стол «Оплата труда руководителей организаций: государственное регулирование и практика его применения» в Государственной Думе РФ Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: <http://rosmintrud.ru/labour/salary/116>.

²¹ Правительство утвердило Концепцию технологического развития до 2030 года. 25 мая 2023 года. Распоряжение от 20 мая 2023 года №1315-р. Новости правительства РФ. URL: <http://government.ru/news/48570/>.

чиновников, работников госкорпораций, силовых структур, артистов. Также необходимо обеспечить единый стандарт оплаты труда бюджетников всех уровней, нивелировав региональные различия. Ожидалось, что после начала СВО получит распространение почин Д. Рогозина, в связи с санкциями объявившего о сокращении своей гигантской зарплаты (83,1 млн руб. за год) на 30% в руководимой им госкорпорации «Роскосмос», хотя после его отставки об этом перестали даже упоминать.

Характерно, что даже проправительственные эксперты признают, что и «до ввода санкций на рынке труда сложился ряд дисбалансов, в частности, в уровне оплаты труда работников бюджетной сферы» [10. С. 6]; региональный разрыв заработных плат, доходящий до 2–3,5 раза, явно дискредитирует выполнение майских (2012 г.) указов, об успехе которого рапортовали повсеместно губернаторы. В то же время для преодоления негативных тенденций в сфере науки, ставшей наиболее ярким примером, когда несоответствие уровня оплаты труда квалификации работников выглядит наиболее вопиюще, эксперты предлагают длинный временной горизонт решения давно назревших проблем. «В научной и преподавательской сфере для повышения конкурентоспособности России на мировом уровне необходимо создать конкурентные условия работы для высококвалифицированных специалистов профессорско-преподавательского состава и научных работников, привлекать талантливых студентов для продолжения обучения и исследовательской деятельности в аспирантуре и в дальнейшем в науке. Для этого в долгосрочном периоде (к 2035 г.) уровень заработной платы передовых научных работников и профессоров вузов должен быть сопоставимым с уровнем заработной платы соответствующих работников в развитых странах (5–7 тыс. долл. США в месяц, текущий уровень заработных плат в развитых странах)» [10. С. 7].

Поскольку установление указанного уровня оплаты труда научных работников — это дело отдаленной перспективы, конкретные решения предложены только для сотрудников (причем в возрасте от 22 до 44 лет) сферы информтехнологий, поддержанной правительством в ответ на их массовый отъезд за рубеж после начала СВО. Однако при всей важности данной отрасли в эпоху цифрового развития, потребности экономики не ограничиваются исключительно ИТ-специалистами. С точки зрения общественных приоритетов обеспечения развития наукоемких технологий и экономики знаний, особое внимание следует уделить обеспечению исследовательской деятельности.

В данной связи представляется необходимым расширить список специальностей, подлежащих стимулированию со стороны правительства. Целесообразно были бы меры поддержки ИТ-специалистов распространить на научных работников, на инженерно-технических специалистов, работающих на жизненно важных предприятиях и наукоемких производствах, причем без ограничений по возрасту, чтобы стимулировать приток работающих пенсионеров,

обладающих фундаментальными знаниями и квалификацией. Также представляется необходимым, чтобы профильные министерства выявляли потребности сферы НИОКР в квалифицированных кадрах, обеспечив их приток стимулирующими выплатами и соцпакетом, увеличить в вузах объем преподаваемых естественнонаучных дисциплин, а также количество бюджетных мест. В связи с экономией средств следовало бы провести сокращение непомерно раздутого управленческого аппарата, в том числе и высшего звена, в первую очередь – структур с дублирующими функциями.

Особо следует отметить, что исключение науки из системы общественных приоритетов в 90-е годы стало едва ли не самым серьезным провалом за весь постсоветский период. Несмотря на заверения о необходимости ее развития, прозвучавшие на самом высоком уровне в связи с первым этапом санкций 2014 г., принципиальных сдвигов до сих пор не последовало. В данной связи вызывает опасение, что консервация сырьевой специализации российской экономики в рамках парадигмы экономики предложения (supply-side economics) не приведет к качественным изменениям воспроизводства человеческого потенциала. К тому же есть предпосылки, что при данной парадигме будет тормозиться развитие общественных наук, как это уже было при ее реализации в оригинальном виде в 80-е годы XX в.

Тем не менее в XXI в. императив развития науки является определяющим и остается на повестке дня как в связи с неослабевающим давлением внешних санкций, так и в связи с необходимостью соответствовать традициям великой державы, в том числе и в обеспечении технологического суверенитета.

Литература

1. *Аганбегян А.Г.* Два главных вызова, стоящих перед Россией: по сокращению катастрофически высокой смертности при восстановлении сохранности народа и переходу к устойчивому социально-экономическому росту // *Экономическое возрождение России.* № 1 (71). 2021.
2. Доклад Юнеско по науке: Наперегонки со временем: за более умное развитие, – UNESCO Цифровая библиотека. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/rf0000377250_rus.
3. *Долматова Ст.А.* Кризис социального государства: политэкономический аспект: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН. 2017. 51 с. URL: https://www.inecon.org/docs/2017/Dolmatova_paper_2017.pdf.
4. *Долматова Св.А. Долматова Ст.А.* Проблемы исследования "утечки умов" и устойчивого развития в условиях глобализации // *Проблемы современной экономики.* 2018. № 4 (68). С. 55–59.
5. *Желнина А.* Рецензия на «Mark Solovey. Social Science for What? Battles over Public Funding for the “Other Sciences” at the National Science Foundation. Cambridge, MA: MIT Press, 2020. 408 pp. ISBN 978-0-262-53905-0». *Laboratorium: журнал социальных исследований.* 2021. 13 (1):151–154.
6. *Ленчук Е.Б.* Актуальные проблемы кадрового обеспечения инновационной экономики России // *Федерализм.* 2013; (3):27–42.

7. *Мишустин М.* Видеообращение к участникам, организаторам и гостям Международного молодёжного промышленного форума «Инженеры будущего». URL: <http://government.ru/news/48840/>.
8. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании XXVI Петербургского международного экономического форума. Президент России (kremlin.ru).
9. Пленарное заседание Форума будущих технологий. URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/39/events/71666>.
10. Предложения по мерам социальной политики в условиях комплексных санкций. Институт ВЭБ. URL: <http://inveb.ru/ru/articles-menu/796-predlozheniya-po-meram-sotsialnoj-politiki-v-usloviyakh-kompleksnykh-sanktsij>.
11. *Решетников М.* Стенограмма доклада Максима Решетникова на заседании президиума Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций. 6 июля 2022. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/stenogramma_doklada_maksima_reshetnikova_na_zasedanii_prezidiuma_pravitelstvennoy_komissii_po_povysheniyu_ustoychivosti_rossiyskoj_ekonomiki_v_usloviyah_sankciy.html.
12. *Соболева И.В.* Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М. Наука. 2007. 202 с.
13. *Фортвов В.Е.* От выживания к развитию. Основные направления развития Российской академии наук. Москва. РАН. 2017.

Stella Dolmatova (e-mail: stelladol@rambler.ru)

Ph.D. in Economics, Senior Researcher,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS) (Moscow, Russian Federation)

THE PROBLEMS OF FULFILLING HUMAN POTENTIAL IN THE FIELD OF SCIENTIFIC RESEARCH: GLOBAL CHALLENGES AND RUSSIAN REALITIES

The article shows that the problems of realizing human potential in the field of science are caused not only by anti-Russian sanctions aimed at undermining the economy and creating barriers to global scientific cooperation and technological development of Russia. They arose long before the Ukrainian crisis and were determined by the economic model, according to which Russia in the global economy was assigned the role of a supplier of raw materials while slowing down the development of science and technology and underfunding socially important industries. It is concluded that in the context of unrelenting sanctions pressure it is necessary not only to prioritize the development of science as a prerequisite for ensuring technological sovereignty, in response to global challenges, but also to create opportunities for the concentration of financial resources for the fulfillment of human potential adequate to these challenges.

Keywords: human potential, science financing, wages, technological sovereignty, paradigm shift.

DOI: 10.31857/S020736760029160-5

© 2023

Сергей Черных

доктор экономических наук, профессор

главный научный сотрудник Института экономики РАН

(e-mail: serge-chernn@yandex.ru)

ИНСТИТУТЫ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКОЙ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с обеспечением эффективного государственного управления научной сферой посредством соответствующих институтов. В экономической теории понятие «институт» трактуется, с одной стороны, как совокупность правовых норм, «правил игры», которые необходимо соблюдать в определенной области социально-экономических отношений, а с другой — как ведомства и организации, осуществляющие функции управления (объектом анализа в основном выступают институты второго типа). Дается критический анализ проводимых в данной области реформ. Делаются выводы о необходимости и возможности совершенствования институциональных основ управления российской наукой — в том числе связанных с повышением правового статуса Российской академии наук.

Ключевые слова: институты, государственное управление, федеральные органы исполнительной власти, Российская академия наук, самоуправление, публичная парадигма.

DOI: 10.31857/S020736760029161-6

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, говорится, что достижение цели научно-технологического развития страны осуществляется, в том числе путем решения задачи создания единой государственной системы управления научной, научно-технической и инновационной деятельностью (пункт 76/3). При этом предусматривается совершенствование всей системы государственного управления и стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации (пункт 106).

События 2022 года усилили актуальность поставленных в Стратегии национальной безопасности РФ задач. Наложённые на Россию санкции, в том числе в научно-технологической сфере, требуют еще более глубокой проработанности действий, адекватных сложившейся ситуации. Стало очевидно, что Россия должна владеть всеми критически важными технологиями для выживания страны и средствами их производства. Таким образом, требования и внимание к развитию отечественной науки и технологий существенно возрастают. В условиях обрыва культурных, научных и образовательных связей с Западом становится очевидным, что страна должна иметь собственный высокий научно-технологический потенциал по ключевым направлениям для обеспечения социально-экономической устойчивости и безопасности страны. На это,

в частности, нацеливает Концепция технологического развития на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р как отраслевой документ стратегического планирования, где сказано, что технологические инновации пока являются, скорее, побочным продуктом расширенного оборота новых научных знаний в рамках исследований и разработок, чем их результатом. Работа по исправлению такой ситуации должна вестись, в частности, в направлении повышения эффективности институтов управления российской наукой, которые играют далеко не последнюю роль, например, в налаживании научно-производственной интеграции в отраслях, имеющих ключевое значение для обеспечения устойчивого развития и национальной безопасности страны. С учетом сказанного, представляется важным рассмотреть проблемы, имеющиеся в институциональной сфере управления наукой, и наметить пути их решения.

Поэтому для начала – несколько слов об институтах как совокупности правовых норм и «правил игры».

В Российской Федерации отношения науки и государства, науки и общества, науки и хозяйствующих субъектов регулируются федеральными законами, законами субъектов РФ, правовыми актами органов местного самоуправления, отраслевыми документами. Основополагающим и систематизирующим документом, регулирующим законодательство о научной и научно-технической деятельности, является Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Закон о науке). Несмотря на постоянно вносимые в данный закон дополнения и изменения, законодателям так и не удается решить весь комплекс задач, связанных с развитием науки; многие правовые проблемы были только обозначены, а ряд норм лишь декларирован. И все-таки Закон о науке является основополагающим, базовым актом системообразующего характера. Более того, он позволил, хотя и не в полной мере, защитить отечественный научно-технический потенциал от разрушения в процессе рыночных реформ. В настоящее время продолжается работа по подготовке нового базового закона, который будет регулировать отношения, возникающие в процессе научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также определять государственную политику в этой области [1].

В 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о РАН). Проведенная согласно этому законодательному акту академическая реформа стала объектом достаточно острой полемики. Так, представители академического сообщества считают, что «мы проиграла все, когда нам не удалось добиться сохранения одной вещи – подведомственности академических институтов и организаций Российской академии

наук. Когда эта позиция была сдана, стало ясно, что Академия перестает существовать в старом виде, потому что все разговоры о двух ключах — это фикция: второй ключ, который находится у Академии, — это ключ от уже чужой квартиры» (академик А. Некипелов) [2]. С другой стороны, есть мнение, что изменения в академической среде предоставили институтам и научным сотрудникам Академии дополнительные возможности, которые «реализуются с точки зрения большей демократии внутри институтов, когда люди в большей степени могут не просто предложить какие-то решения, но и добиться того, чтобы эти решения были приняты» (помощник Президента РФ А. Фурсенко) [2]. Какой бы точки зрения ни придерживаться, ясно одно: конечная граница реформ в определении «правил игры» в научной сфере пока не установлена. Продолжает активно финансироваться университетская наука, идет создание научно-образовательных центров мирового уровня и т. д. Остаются открытыми вопросы, по какому пути будет развиваться наша наука: сохранится ли действующая сегодня модель, будет ли сконструировано что-то принципиально новое или осуществится возврат к «хорошо забытому старому».

Теперь перейдем к институтам второго типа.

В настоящее время на федеральном уровне система государственного управления российской наукой представлена следующими ведомствами и организациями (со своими основными функциями).

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации — осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики, оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сферах высшего образования и научной, научно-технической и инновационной деятельности. Обладает полномочиями учредителя подведомственных организаций и собственника федерального имущества, закрепленного за этими организациями. На 1 января 2023 г. это 219 высших учебных заведений, 446 научных организаций и 7 Домов ученых [3]. В отношении подведомственных организаций министерством осуществляется разработка и утверждение государственных заданий на выполнение работ и/или услуг, что подразумевает и соответствующее выделение бюджетных средств, а контроль за качественным выполнением работ (услуг) производится посредством оценки результативности их деятельности.

Совет по науке и образованию при Президенте Российской Федерации — определение стратегических целей, задач и приоритетов научно-технологического развития РФ, принятие решений о разработке и реализации Правительством РФ важнейших инновационных проектов государственного значения. Проведение по поручению Президента РФ экспертизы проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов по вопросам государственной научной, научно-технической и инновационной политики.

Комиссия по научно-технологическому развитию Российской Федерации (постоянно действующий орган при Правительстве РФ) — координация деятельности федеральных органов исполнительной власти по вопросам, связанным с обеспечением соблюдения основных принципов формирования и реализации государственной научно-технической политики, с разработкой и реализацией государственной программы в области научно-технологического развития в целях выполнения решений Совета при Президенте РФ по науке и образованию. Подготовка и принятие решений, касающихся организации деятельности федеральных органов исполнительной власти по реализации основных направлений государственной научно-технической политики, важнейших инновационных проектов государственного значения, совершенствования этой деятельности, а также осуществление контроля за исполнением таких решений.

Российский научный фонд (РНФ) — финансовая и организационная поддержка фундаментальных и поисковых научных исследований, подготовки научных кадров, развития научных коллективов, занимающих лидирующие позиции в определенной области науки. Выполнение экспертно-аналитических работ, предоставление научно-консультативных услуг государственным органам и организациям. Участие в выработке предложений по формированию государственной научно-технической политики.

Российская академия наук (РАН) (федеральное государственное бюджетное учреждение) — разработка предложений по формированию и реализации государственной научно-технической политики, приоритетных направлений развития фундаментальных и поисковых научных исследований. Экспертное научное обеспечение деятельности государственных органов и организаций. Научно-методическое сопровождение проведения фундаментальных и поисковых исследований в научных и образовательных организациях.

Российская академия образования, Российская академия архитектуры и строительных наук, Российская академия художеств (федеральные государственные бюджетные учреждения) — координация и проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований в соответствующих отраслях науки и техники. Осуществление научно-методического обеспечения реализации отраслевых государственных программ, научно-консультативное и экспертное обеспечение в соответствующих отраслях науки и техники.

В настоящее время основным федеральным органом исполнительной власти, наделенным функциями управления и регулирования в научной сфере, является Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. В зоне ответственности Минобрнауки — координация фундаментальных научных исследований, которые проводятся (наряду с прикладными исследованиями) в других министерствах и ведомствах, что и на них накладывает определенные управленческие и регуляторные функции. Кроме того, Минобрнауки —

ответственный исполнитель государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», где участниками являются министерства и ведомства, ведущие научные и образовательные организации.

В ноябре 2022 г. Минобрнауки анонсировало появление нового института — заместителей руководителей министерств и ведомств по научно-технологическому развитию (научных омбудсменов), задача которых — объединять отраслевой бизнес и науку, чтобы результаты исследований и разработок как можно быстрее внедрялись в производственные процессы. Можно предположить, что примером здесь послужил опыт Израиля, связанный с функционированием ведомств главных ученых при министерствах. По нашему мнению, научный омбудсмен должен быть достаточно самостоятельным в своей работе, т.е. не обременен излишней бюрократической нагрузкой, которая неизбежна при статусе заместителя министра.

В Законе о науке говорится, что управление научной и (или) научно-технической деятельностью осуществляется на основе сочетания принципов государственного регулирования и самоуправления (статья 7). Последнее трактуется следующим образом: «Органы государственной власти Российской Федерации гарантируют субъектам научной и (или) научно-технической деятельности свободу творчества, предоставляя им право выбора направлений и методов проведения научных исследований и экспериментальных разработок» (статья 3, п. 2). С одной стороны, это означает, что федеральные органы исполнительной власти лишь оформляют в виде государственного задания разработанные подведомственными организациями планы НИР. С другой стороны, это не умаляет преобладающую роль государственно-регулятивных начал в управлении научной сферой, и о самоуправлении здесь можно говорить с большой натяжкой. Представляется, что реальное самоуправление осуществлялось в дореформенный период (до 2013 г.), когда Российская академия наук, строящаяся на принципах выборности своих членов и руководящих органов, обладала правом на создание, реорганизацию и ликвидацию подведомственных организаций. На конец 2012 г. число учреждений РАН составляло 550 (436 научных организаций и 114 организаций научного обслуживания и социальной сферы), где трудились 95 тыс. человек (в т. ч. 48,4 тыс. научных работников) [4. С.160, 163].

Мы придерживаемся точки зрения, что Российской академии наук необходимо вернуть правовой статус «государственная академия наук» в дореформенных границах, поскольку именно в данном статусе возможна работа РАН на началах научного самоуправления, которое подразумевает «свободу научного и технического творчества: предоставление возможности научным коллективам и организациям, другим участникам исследований и разработок выбирать и сочетать направления, формы взаимодействия, методы решения исследовательских, технологических задач при одновременном повышении их ответственности за

результативность своей деятельности и значимость полученных результатов для развития национальной экономики и общества» [5].

Здесь можно вернуться к вопросу о государственных заданиях академическим институтам, подведомственным Минобрнауки РФ (будем называть их так, поскольку у них в названиях сохраняется упоминание о принадлежности к РАН). С одной стороны, как уже говорилось, институты сами разрабатывают проекты государственных заданий, с другой стороны, во-первых, РАН практически исключена из этого процесса, хотя за ней законодательно закреплена функция научно-методического руководства; во-вторых, формирование госзаданий на три года – это абсолютно негибкая система, в которую невозможно оперативно внести изменения при том, что в фундаментальной науке фактор случайности играет значительную роль. С профильным министерством, как отмечают руководители институтов, оперативного взаимодействия по этим вопросам не получается [6].

В настоящее время сотрудниками Центра исследований проблем государственного управления Института экономики РАН разрабатываются институциональные подходы к формированию публичной парадигмы государственного управления (или публичного управления в широком смысле), что нашло отражение в ряде публикаций (напр., [7, 8]). Публичная парадигма предполагает формирование модели государственного управления с участием широкого круга заинтересованных сторон, действующей с участием общества, в интересах общества и прозрачную для общества. Представляется, что прообраз такой модели существовал в системе управления фундаментальной наукой до середины 2013 г., т. е. до принятия Закона о РАН. Это управление (которое вполне корректно назвать самоуправлением на основе публичной парадигмы) было сосредоточено в Российской академии наук и отраслевых государственных академиях, построенных на принципах выборности всех органов и коллегиальности принимаемых решений с участием представителей научного сообщества.

Согласно Уставу Российской академии наук, утвержденному Правительством РФ в ноябре 2007 г., высшим органом управления РАН является Общее собрание академии. Участники Общего собрания – действительные члены и члены-корреспонденты РАН, а также научные сотрудники научных организаций, подведомственных академии, делегированные этими организациями на срок от 1 года до 5 лет по квотам, устанавливаемым Общим собранием по представлению президиума РАН. Научные сотрудники, делегируемые научными организациями на Общее собрание, избираются учеными советами этих организаций тайным голосованием [9]. В свою очередь, как известно, ученые советы академических институтов избираются тайным голосованием научных сотрудников. Ученые советы также выдвигают кандидатов в новые члены и члены-корреспонденты академии. Кроме того, при Президиуме РАН

функционировал Совет директоров институтов РАН — консультативно-совещательный орган, осуществлявший подготовку предложений и рекомендаций для Президиума и руководителей подведомственных организаций по широкому кругу финансово-экономических и организационных вопросов. Справедливости ради отметим, что и при Минобрнауки с февраля 2021 г. действует Совет директоров научных организаций, но его функции в основном ограничиваются выработкой предложений по совершенствованию механизмов оплаты труда научных сотрудников [10].

На страницах журнала «Общество и экономика» автор не так давно проанализировал теоретические и методологические подходы к возможности применения не только в политике, но и в экономике методов «мягкой силы», основанных на публичных (открытых, доступных и коллективных) принципах воздействия. Отмечалось, что использование «мягкой силы» особенно актуально в креативной экономике, связанной с творческой средой, представители которой (в нашем случае ученые) неприязненно воспринимают жесткие директивы [11]. Именно такой «мягко-силовой» формат использовался, по нашему мнению, в управлении наукой в дореформенный период.

Одна из современных проблем государственного регулирования научной сферы состоит в большом количестве действующих подзаконных нормативных правовых актов, которые, по существу ограничивающих действие положений Закона о науке, который все больше устаревает. Уже почти десятилетие разрабатывается, как отмечалось, новый базовый закон, перспективы принятия которого пока остаются неясными. Все это не может не сказаться на управленческих и регулирующих функциях Минобрнауки и других ФОИВ, в рамках которых проводятся научные исследования. Кроме того, и вне системы ФОИВ действуют институты, имеющие отношение к управлению и регулированию научной сферы.

Вот что говорили по этому поводу эксперты Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ почти 10 лет назад по горячим следам проведенной академической реформы: «У нас в стране регулирование отношений, субъектами которых выступают ученые и научные работники, осуществляется многими органами исполнительной власти и другими организациями. При этом ни один орган не наделен таким объемом полномочий, который бы позволял осуществлять управление в сфере интеллектуальных ресурсов в классическом варианте, т. е. «проходя» все те этапы, которые присущи государственному управлению, а именно: сбор и обработка информации; анализ, систематизация, синтез; постановка на этой основе целей, выбор метода управления, прогнозирование; внедрение выбранного метода управления; оценка эффективности выбранного метода управления» [12. С. 85–86]. А вот более «свежее» высказывание специалистов из Института экономики РАН: «Критически важно определить субъект управления научно-технологическим

развитием, способный формировать и реализовывать научно-технологическую политику в контексте актуальных задач перехода к новой модели развития. В России такие функции может выполнять только надведомственный орган, действующий под руководством заместителя Председателя Правительства РФ» [13. С. 46]. Как видим, за десятилетие ситуация в сфере управления наукой не изменилась к лучшему, несмотря на непрерывное реформирование.

Была надежда, что надведомственным координирующим органом станет Комиссия по научно-технологическому развитию Российской Федерации, организованная в марте 2021 г. как своеобразная реинкарнация Государственного комитета по науке и технике СССР (ГКНТ). Однако этого не произошло, и главным неформальным «управляющим» и «координатором», на наш взгляд, сейчас является Совет по науке и образованию при Президенте Российской Федерации.

20 апреля 2023 г. Президент РФ утвердил перечень поручений по итогам заседания Совета по науке и образованию, состоявшегося 8 февраля 2023 г. В этот перечень, в частности, входят (согласно источнику) [14. С.2]:

- представление предложений по внесению изменений в Стратегию научно-технологического развития РФ с учетом имеющихся и прогнозируемых вызовов (исполнители: Правительство РФ, президиум Совета по науке и образованию);
- выработка концептуальных подходов к развитию института головных научных организаций (исполнитель: Правительство РФ);
- определение объемов бюджетных ассигнований, выделяемых для предоставления в качестве имущественного вклада Российской Федерации в РНФ (исполнители: Правительство РФ, Российский научный фонд);
- проведение оптимизации экспертных советов, действующих при федеральных органах исполнительной власти и госкорпорациях, для формирования единой системы экспертизы научно-технических программ и проектов (исполнители: Правительство РФ, Российская академия наук).

Таким образом, за исключением отраслевых академий наук, мы видим в числе исполнителей поручений все перечисленные выше институты (когда речь идет о Правительстве РФ, Комиссия по научно-технологическому развитию, вероятно, подразумевается). Вспоминая в этой связи ГКНТ, отметим, что управленческий статус комиссии ниже, чем управленческий статус комитета.

Вопрос о формализации главного субъекта управления научно-технологическим развитием (несмотря на все уважение к Совету по науке и образованию при Президенте РФ, стоит настолько остро, что Президент РАН Г. Красников даже предложил взять на Академию «функции ГКНТ: оценку всего научного ландшафта и рекомендации по его развитию» [15. С.8].

В заключение отметим, что одним из основополагающих принципов государственного управления научной сферой должно стать установление одинаковых «правил игры» для всех субъектов научной деятельности — академических учреждений, вузов, исследовательских центров и др., независимо от того, приоритетной или нет на настоящий момент является тематика их исследований, крупные они или нет. К сожалению, действующие институты еще слабо ориентированы на такую установку. Так, например, Российский научный фонд в результате многоходовой оптимизации оказался фондом-монополистом, и это (за счет применяемой им фильтрации с использованием высоких библиометрических и других входных барьеров) серьезно ограничило доступ «простых» исследователей к грантовым средствам (подробнее см. [1]). Вместе с тем следует приветствовать решение Минобрнауки об отмене градации академических институтов по категориям, от которых зависел уровень их финансирования.

Побороть излишний бюрократизм и проявления монополизма возможно только в рамках публичной парадигмы государственного управления. Успешное развитие научно-технологической сферы в таких рамках зависит от наличия общей воли и понимания целей данного процесса как всем обществом, так и представителями государственной власти. Очень важно при этом, чтобы государственное управление научной сферой через соответствующие институты было направлено на повышение роли фундаментальной науки в решении насущных социально-экономических задач, а для этого, повторим, нужно повысить организационно-правовой статус Российской академии наук, вернув его в дореформенные границы. Следует в этом плане уточнять и изменять отдельные статьи Закона о науке и Закона о РАН, а также ввести в Гражданский кодекс РФ отсутствующее там понятие «государственная академия наук» с акцентом на самоуправление в ее деятельности.

Литература

1. Черных С.И., Фетисов В.П. К вопросу реформирования и определения правового статуса Российской академии наук // Управление наукой и наукометрия. 2023. Том 18. № 2. С. 270–285.
2. Академические реформы: вопросы ученых к реформе и реформаторам (по материалам СМИ). Составитель С.А. Шаракшанэ. М.: Российская академия наук. 2016. 136 с.
3. Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/about/podvedomstvennyye-organizatsii/>.
4. Отчет о деятельности Президиума Российской академии наук за период май 2008 г. — 2013 г. М.: Наука. 2013. 312 с.
5. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 1 декабря 2016 г. № 642. Пункт 30, подпункт а // СПС «КонсультантПлюс».
6. Колесова О. Создать нельзя купить. На «Технопроме-2023» формировали новые производственные цепочки // Поиск. 1 сентября 2023. № 34–35. С. 2.
7. Смотрицкая И.И., Черных С.И. К концепции развития публичного управления в России // Общество и экономика. 2021. № 11. С. 5–17.

8. *Смотрицкая И.И., Черных С.И., Сазонова Е.С.* Концепция публичного управления в контексте долгосрочных целей новой экономической политики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 4. С.62–78.
9. Устав Российской академии наук. Утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 ноября 2007 г. № 785. URL: <https://www.ras.ru/about/rascharter.aspx>
10. Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/29443/>.
11. *Черных С.И.* Методы «мягкой силы» в политике и экономике // Общество и экономика. 2023. № 1. С.27–36.
12. Реформа науки и образования: сравнительно-правовой и экономико-правовой анализ. Монография под ред. ак. Т.Я. Хабриевой. М., СПб.: Нестор-История, 2014. 476 с. С. 85–86.
13. Доклад о научно-исследовательской работе по теме: «Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста в Российской Федерации» / Науч. рук. Е.Б. Ленчук. М.: ИЭ РАН. 2022. 56 с.
14. Уточнить стратегию // Поиск. 28 апреля 2023. № 17. С.2.
15. *Понарина Е.* Сквозь магию посулов // Поиск. 1 сентября 2023. № 34–35. С.8.

Sergey Chernykh (e-mail: serge-chernn@yandex.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,

Chief Scientific Associate, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS) (Moscow, Russian Federation)

INSTITUTIONS OF SCIENCE ADMINISTRATION IN RUSSIA: PROBLEMS AND SOLUTIONS

The article deals with the problems associated with ensuring effective public administration of the scientific sphere through the relevant institutions. In economic theory, the concept of "institution" is interpreted, on the one hand, as a set of legal norms, "rules of the game" that must be observed in a certain area of socio-economic relations, and on the other hand, as government bodies and organizations that perform administrative functions (the object of analysis is mainly institutions of the second type). A critical analysis of the reforms carried out in this area is given. Conclusions are drawn about the necessity and possibility of improving the institutional foundations of the management of Russian science, including those related to the enhancement of the legal status of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: institutions, public administration, federal executive organisations, Russian Academy of Sciences, self-government, public paradigm.

DOI: 10.31857/S020736760029161-6

© 2023

Галина Анисимова

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Института экономики Российской академии наук
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: anisimovagalina@bk.ru)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО: ПРАКТИКА СССР И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

В статье показана значимая роль государства в регулировании уровня социально-экономического неравенства. Проведено сравнение масштабов государственного регулирования в советский и постсоветский периоды. В советский период государство целенаправленно осуществляло уменьшение дифференциации оплаты труда, что привело к уравниловке и снижению производительности труда. В постсоветский период государство практически отстранилось от решения проблемы экономического неравенства. Сформировалась устойчивая тенденция роста подоходной дифференциации населения, сопровождающаяся снижением темпов экономического роста.

Ключевые слова: государственный патернализм, государственное регулирование, социально-экономическое неравенство, уровень доходов.

DOI: 10.31857/S020736760029162-7

Известно, что современное государство уже глубоко вторглось в экономику и его можно рассматривать не только как политическую форму самоорганизации общества, но и как экономический механизм этой самоорганизации. Это определяется, прежде всего, ростом объема его экономической деятельности. О возрастании роли государства в регулировании экономических процессов пишут многие российские и зарубежные исследователи [4]. Современное государство является важнейшим агентом экономических отношений.

Весьма значима роль государства и в решении социальных проблем, важнейшей из которых является социально-экономическое неравенство. Проблема неравенства сегодня заняла одно из центральных мест во многих социальных и экономических науках. Рост социально-экономического неравенства, происходящий в последние десятилетия как в отдельных странах, так и в глобальном масштабе, и проблемы определения его пределов сегодня привлекают все большее внимание исследователей. Социальный конфликт как основной конфликт в распределении общественного продукта стал важнейшим предметом изучения современной политической экономии. Т. Пикетти в переведенной на русский язык книге «Капитал в XXI веке» отмечает: «В начале двадцать первого столетия некоторые виды имущественного неравенства, которые казались преодоленными, вновь возвращаются к историческим пикам и даже превосходят их в рамках новой мир-экономики, дающей стремительные

надежды (конец бедности) и приводящей к не менее масштабным дисбалансам (некоторые люди богаче целых стран)» [14. С. 469].

Однако либеральные экономисты полагают, что государственное регулирование нарушает спонтанное развитие, ограничивает индивидуальную свободу и в конце концов подрывает устои современного общества. Как пишет один из представителей либеральной школы, методологический индивидуализм «исходит из представления об отдельных людях как о завершенных социальных единицах и рассматривает институты как непреднамеренный результат действий людей, стремящихся решать свои проблемы в условиях ограниченности знания» [9. С. 129]. Т.е. институты должны возникать как стихийная (или спонтанная) форма объединения людей. К чему это приводит в современном мире будет показано в настоящей статье.

Масштабы государственного регулирования на разных исторических этапах существования нашей страны были различными. Для советского периода было характерно всеобъемлющее государственное регулирование, которое затрагивало все сферы жизнедеятельности общества (жесткий государственный патернализм). Но и в тот период существовало социально-экономическое неравенство. Однако согласно официальной идеологии советское общество считалось социально однородным. Поэтому в научных исследованиях проблемы неравенства, как правило, не затрагивались. Так, например, М.Н. Руткевич в 1982 г. писал: «Возрастание социальной однородности общества означает его продвижение ко все более полному социальному равенству, поскольку происходит выравнивание социальных групп и входящих в них индивидов по их положению в системе общественных отношений» [18. С. 11–12].

Писать о неоднородности, а тем более о неравенстве в то время осмеливались немногие. Среди них видное место занимает известный политэконом Я.А. Кронрод. Трактруя отношения собственности—распоряжения как исходные, как отношения по монопольному распоряжению средствами производства, Я.А. Кронрод полагал, что здесь существует лишь *формальное равенство* участников производства в экономическом процессе, которое реализуется в *фактическом экономическом неравенстве* отношений распределения (отношений присвоение—использование). Экономическое неравенство реализуется в распределении по труду, являясь формой экономически неравного присвоения продуктов труда для различных групп трудящихся. «Распределение лишь *выражает* реальное положение производителей в производстве. И поэтому ежели бы это положение было положением *фактического экономического равенства*, то и само распределение необходимо было бы экономически равным распределением» [6. С. 306].

Исходя из этого, равенство членов социалистического общества по использованию средств производства, а следовательно, и в целом по отношению к собственности, обуславливает лишь частичное фактическое равенство. Так,

Я.А. Кронрод писал: «социалистическая общественная собственность на средства производства означает *формальное равенство* участников производства в экономическом процессе потому, что представляет собой единство отношений присвоения-распоряжения средствами производства, *экономически уже равного* для всех участников производства, и отношений присвоения-использования средств производства, *экономически еще не равного* для различных групп трудящихся» [6. С. 305–306]. Формальный характер равенства в советском обществе обуславливается тем, что общее владение средствами производства, создав экономическое равенство по отношению к ним, т. е. означая новую форму связи между производителями по поводу средств производства на основе всеобщности и равенства труда вместе с тем не обеспечивает еще экономического равенства по фактическому использованию средств производства. Именно поэтому сохраняются различия положения трудящихся в производстве и характере их труда, а следовательно, и социально-экономическое неравенство в советском обществе. По оценкам Я.А. Кронрода, размах дифференциации доходов составлял 1 : 3, 1 : 4 и более раз в потреблении ряда важнейших продуктов питания и непродовольственных благ [7. С. 106–107]. Ценность политэкономических исследований Кронрода состоит в том, что они имели непосредственную связь с народнохозяйственной реальностью.

Научная концепция Я.А. Кронрода полностью противоречила советской официальной идеологии социального равенства (однородности) советских людей. Не случайно она была подвергнута весьма жесткой критике. Против концепции Кронрода выступили многие, например: А.И. Пашков [13], И.И. Кузьминов [10], Н.А. Цаголов [23].

В советский период официальная идеология провозглашала тезис о полном единстве и равенстве членов социалистического общества. До 1988 г. данные о дифференциации в уровне жизни населения, о различиях в материальной обеспеченности советских людей были доступны только узкому кругу специалистов и руководителей высокого ранга. «Те, кто определял политику, ее цели и методы, – писала Л.С. Ржаницына уже в постсоветское время, – исходили из тезиса о безусловном единстве и однородности условий жизни в социалистическом обществе – так легче было управлять народом при командно-административной системе. При такой позиции вскрытие реальных противоречий нашего бытия, разделение людей на обеспеченных и сверхобеспеченных, с одной стороны, и еле сводящих концы с концами – с другой, не поощрялось» [17. С. 112].

В 1990 г. были опубликованы данные официальной статистики о неравенстве в потреблении продуктов питания в семьях с разным уровнем доходов (табл. 1).

Как видно из приведенных данных, потребление продуктов питания в семьях с низкими доходами в 2–3 раза ниже, чем в семьях с высоким уровнем доходов. А если сюда добавить материальные блага, которые распределялись не

через зарплату, а через так называемые общественные фонды потребления, то получим, что советская бюрократия получала много больше, чем простой советский человек.

Таблица 1

Потребление продуктов питания в семьях с различным размером среднедушевого совокупного дохода в 1986 г.

(по материалам обследования семейных бюджетов; на члена семьи в год, килограммов)

Продукты	В семьях со среднедушевым совокупным доходом в месяц, руб.			
	до 75,0	75,1–100,0	100,1–150,0	151,1 и выше
Мясо и морепродукты	32	51	66	86
Молоко и молочные продукты	224	314	363	448
Яйца, шт.	139	211	247	302
Рыба и рыбопродукты	7	12	16	19
Сахар	23	28	31	37
Растительное масло и другие жиры	9	8	7	8
Картофель	71	95	102	119
Овощи и бахчевые	80	89	96	115
Хлебные продукты	146	125	112	120
Фрукты	34	41	48	61

Источник: [19. С. 137].

Периодический учет распределения рабочих и служащих по размерам оплаты труда начался в 1956 г. с введением официального минимума заработной платы (табл. 2).

Таблица 2

Распределение численности рабочих и служащих по размерам заработной платы (в процентах)*

Показатель	Март 1956 г.	Апрель 1968 г.	Март 1972 г.	Апрель 1976 г.	Март 1981 г.	Март 1986 г.
Всего рабочих и служащих, проработавших полностью месяц	100	100	100	100	100	100
из них:						
с начисленной заработной платой (без работников, принятых на неполный рабочий день или неделю, и учеников), руб.						
менее 80	70,3	32,3	23,3	15,0	6,3	4,8
80–100	13,1	21,1	18,3	14,5	13,5	11,2
100,01–120	6,5	14,9	14,5	13,1	12,2	10,2
120,01–140	3,6	10,6	12,0	12,8	12,4	10,9

140,01–160	2,0	7,2	9,4	11,5	11,6	11,3
160,01–200	1,9	7,3	11,8	16,0	19,0	18,2
200,01–250	1,2	3,1	5,5	8,9	12,4	15,1
250,01–300	1,2	1,3	2,1	3,8	5,5	7,6
свыше 300	0,4	1,1	2,0	3,4	6,1	9,5
Коэффициент фондов	3,28	2,88	3,2	3,35	3,12	3,38

*Без учета работников, принятых на неполный рабочий день или неделю, и учеников.

Источник: [22. С. 146].

Данные табл. 2 свидетельствуют о стабильном и довольно незначительном расслоении советского общества по уровню доходов. На фоне устойчивой тенденции роста среднемесячной заработной платы (за период с 1950 по 1985 гг. среднемесячная денежная заработная плата работников промышленности возросла с 70,8 до 210,6 руб., т. е. почти на 200%) произошло значительное сокращение численности малооплачиваемых работников. Если в 1956 г. зарработки менее 80 руб. получала основная часть работающего населения, то спустя 30 лет – менее 5%, т. е. численность малообеспеченных работников сократилась почти в 15 раз. Но еще интенсивнее возросла доля высокооплачиваемых работников (в 23 раза). При этом основная масса трудящихся передвинулась в зону средних доходов.

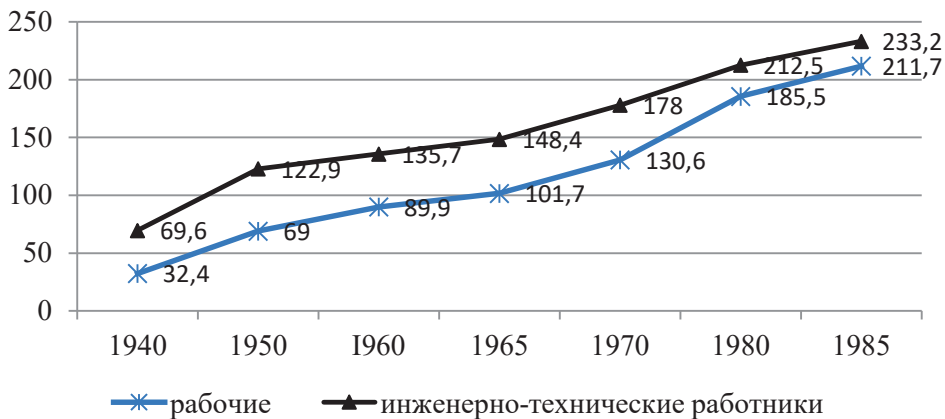
В 1950-е годы началось планомерное уменьшение дифференциации по трем основным направлениям:

- увеличение размеров минимальной заработной платы;
- сокращение разрывов в заработной плате низко- и среднеоплачиваемых по сравнению с высокооплачиваемыми группами рабочих и служащих;
- изменение в распределении численности рабочих и служащих по размерам заработной платы.

Темпы роста заработной платы различных категорий работников были неодинаковы. Более быстрыми темпами возрастала зарплата промышленно-производственных рабочих. Динамика заработной платы ИТР и служащих характеризовалась более низкими темпами роста, что привело к значительному сближению уровней оплаты труда указанных категорий работников.

После Великой Отечественной войны и в 1950-е годы оклад квалифицированного рабочего в промышленности был выше заработка неквалифицированного от 1,3 до 2,8 раза. Высок был престиж и заработок инженера на производстве. Это было время *естественной неидеологизированной дифференциации*, когда заработная плата квалифицированных рабочих и ИТР устанавливалась исходя из общественно-необходимой значимости и сложности их труда. Уже в конце 1950-х годов разрыв между оплатой труда инженеров и служащих, с одной стороны, и рабочих, с другой, последовательно искусственно стал сокращаться. Зарплата ИТР стремительно сближалась с заработком рабочих (рис. 1).

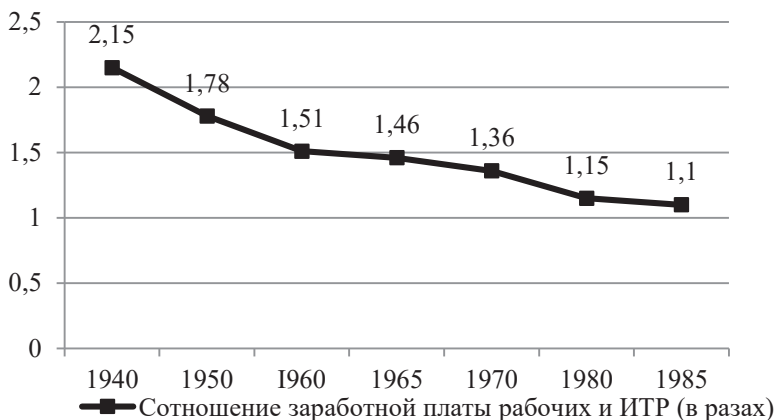

Рис. 1. Динамика оплаты труда промышленно-производственного рабочего и инженера.

Источник: [11. С. 519; 12. С. 397].

Согласно советской официальной идеологии, этот процесс соответствовал основной закономерности развития социализма – преодолению классовых различий. В конце 50-х годов под эти представления подводилась «солидная» теоретическая база. Из небытия вернулась «классовая политика» приоритетной поддержки рабочих.

Если в середине 50-х средняя зарплата ИТР была выше зарплаты рабочего в 1,7 раза, то в 1960 г. – в полтора, в 1970 г. – на треть, а в середине 80-х – в 1,1 раза (рис. 2). С 1986 г. ЦСУ вообще перестало публиковать данные по заработной плате ИТР.

Рис. 2. Динамика соотношения заработной платы рабочих и ИТР в промышленности.

Источник: рассчитано автором по: [11. С. 519; 12. С. 397].

В период 1956–1965 гг. в ходе проведения тарифной реформы были разработаны и внедрены новые условия организации оплаты труда, предусматривающие повышение заработной платы низко- и среднеоплачиваемых работников. Вновь вводимые тарифные ставки низшего разряда были повышены на 60–80%. При этом значительно сократились колебания удельного веса тарифа в заработках рабочих по отдельным отраслям промышленности. Если в начале 50-х годов соотношение между ставками крайних разрядов достигало 4 раз, то с введением новых тарифных сеток разрыв сократился до 1,8–2 раз. Уменьшились, как правило, различия между низшими и высшими должностными окладами в новых схемах должностных окладов ИТР и служащих [5. С. 263]. В результате было нарушено справедливое соотношение между мерой труда и мерой его вознаграждения. Возникли серьезные деформации отношения к труду и снижение его производительности, что порождало много серьезных проблем в нормальном развитии экономики.

В 1960-х годах форсированная политика формирования «социально однородного общества» приобрела весьма уродливую форму, которая выражалась в искусственном «подтягивании» низкооплачиваемых слоев к среднему уровню заработной платы. Все это делалось чисто административными методами, без надлежащего экономического обоснования. Искусственно сформированная тенденция к уравниловке в оплате труда явилась одной из важнейших причин краха советской экономики. По мнению Н.Е. Рабкиной, «взлелеянная экономистами» политика сокращения дифференциации заработной платы «под корень подрубила экономические стимулы». Она считает, что до конца 60-х годов экономика была еще «на краю воронки» и можно было еще вырваться из водоворота взаимодействующих частей разлаженного экономического механизма. «Но время было упущено и события вышли из-под контроля» [16. С. 151].

В конце XX в., когда стремительно разрушалась социалистическая система мира, многим гражданам России будущее постсоциалистическое общество виделось справедливым в противовес существовавшей уравнилительной системе. Однако, как показывает практика, прошедшие почти 30 лет преобразований в постсоветской России не создали общества социальной справедливости. Даже наоборот.

В советском далеко не свободном обществе в экономическом смысле было весьма незначительное социально-экономическое расслоение. Децильный коэффициент (который рассчитывался как коэффициент фондов в современной статистике) составлял 3–5 раз, что было равно или даже ниже, чем в скандинавских странах. С 1990-х годов в России появились новые тренды. Экономическая свобода и разгул рынка привели к непомерной поляризации доходов населения и, как следствие, к резкой социальной поляризации общества. Четко выраженной тенденцией, сформировавшейся в постсоветский период, является устойчивая тенденция роста подоходной дифференциации населения.

Необоснованно высокое социально-экономическое неравенство характерно для всех срезов российской экономики, территорий и видов хозяйственной деятельности по уровню доходов, потребления и сбережений населения, распределению собственности, располагаемому экономическому и социальному потенциалу. Если в 1992 г. доходы наиболее обеспеченного населения превышали доходы наименее обеспеченного в 8 раз, то к 2021 г. — уже в 14,8 раз [20. С. 130; 21. С. 134].

Сопоставление динамики основных экономических показателей (ВВП, роста промышленного производства и др.) с динамикой степени социального расслоения российского общества показывает, что между ними не прослеживается четкой взаимосвязи и одинаковой направленности тенденций. Тенденция необоснованного роста неравенства наблюдается как в периоды экономического спада (1991–1998 гг., 2008–2009 гг.), так и на фоне экономического роста. Можно сделать вывод, что в 2011–2013 гг. Россия вошла в полосу усиления чрезмерного неравенства, когда снижение темпов экономического роста сопровождается увеличением степени неравенства. Поэтому неравенство в российском обществе следует рассматривать как избыточное, которое сокращает внутренний потребительский спрос, сопровождается снижением темпов роста сберегательных вкладов и инвестиций (с 2011 г. темпы роста сбережений и ВВП характеризуются минусовыми значениями) и является одним из важнейших факторов, сдерживающих экономический рост [подробнее: 3].

Поляризация доходов населения и социальный разлом общества является наиболее опасным социально-экономическим результатом реформ. Особенно это опасно тем, что в «страну» богатых и очень богатых, а также высокообеспеченных фактически входит политическая элита, которая не хочет знать, как живет большинство населения, как живет «страна» бедняков, доходы и потребление которых часто не достигают даже прожиточного минимума, сформированного на биологическом уровне.

Современные исследователи Д. Аджемоглу и Д. Робинсон, указывающие на первопричину экономического неравенства и деградации общества на примере Египта, делают вывод: «На самом деле Египет беден именно потому, что им управляла узкая прослойка элиты, которая организовала экономику таким образом, чтобы обогащаться в ущерб всему остальному населению» [2. С. 14]. Таким образом, можно заключить, что путь к процветанию общества состоит в преодолении чрезмерного экономического неравенства, к осознанию чего должен прежде всего прийти правящий класс любого общества.

В развитых странах с рыночной экономикой уже в течение длительного времени осуществляется государственное регулирование, направленное на выравнивание материального положения различных доходных групп населения, и такая система признается наиболее важной частью механизма перераспределения доходов (табл. 3).

Таблица 3

**Воздействие социального регулирования на уровень неравенства
в экономически развитых странах**

Страна	Сре- дина 1970-х годов	1985 г.	1990 г.	1995 г.	Начало 2000-х го- дов	Начало 2010-х годов	Начало 2020-х годов
	Коэффициент Джини до уплаты налогов и трансфертов						
Великобрита- ния	0,338				0,458		0,456
Германия		0,439	0,429	0,459	0,471	0,494	0,504
Дания		0,373	0,396	0,417	0,416	0,433	0,451
Канада	0,385				0,440	0,436	0,441
Нидерланды	0,426				0,424	0,426	0,426
США	0,406				0,476	0,486	0,486
Франция				0,473	0,490	0,505	0,516
Швеция	0,389		0,408	0,438	0,446	0,432	0,426
Коэффициент Джини после уплаты и трансфертов							
Великобрита- ния	0,268	0,309	0,354	0,336	0,351	0,331	0,345
Германия		0,251	0,256	0,266	0,264	0,287	0,293
Дания		0,221	0,226	0,215	0,227	0,251	0,263
Канада	0,304	0,293	0,287	0,289	0,318	0,317	0,324
Нидерланды	0,263	0,272	0,292	0,297	0,292	0,284	0,294
США	0,316	0,337	0,348	0,361	0,357	0,380	0,378
Франция				0,277	0,287	0,303	0,295
Швеция	0,212	0,198	0,209	0,211	0,243	0,234	0,259

Источник: составлено автором по: [24].

Искусственность формирования в Америке в середине XX столетия «относительно справедливого» общества и естественный характер его разрушения в последние десятилетия убедительно доказал проф. П. Кругман. Его исследования показывают, что «...институты, нормы и политические условия гораздо больше влияют на распределение доходов, а объективные рыночные факторы – гораздо меньше, чем в том нас пытаются уверить в базовом курсе экономикс» [8. С. 14]. По его мнению, ведущую роль здесь играли не перемены в экономике, а политическая воля правительства, осознавшего, что предотвращение социального взрыва возможно только при условии изменения налоговой и социальной политики.

Средний класс в послевоенной Америке был создан на протяжении всего лишь нескольких лет, став результатом политики администрации Ф. Рузвельта. На протяжении первого срока президентства Рузвельта максимальный налог на доходы был повышен с 24 до 63%, в течение второго – до 79%, а к середине

1950-х годов он достиг... 91%. Налог на прибыль корпораций вырос за тот же период с 14 до 45%, а на крупные наследства – с 20 до 77%. В результате доля национального богатства, которая контролировалась богатейшей 0,1% американцев, упала за эти годы вдвое – с 21,5 до менее чем 10% [8. С. 53–54]. Следствием стало так называемое «великое сжатие»: сокращение разрыва в доходах, которое произошло в Соединенных Штатах за период с 1920-х по 1950-е годы, резкое уменьшение разницы между богачами и трудящимися классами, а также сокращение дифференциации зарплаты самих наемных работников. Помимо повышения налогов на богатых граждан повсеместно начала вводиться практика социального страхования. Все это привело к тому, что «в промежуток времени между 1920-ми и 1950-ми годами Америка была страной победившего среднего класса.

Государственное регулирование распределения доходов имеет объективные экономические и политические основания. При этом необходимо соблюдение баланса, т. к. опасны все крайности в распределении доходов. С одной стороны, чрезмерно *низкий* уровень неравенства в распределении доходов негативно сказывается на трудовой мотивации, ослабляет стимулы к активности наиболее предприимчивых и способных членов общества, тем самым подрывает потенциал экономического развития. И в этом случае либеральные экономисты правы: уравниловка тормозит экономическое развитие. С другой стороны, чрезмерно *высокое* неравенство затрудняет обеспечение равных возможностей всем членам общества, ведет к сокращению потребительского спроса и индивидуальных сбережений, обострению социальных проблем, а при определенных условиях может послужить источником социально-политической напряженности и нестабильности. И здесь либеральная концепция терпит полный крах: страны, где имеется высокая степень экономического неравенства – это страны низкого уровня развития, отягощенные коррупцией, преступностью, высокой смертностью и социальной нестабильностью.

Всегда и везде рынок ограничен, регулируем. В противном случае, при господстве только экономической эффективности он может привести к нелепым и просто антигуманным последствиям. В научной литературе об этом писали сотни, если не тысячи, раз. Вот одно из этого рода высказываний: «Идея саморегулирующегося рынка основывается на самой настоящей утопии. Подобный институт не мог бы просуществовать сколько-нибудь долго, не разрушив при этом человеческую и природную субстанцию общества; он бы физически уничтожил человека, а среду его обитания превратил в пустыню» [15. С. 13–14].

В законодательстве демократического общества предусматривается целая система социальных гарантий. Речь идет о праве на отдых, социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, безработицы, при потере кормильца, на воспитание детей, образование, охрану здоровья, участие в культурной жизни,

право на жилье и т. д. Однако следует отметить, что все это появилось в указанных государствах под огромным влиянием того, что происходило в этой области в нашей стране в советский период.

Если говорить о современной России, то официально декларируемая государственная политика, безусловно, имеет социальную направленность. В ст. 7 Конституции определено «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1]. И в принимаемых российским правительством программах социально-экономического развития социальные приоритеты государственной политики находят свое отражение. Это в первую очередь – снижение уровня бедности населения и экономического неравенства.

Однако в реальности российское государство проводит политику, полностью противоречащую официально декларируемым целям, суть которой – сознательное и последовательное ограничение функций и ответственности государства в сфере формирования условий жизнедеятельности населения. Причина многих социальных проблем в том, что в стране сложилось глубокое неравенство между высшими чиновниками и народом. Высший государственный аппарат создал своего рода механизм, защищающий его от народа. Этот механизм охватывает много разных черт нынешней власти – начиная от равнодушия к бедности, к острым социальным проблемам населения и кончая отсутствием реакции на прямые обращения и требования разных категорий населения страны.

Зачастую принятые законы не соответствуют требованиям современного социального государства, увеличивая имущественные разрывы между отдельными слоями населения и отдельными регионами страны, поддерживая определенные малочисленные группы богатых граждан, сохраняя большую часть населения в бедности и нищете. Существующая экономическая политика вообще не рассматривает проблему снижения неравенства как свою ключевую задачу. Принимаются разрозненные законы и нормативные акты, в которые вносятся бесконечные уточнения, изменения, дополнения – преимущественно либерального характера, ориентированные на сокращение социальных функций государства.

Для стабильного и динамичного экономического роста необходимо, чтобы в центре проводимой государственной политики был человек с его потребностями. Проведение политики регулирования неравенства доходов различных социальных групп будет способствовать не только повышению уровня жизни населения и уменьшению социальной напряженности, но и росту емкости рынка и, соответственно – производства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 5.9.2023).

2. *Аджемоглу Д., Робинсон Д.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Изд-во АСТ. 2016. 760 с.
3. *Анисимова Г.В.* Государственный патернализм: социально-экономическое неравенство и динамика инвестиций // *Общество и экономика.* 2022. № 11. С. 30–39.
4. *Воейков М.И., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С.* Экономическая природа государства: новый ракурс: Научный доклад. М.: ИЭ РАН. 2018. 54 с.
5. *Капустин Е.И.* Тарифная система и ее роль в организации и регулировании заработной платы / *Труд и заработная плата в СССР.* М.: Экономика. 1974. С. 247–273.
6. *Кронрод А.Я.* Законы политической экономии социализма. М.: Мысль. 1966. 581 с.
7. *Кронрод Я.А.* Планомерность и механизм действия экономических законов социализма. М.: Наука. 1988. 382 с.
8. *Кругман П.* Кредо либерала. М.: Европа. 2009. 329 с.
9. *Кубедду Р.* Либерализм, тоталитаризм и демократия. Политическая философия австрийской школы. М.; Челябинск: Социум. 2014. 406 с.
10. *Кузьминов И.И.* Очерки политической экономии социализма. М.: Мысль. 1971. 349 с.
11. Народное хозяйство СССР в 1970 году. Статистический ежегодник. М.: Статистика. 1971. 824 с.
12. Народное хозяйство СССР в 1985 году. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика. 1986. 655 с.
13. *Пашков А.О.* О собственности на средства производства, классах, социальных группах и характере труда при социализме // *Вопросы экономики.* 1971. № 11. С. 93–109.
14. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 2015. 592 с.
15. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алатейя. 2002. 320 с.
16. *Рабкина Н.Е.* Избранные труды по макроэкономике. М.: ООО «Эребус». 2000. 412 с.
17. *Ржаницына Л.С.* Доходы: уровень, дифференциация, гарантии. М.: Профиздат. 1991. 158 с.
18. *Руткевич М.Н.* Становление социальной однородности. М.: Политиздат. 1982. 334 с.
19. Социальная политика СССР. Стат. Сборник. М.: Финансы и статистика. 1990. 398 с.
20. Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России. 2001. 463 с.
21. Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Росстат. 2021. 373 с.
22. Труд в СССР. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика. 1988. 302 с.
23. *Цаголов Н.А.* Вопросы теории производственных отношений социализма. Избранные произведения. М.: изд-во МГУ. 1983. 368 с.
24. Income Distribution and Poverty: by country – Inequality – OECD Stat. URL: // <http://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=66670> (дата обращения: 10.10.2023).

Galina Anisimova (e-mail: anisimovagalina@bk.ru)

Ph.D. in Economic, Associated Professor, Leading Researcher,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)
(Moscow, Russian Federation)

STATE PATERNALISM AND ECONOMIC INEQUALITY: THE PRACTICE OF THE USSR AND MODERN REALITIES

The article shows the significant role of the state in regulating the level of socio-economic inequality. The scale of state regulation in the Soviet and post-Soviet periods is compared. During the Soviet period, the state purposefully carried out a reduction in wage differentiation, which led to equalization of earnings and a decrease in labor productivity. In the post-Soviet period, the state practically withdrew from solving the problem of economic inequality. A steady trend of growth in income differentiation of the population has been formed, accompanied by a decrease in economic growth rates.

Keywords: state paternalism, state regulation, socio-economic inequality, income level.

DOI: 10.31857/S020736760029162-7

© 2023

Татьяна Соколова

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: sokolova99@mail.ru)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

*... это перекресток культур, цивилизаций и религий.
Место, где люди самых разных национальностей и вероис-
поведаний всегда с уважением и добротой относились
друг к другу.*
М.В. Мишустин¹

На примере прикаспийских государств исследован вклад социально-политических факторов в региональное экономическое развитие. Рассмотрены проблемы трудовой миграции, ее воздействие на векторы социально-экономического взаимодействия «прикаспийской пятерки» (Россия, Азербайджан, Иран, Казахстан и Туркменистан). Дана оценка социокультурной связанности прикаспийского пространства как одной из составляющих его интеграционного потенциала. Показаны роль и значение Каспийского региона для России в условиях ее противостояния современным геополитическим вызовам и беспрецедентному санкционному давлению.

Ключевые слова: Каспийский регион, прикаспийские государства, геоэкономика, геополитика, социально-экономическое развитие, интеграционный потенциал, трудовые миграции.

DOI: 10.31857/S020736760029179-5

В советские времена Каспийский регион не рассматривался как геостратегически важный, однако после распада СССР и преодоления политического хаоса начала 1990-х годов наступило время переоценки. Благодаря своим огромным нефтяным и газовым ресурсам он превратился в один из наиболее стратегически значимых регионов Евразии. Это обусловлено как нарастающим геополитическим соперничеством за углеводороды и пути их транспортировки, так и важностью Каспийского региона в качестве естественного связующего звена между Востоком и Западом. Следствием же такой переоценки стала эскалация борьбы за влияние в регионе между основными центрами мировой силы [15. С. 350].

До 1991 г. выход к Каспийскому морю имели лишь два государства, СССР и Иран, а после распада СССР и обретения независимости Азербайджаном, Казахстаном и Туркменистаном их стало пять. Вплоть до начала 2000-х годов

---

¹ Второй Каспийский экономический форум // Официальный сайт Правительства России. 06.10.2022. URL: <http://government.ru/news/46720/> (дата обращения: 19.09.2023).

хозяйственные и гуманитарные связи между новыми прикаспийскими государствами — бывшими советскими республиками — довольно быстро деградировали, связность хозяйственных элементов нарушилась [6. С. 26]. Все три бывшие советские республики в этот период находились в процессе построения своей государственности, определяли собственные национальные интересы, искали политические и экономические пути их продвижения [10. С. 115]. Особенностями данного периода стало также существенное повышение роли Ирана как геополитической силы и появление в регионе принципиально новых «игроков» — как региональных (в первую очередь Турции), так и глобальных (США и ЕС) [6. С. 26].

Наряду со стратегическим положением Каспийского региона, фактор «взаимопереплетения» цивилизаций в районе Каспийского моря является, по мнению министра иностранных дел России С.В. Лаврова, одним из наиболее значимых для определения того, насколько важен этот регион для России [14. С. 4]. Интерес России к Каспийскому региону стал существенно усиливаться с середины 2010-х годов в связи с необходимостью создания новых коридоров межстранового взаимодействия в условиях усиливающегося давления со стороны «большого Запада» [6. С. 26–27]. Продолжала расти роль Ирана (как и некоторых других азиатских стран — в первую очередь Китая, а также Индии и Турции), в то время как многие страны Запада постепенно стали утрачивать свои доминирующие позиции.

Каспийский регион в целом можно рассматривать и как экономический (в основе которого лежит экономическая интеграция), и как политический (общие политические интересы), и как трансграничный (в основе лежат связи между территориями различных государств) [10. С. 112]. Иногда термин «Каспийский регион» понимают в «широком смысле» — либо как совокупность суши и водоемов, оставшихся в качестве реликтов огромного древнего Арало-Каспийского бассейна, существовавшего 3 млн лет назад, либо как совокупность стран, в том или ином смысле близких к Каспийскому морю в его нынешних границах (то есть, страны Прикаспия, Закавказья и Центральной Азии) [18. С. 31–32]. Однако с политической и экономической точки зрения, название «Каспийский регион» обычно понимают в «узком» смысле — как Каспийское море и прибрежные территории пяти государств: России, Азербайджана, Ирана, Казахстана и Туркменистана. Их обычно называют «прикаспийскими государствами», а также «каспийскими государствами», государствами Каспийского региона, «каспийской пятеркой» [10, С. 111; 24].

Государства Каспийского региона имеют довольно много общего для полноценного и взаимовыгодного сотрудничества: это и природно-географические особенности Каспийского моря и его окрестностей, и геополитическая необходимость эффективного управления региональными конфликтами, и потребность всех стран Прикаспия в существенно более глубоком развитии

торгово-транспортных коммуникаций [15. С. 349–350]. Кроме того, важнейшей объединяющей характеристикой Казахстана, Туркменистана и Азербайджана является их советское прошлое, что обуславливает и наличие исторических связей, и взаимодополняемость экономических систем (сложившихся в советские время из-за естественного стремления к специализации регионов), и присутствие диаспор на территориях государств-участников региона (например, азербайджанская диаспора в Туркменистане, туркменская диаспора в Азербайджане), и существование со времен СССР различных связей – научных, экологических, образовательных, культурно-гуманитарных и пр. [10. С. 115].

Во всех пяти прикаспийских государствах значительную роль играет ислам, при этом в четырех из пяти стран он является преобладающей религией (табл. 1). Все прикаспийские государства, кроме России, являются полноправными членами Организации исламского сотрудничества (ОИС). Россия, где число последователей ислама составляет по некоторым оценкам 10%, в 2005 г. получила там статус наблюдателя. Генеральный секретарь ОИС Хуссейн Таха в своем выступлении на ежегодном заседании Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир» в 2022 г. подчеркнул, что «Россия – неотъемлемая часть мусульманского мира» [22].

Таблица 1

Религия в прикаспийских государствах, % от общей численности населения

Число последователей (оценка)	Россия*	Азербайджан	Иран	Казахстан	Туркменистан
Христианство	73,3	3,0	0,2	24,8	6,5
Ислам	10,0	97,0	99,5	70,4	93,0
Буддизм	0,1	—	—	0,2	—
Иудаизм	0,2	—	—	—	—
Народные верования	0,2	—	—	0,3	—
Нерелигиозные и атеисты	16,2	—	0,1	4,2	0,5

* Без учета данных по территориям, присоединенным к России в 2022 г.

Источник: [29].

По мнению Президента России В.В. Путина, основными направлениями, по которым должны развиваться связи между странами «каспийской пятерки», являются политика, сфера безопасности, экономика, а также природоохранная и гуманитарная области [24]. При реализации этих задач необходимо учитывать, что развитие Каспийского региона происходит под воздействием двух силовых векторов, первым из которых является политика государств–участников региона, а вторым – политика мировых держав. В первом случае политика направлена на удовлетворение национальных интересов, развитие трансграничного сотрудничества и сближение позиций по стратегическим вопросам со

своими соседями, во втором — на удовлетворение глобальных энергетических и логистических интересов, слабо совпадающих с интересами национальными [10. С. 111].

Можно сказать, что Каспийский регион, став после распада СССР «регионом острой международной конкуренции и дипломатического маневрирования», в значительной степени таковым и продолжает оставаться [15. С. 352]. В условиях «шаткой полицентричности» идет процесс «переформатирования палитры международных отношений», поиск новых условий для взаимовыгодного сотрудничества. Вследствие этого возникла необходимость создать постоянно действующий механизм, обеспечивающий взаимовыгодное сотрудничество прикаспийских стран. Очевидно, что оживление имеющихся и создание новых транс- и циркумкаспийских связей в рамках такого механизма, сближение России и Ирана, а также реинтеграция бывших республик СССР смогут сыграть существенную роль в противостоянии тем вызовам в политике, экономике, экологии и безопасности, которые стоят на повестке дня в этих странах [6. С. 25–26].

Исследователи по-разному подходят к особенностям политических процессов вокруг прикаспийских государств. Макрогеополитическая интерпретация сводит их к элементам так называемой «Большой игры» — военно-дипломатического соперничества крупных мировых игроков, действующих исключительно в собственных интересах [15. С. 350]. В XIX в. это были Россия и Великобритания (боровшиеся, в первую очередь, за выход к Индии), в настоящее время — США, Китай, Россия, Евросоюз («большие игроки»), а также активно развивающиеся региональные державы — Иран, Турция, Индия и Пакистан («малые игроки»). К элементам «Большой игры» относят и затрагивающий Каспийский регион мегапроект «Один пояс, один путь», декларируемый китайскими властями в качестве возрождения древнего «Великого шелкового пути», который способен в случае удачной реализации сформировать новый облик как Каспийского региона (преобразовав его в крупный коммерческий узел), так и Евразии в целом.

Другая интерпретация связана с более тонким и глубоким анализом процессов, на основе которого делается вывод, что политические процессы в Каспийском регионе не сводятся к совокупности «больших» или «малых» игр, а в значительной степени определяются и международными организациями, и транснациональными корпорациями, и никем не навязанной волей прикаспийских государств. Более того, высказывается мнение, что нередко государства региона подталкивают участников «Большой игры» к конкуренции друг с другом, тем самым ограничивая их влияние и получая возможность проводить более самостоятельную политику [15. С. 351–352].

На долю прикаспийских стран приходится немногим более 3% общей численности населения земного шара, почти 15% от общей площади всех стран,

около 5% от общемирового показателя ВВП (по ППС). В четырех из пяти государств население достаточно молодое (средний возраст – от 25 до 30 лет), лишь у России средний возраст существенно выше – почти 39 лет (табл. 2).

Среди прикаспийских государств Россия является наиболее значительной – и по площади (77% от общей площади «пятерки»), и по населению (54% от общего населения пяти стран), и по экономическим показателям – ее ВВП (по ППС), по данным Всемирного банка, составлял в 2022 г. 68% от суммарного ВВП (по ППС) всех пяти стран.

По ВВП на душу населения страны «пятерки» делятся на две четкие группы: три страны с показателями от 15 до 18 тыс. текущих международных долл. на человека (Туркменистан, Иран и Азербайджан – по классификации Мирового банка, это страны со «средним доходом») и две страны с показателями от 30 до 37 тыс. международных долл. на человека (Россия и Казахстан – по классификации Мирового банка, это страны с доходом «выше среднего») [27].

У всех прикаспийских государств индекс человеческого развития (учитывающий долголетие, уровень грамотности и уровень жизни) достаточно высок: две страны находятся в группе «Очень высокое человеческое развитие» (Россия – 52-е место, и Казахстан – 56-е); три страны – в группе «Высокое человеческое развитие» (Иран – 76-е место, а также Азербайджан и Туркменистан, оба государства – на 91-м месте) [28].

В Азербайджане после распада СССР были проведены экономические реформы, прошла перестройка социально-экономической сферы. «Переломным моментом» для экономики страны считается подписание в 1994 г. соглашения о разработке трех нефтегазовых месторождений на Каспийском море, которое было подписано Азербайджаном с 13 крупнейшими мировыми компаниями (в том числе – из России, США и Саудовской Аравии). За подписанием этого контракта последовали и другие международные соглашения в разных отраслях экономики, финансовая система страны стабилизировалась, начался активный рост ВВП (в 2006 г. был зафиксирован максимум годового роста – 36%). В настоящее время Азербайджан является индустриально-аграрной страной с развитой промышленностью, многоотраслевым сельским хозяйством и высокой конкурентоспособностью. Экспорт диверсифицирован слабо: нефть и газ составляют более 80% от его общего объема. Основным торговым партнером, а также главным инвестором в экономику страны является Евросоюз. С экономико-географической точки зрения Азербайджан занимает выгодное положение, позволяющее стране быть логистическим узлом, находящимся на пересечении нескольких стратегически важных транспортных направлений [2. С. 28–30].

Таблица 2

Основные статистические данные прикаспийских государств

Показатель	Россия*	Азербай- джан	Иран	Казахстан	Туркме- нистан	Всего	Доля от общими- рового по- каза- теля, %
Площадь, млн кв. км	17,1	0,1	1,6	2,8	0,5	22,1	14,8 **
Численность населения, млн человек (конец 2022 г., оценка)	146,1	10,5	86,7	19,5	6,2	269,0	3,3
Средний возраст, лет (2023 г., оценка)	38,7	30,3	29,5	29,3	25,6	—	—
ВВП (по ППС), млрд текущих междунар. долл., 2022 г.	5327	181	1601	605	96***	7810	4,8
ВВП (по ППС) на душу населения, тыс. текущих меж- дунар. долл., 2022 г.	36,5	17,8	18,1	30,8	15,6***	—	—
Индекс челове- ческого развития, 2021 г.	0,822	0,745	0,774	0,811	0,745	—	—

* Без учета данных по территориям, присоединенным к России в 2022 г.

** В качестве общей площади всех стран и территорий взята величина 148,9 млн кв. км.

*** Данные за 2019 г.

Источники: составлено автором по [26; 27; 28; 29].

Социально-экономическая политика Ирана существенным образом изменилась с начала 1990-х годов и стала намного более эффективной, чем это было в послереволюционные годы (особенно в конце 1980-х годов). Экономика стала рыночно ориентированной, несмотря на то что идеологическое обоснование сущности экономики в исламском обществе при этом не изменилось. Началась приватизация госсобственности, в страну стал привлекаться иностранный капитал, государство перестало вмешиваться в ценообразование. Участие женщин в трудовой деятельности и социальной жизни стало постепенно расти. Произошла некоторая либерализация импорта, существенно расширились контакты с зарубежными странами [17. С. 61–63]. К началу 2000-х

годов от тех экономических особенностей, которые противоречили общемировым экономическим нормам, в Иране осталась только беспроцентная банковская система. В 2009–2011 гг. в стране была проведена масштабная экономическая либерализация, включающая широкую приватизацию и поддержку мелкого и среднего предпринимательства. При этом и в настоящее время и, по-видимому, в перспективе именно государство останется в Иране главным регулятором экономического развития страны [17. С. 64]. Что касается иранской социальной политики, то этот вопрос (особенно в области трудовых отношений, демографических проблем, состояния здравоохранения, просвещения и культуры) до сих пор, по признанию одного из крупнейших иранистов России Л.М. Кулагиной (1927–2020), остается малоизученным [12. С. 16].

Казахстан после получения в 1991 г. независимости испытал «мощный кризисный шок», за которым последовал длительный трансформационный экономический кризис. «Стартовые условия» у нового государства были не слишком хорошими: помимо географической удаленности страны и довольно сурового климата, были очень ограничены финансовые ресурсы, а уровень развития ключевых для Казахстана отраслей был весьма невысок. Однако вопреки ожиданиям, в целом можно говорить об определенном успехе социально-экономической политики Казахстана, особенно по сравнению с другими постсоветскими республиками, а также о том, что страна стала «политически и экономически самодостаточным государством» [11. С. 31]. Среди причин такого успеха исследователи называют эффективность макроэкономической и инвестиционной политики, а также «предельный» экономический прагматизм [11. С. 22, 26]. В частности, это проявилось в поддержании тесных экономических связей с Россией и некоторыми другими постсоветскими странами, а также в выстраивании новых экономических связей с совершенно разными государствами и международными объединениями.

Результатом такого «многовекторного» подхода стало то, что зависимость экономики Казахстана от конкретных партнеров все эти годы оставалась невысокой, а влияние идеологических факторов на экономическую политику было незначительным. В то же время протесты начала 2022 г., сопровождавшиеся массовыми беспорядками и мародерством, в результате которых в стране было объявлено чрезвычайное положение, показали, что социальные последствия проводимой экономической политики учитывались слабо; одной из основных причин протестов называют наблюдающееся в Казахстане сильное неравенство в доходах населения, существенные региональные диспропорции, а также сильную дифференциацию в доходах городского и сельского населения [11. С. 27].

Туркменистан — наиболее закрытое государство на постсоветском пространстве и одно из немногих государств в мире, наряду с Австрией, Камбоджей, Мальтой и Швейцарией (единственное на постсоветском пространстве),

обладающее статусом постоянного нейтралитета, признанного мировым сообществом. Статус постоянного нейтралитета установлен конституцией республики, а также признан и поддержан международными законодательными актами (в том числе, резолюциями ГА ООН), то есть – закреплен как на национальном, так и на международном законодательном уровне [16. С. 185–186]. «Политика позитивного нейтралитета» (как ее называют внутри страны) затрагивает как внешнюю, так и внутреннюю политику Туркменистана, при этом, по мнению некоторых исследователей, суть ее в значительной степени сводится к уклонению от вовлечения в глобальную систему международных отношений [5. С. 114].

Базовыми отраслями экономики Туркменистана являются газо- и нефтедобыча и связанная с этой добычей транспортная инфраструктура, а также хлопководство. Контроль за ними, как и за внешнеэкономической деятельностью, осуществляет государство, при этом экспорт является, по сути, монопродуктовым, ограничиваясь газом и, в меньшей степени, нефтью. Основным импортером газа, а также основным инвестором для Туркменистана является Китай. Такая экономическая зависимость может потенциально привести к нестабильности всей экономической системы страны. Решение этой проблемы возможно только путем внешнеэкономической диверсификации, в том числе, путем перевода сотрудничества с Россией и другими соседними странами на качественно новый уровень. Уровень социальной защиты населения в стране достаточно высок, однако сырьевой характер экономики Туркменистана приводит к регулярно возникающим социальным проблемам, поскольку бюджетные социальные расходы покрываются фактически за счет поступлений от экспорта углеводородов, а мировые цены на газ и нефть нестабильны. Малый и средний бизнес сколько-нибудь активно развивается только на уровне локальных рынков (населенных пунктов) и связан с торговлей, услугами, мелкотоварным сельскохозяйственным производством, ремеслами [19. С. 44–46].

Во всех странах Каспийского региона остро стоят проблемы трудовых миграций. Политика и меры регулирования в этой области должны быть не просто продуманными и комплексными, ориентирующимися на использование наиболее современных информационно-коммуникационных технологий, а близкими к оптимальным [9. С. 75]. Такие жесткие требования связаны с особыми условиями, в которых развивается Каспийский регион, – международными санкциями, наложенными на Россию и Иран, а также с давлением, которое оказывают страны Запада на другие прикаспийские государства (Азербайджан, Казахстан и Туркмению) с целью ограничить возможности сотрудничества с Россией и Ираном.

Социальная политика прикаспийских государств должна быть направлена на стимулирование трудовой миграции, но для того чтобы эта миграция решала социальные проблемы, не создавая новых, требуется, чтобы это был

регулируемый процесс, опирающийся на законодательные и нормативно-правовые документы. По мнению экспертов, для оптимизации распределения трудовых ресурсов и создания дополнительных рабочих мест с достойной заработной платой лучше всего подходят международные кластерные проекты [9. С. 75] – и как группы организаций, взаимодополняющих и способных усиливать конкурентные преимущества друг друга, и как структуры, способные формировать уникальные компетенции региона, в котором они созданы.

Процессы трудовой миграции «запускаются» на основании решений отдельных граждан, и эти решения в значительной степени зависят от того, как потенциальные мигранты и члены их семей оценивают разницу между своим социально-экономическим положением в том государстве, в котором они живут, и тем социально-экономическим положением, в котором они хотели бы оказаться на новом месте. Улучшение своего положения можно связывать как с повышением доходов, так и с другими факторами – например, снижением расходов из-за более низких ставок (или отсутствием) налогов или с более низкими расценками на медицинские услуги при одинаковом или даже более высоком их качестве, с более низким уровнем преступности, большей социальной защищенностью.

В условиях открытых границ принимающее государство может рассматривать трудовых мигрантов как свой ресурс и как свое преимущество. Вместе с тем почти каждая из характеристик миграционного процесса оказывает одновременно и положительное, и отрицательное воздействие на социально-экономическое развитие принимающего государства, в связи с чем интегральная оценка такого воздействия представляется сложной. При этом практически единственным способом минимизации отрицательного воздействия является оптимизация миграционных процессов (причем, желательно, не на местном, а на федеральном уровне) – как в рамках законодательного регулирования, так и в рамках неформального стимулирования и контроля социальной интеграции и адаптации трудовых мигрантов [9. С. 76–77].

В России остро стоит задача повысить эффективность системы правового регулирования трудовой миграции и упростить процессы интеграции мигрантов в российское общество. Сейчас на оптимизацию миграционных процессов отрицательно влияет тот факт, что использование труда иностранных рабочих в значительной степени происходит в России на теневом (нелегальном) трудовом рынке [9. С. 77].

Социально-политические и экономические особенности прикаспийских государств неизбежно ставят на повестку дня вопросы, связанные с каспийской региональной безопасностью. Это обусловлено как глобальной геополитической обстановкой, характеризующейся на протяжении уже многих лет повышенной конфликтогенностью, так и тем, что Россия и Иран – два наиболее крупных и влиятельных прикаспийских государства – являются объектами

международных санкций. Иран живет в условиях санкций уже почти 45 лет (с 1979 г.), Россия — уже почти 10 лет (с 2014 г.), и вряд ли в ближайшей перспективе стоит ожидать принципиальных изменений в санкционной политике стран Запада.

При этом важным стабилизирующим фактором является схожесть позиций России и Ирана по большинству пунктов, имеющих отношение к Каспийскому региону. Так, обе страны считают, что новый мировой порядок должен строиться на многополярной основе, а влияние внерегиональных государств в Каспийском регионе должно быть минимально [5. С. 114]. По мнению Президента Ирана Ибрахима Раиси, «безопасность в регионе может быть достигнута только благодаря сотрудничеству ... соседей по Каспийскому морю» [21]. Премьер-министр России М.В. Мишустин считает, что «Иран может поделиться опытом развития своих мощностей в условиях многолетних западных санкций» [4].

В целом обеспечение региональной безопасности требует постоянного и всестороннего мониторинга многогранного комплекса уже имеющихся и возникающих новых проблем. Среди них — проблемы уровня национальной безопасности (терроризм, сепаратизм, экстремизм на религиозной и этнической почве), проблемы криминального характера (перевозка и торговля наркотиками и оружием), нерешенные споры, связанные с принадлежностью пограничных сухопутных и водных территорий, а также вопросы экологии, демографии и миграции. К вопросам безопасности можно отнести и мероприятия, связанные с противодействием распространения инфекций (как это было в период пандемии COVID-19), с сохранением культурно-исторического наследия, обеспечением доступа населения к образованию и современным технологиям [3. С. 19].

Отношения России со всеми государствами, имеющими выход к Каспию, а также двусторонние отношения других прикаспийских стран, за редким исключением, являются добрососедскими. Особняком стоят азербайджано-иранские отношения, которые в первое время после распада СССР были очень близкими благодаря поддержке Ираном Азербайджана в Карабахском конфликте, однако, после прихода к власти в Азербайджане А. Эльчибея резко ухудшились. Затем двусторонние отношения начали постепенно восстанавливаться, однако с 2021 г. снова стали ухудшаться — как по причине проводимой Азербайджаном политики пантюркизма, так и из-за активизации военно-технического сотрудничества Азербайджана с Израилем. Тем не менее Президент Ирана Ибрахим Раиси в 2022 г. полагал, что потенциальный уровень ирано-азербайджанских отношений намного выше нынешнего уровня. Однако в январе 2023 г., после вооруженного нападения на посольство Азербайджана в Тегеране, Азербайджан полностью остановил дипломатическую деятельность посольства и провел эвакуацию сотрудников [20; 21].

В 2022 г. геостратегическая ситуация в Каспийском регионе существенным образом изменилась, что было связано в первую очередь с выводом войск США

из Афганистана. Как следствие, прекратил свое существование «Северный логистический маршрут», по которому происходило снабжение войск через Казахстан и Узбекистан, а США, по сути, перестали претендовать на роль координатора транспортных путей из Центральной Азии и Южного Кавказа в Европу.

В результате у стран Каспийского региона появилась реальная возможность самостоятельно выстроить такую систему международных взаимоотношений, которая способствовала бы их устойчивому развитию, стабильной региональной безопасности и эффективному развитию и функционированию регионального транспортного пространства. Среди основных сил, которые участвуют в выстраивании такой системы, можно выделить крупные государства – Россию, Индию, Китай (являющихся членами БРИКС с момента основания в 2006 г.) и Иран (государство-наблюдатель БРИКС с 2015 г., а с 1 января 2024 г. – полноправного члена организации) – а также группу государств «тюркского пояса» (Азербайджан, Казахстан, Киргизию, Туркменистан, Турцию и Узбекистан) [3. С. 19].

Новые геополитические реалии требуют и создания новых переговорных механизмов – уже не двусторонние российско-персидские (советско-иранские, российско-иранские), как это было в течение нескольких сот лет, а пятисторонние [5. С. 113]. Важнейшую роль в таком пятистороннем сотрудничестве играют Каспийские саммиты – встречи глав пяти прикаспийских государств. Первая такая встреча состоялась в Ашхабаде в 2002 г., затем прошли саммиты в Тегеране (2007), Баку (2010), Астрахани (2014) и Актау (2018). Шестой каспийский саммит прошел в Ашхабаде в июне 2022 г., на нем были подтверждены принципы, которыми должны руководствоваться прибрежные государства при осуществлении своей деятельности на Каспийском море. Среди них – разумная достаточность военного строительства; отсутствие на Каспии каких-либо вооруженных сил, кроме вооруженных сил «каспийской пятерки»; осуществление плавания в Каспии исключительно судами под флагом прибрежных государств [8].

Важным инструментом сотрудничества в области укрепления прикаспийских торгово-экономических и научно-технических связей стали Каспийские экономические форумы. Впервые такая встреча состоялась в 2019 г. в г. Туркменбаши. Второй Каспийский экономический форум прошел в Москве в октябре 2022 г. Премьер-министр России М.В. Мишустин назвал Каспийский регион формирующимся центром развития и отметил его стратегическую роль, определяемую как его расположением в центре Евразии, так и его потенциалом в качестве крупнейшего евразийского транспортно-энергетического узла в будущем. Также он заявил, что в условиях беспрецедентных антироссийских санкций, которые, очевидно, будут носить долгосрочный характер, а своим числом уже превосходят «все, что когда-либо вводилось в отношении любого другого государства», необходимо формировать новые производственные цепочки, переходить на расчеты в национальных валютах и развивать инфраструктуру финансового рынка, которая не будет зависеть от недружественных стран [4].

На Втором Каспийском экономическом форуме были затронуты и гуманитарные аспекты сотрудничества «каспийской пятерки»: в частности, было заявлено о необходимости перехода от двусторонних культурных связей к пятисторонним и к разработке соответствующих такому переходу пятисторонних документов. Кроме того, было отмечено, что все прикаспийские государства нацелены на сохранение своих традиций, истории и национальной идентичности.

Участовавший в Форуме премьер-министр Казахстана А.А. Смаилов высказал мнение, что Каспийский регион в силу своего географического положения обладает уникальным транзитным потенциалом, однако для его полноценной реализации требуется сделать еще очень много – в частности, существенно улучшить «транспортную связанность региона». По мнению заместителя председателя комитета Совета Федерации по экономической политике К.К. Долгова, сотрудничество государств «каспийской пятерки» (и, в частности, Каспийский экономический форум) следует в первую очередь рассматривать со стратегической точки зрения – и как инструмент восстановления экономики России в условиях международных санкций, и как способ вовлечения многих стран в реализацию стратегического проекта «Север – Юг», предполагающего создание международного транспортного коридора (МТК), и как важную составляющую ускоряющегося формирования многополярного мира («глобального процесса ухода от однополярности»), что подразумевает реальное укрепление суверенитета всех государств, в том числе и в вопросах экономики [7]. По словам М.В. Мишустина, МТК позволит обеспечить «бесшовные логистические услуги» для движения товаров со всей территории России до Персидского залива, а затем в Южную Азию, на Ближний Восток и в Африку.

Противостояние России и Запада изменило подходы и к развитию международных транспортных связей. Так, существенно возросла роль логистических коридоров в Каспийском регионе, которые, в свою очередь, уже оказывают серьезное влияние на геоэкономику. Так, Каспийский транспортно-логистический хаб с самого начала своего формирования начал существенным образом менять геоэкономическую ситуацию в Центральной Евразии [3. С. 17].

С учетом географических особенностей государств Центральной Евразии (значительная удаленность от морских портов), именно формирование международных транспортных коридоров (МТК) стало одним из наиболее значимых факторов развития. В первую очередь это связано с тем, что подключение транспортной системы государства к МТК является одновременно и эффективным способом встраивания местной экономики в международные цепочки добавленной стоимости. Значительной вехой в практической реализации идей евразийских МТК стало совместное российско-китайское заявление 2015 г. о сотрудничестве по сопряжению строительства

Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути [25. С. 25, 34].

По мнению министра транспорта РФ В. Савельева, в условиях, когда санкции «поломали» всю логистику в стране, одной из главных надежд на прорыв этой логистической блокады стал МТК «Север – Юг», частью которого являются и три российских порта на Каспии: Астрахань, Оля и Махачкала. Этот МТК был привлекателен и ранее, о чем говорит хотя бы тот факт, что к нему в свое время присоединились Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Оман и Сирия. Однако приоритетным он стал только сейчас, когда приемлемых вариантов перевозок становится все меньше [25. С. 35]. К 2030 г. грузовая база (общий объем грузопотоков, обусловленных договорными обязательствами) МТК «Север – Юг» прогнозируется на уровне 30 млн т [3. С. 22].

По мере реализации МТК «ТРАСЕКА» и «Север – Юг» Каспийское море постепенно преобразуется в удобное коммуникативное пространство. При этом Цели устойчивого развития, общемировое ухудшение экологии, равно как и климата, предъявляют новые требования к созданию и функционированию транспортных коридоров. С учетом этого транспортная система может существовать как успешный транспортно-логистический бизнес, проводя социально ответственную политику и используя экологически чистые и безопасные технологии, только на основе комплексного, научно обоснованного подхода, включающего высокоэффективное управление [3. С. 23, 35].

В настоящее время, на старте реализации новой масштабной идеи, выдвинутой Россией, – Большого Евразийского партнерства, которое по замыслу должно стать пространством евразийской континентальной стабильности и взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества для региональных организаций [2], роль «каспийской пятерки» становится особенной, ключевой.

По мнению министра иностранных дел России С.В. Лаврова, чтобы сотрудничество прикаспийских государств развивалось системно и многогранно, требуется, чтобы этот процесс был постепенно институционализирован. Впервые вопрос институционализации обсуждался еще в 1992 г., когда в Тегеране представители всех пяти прикаспийских государств обсудили предложение Ирана создать Организацию каспийского экономического сотрудничества (ОКЭС). Предполагалось, что в ее рамках будут созданы межгосударственная нефтяная компания, межгосударственный банк экономического сотрудничества, Каспийский банк развития, ряд научных центров по исследованию экономических, политических, экологических и других вопросов, имеющих отношение к Каспийскому региону.

Эти инициативы, однако, так и не были реализованы (в первую очередь, из-за неурегулированности правового статуса Каспийского моря), однако потребность в создании специальных институтов взаимодействия была и остается актуальной. Сейчас, когда процесс урегулирования правового статуса Каспия

близок к завершению², естественным образом встает вопрос о новом этапе институционализации прикаспийского сотрудничества. Одним из первых шагов в этом направлении стало предложение России создать Каспийский совет – гибкий пятисторонний незабюрократизированный форум [14. С. 9].

С целью полноценной институционализации сотрудничества стран каспийской «пятерки» создана Межведомственная комиссия по прикаспийскому сотрудничеству, первое заседание которой состоялось в Москве 27 октября 2023 г. На нем глава МИД России Сергей Лавров сообщил, что работа этой комиссии будет направлена на «гармонизацию интересов» прикаспийских государств и повышение «эффективности усилий по раскрытию потенциала региона» во всех возможных сферах деятельности. По его словам, работа в этом направлении в последние годы уже активно ведется: многие пятисторонние договоры вступили в силу, другие документы уже подписаны и сейчас находятся в состоянии прохождения «внутригосударственных процедур», а целый ряд – в стадии разработки. Отдельно был упомянут транспортный коридор «Север – Юг», который, как заявил Лавров, находится у российского руководства «на приоритетном контроле». Кроме того, по мнению Лаврова, плодотворное прикаспийское сотрудничество является крайне важным не только с точки зрения интересов «пятерки», но и с точки зрения общей безопасности всего евразийского пространства [13].

В целом представляется, что устойчивое социально-экономическое развитие Каспийского региона возможно лишь в том случае, если входящие в него государства будут использовать в ключевых отраслях своей экономики современные экологичные и высокоэффективные технологии, извлекать выгоды из своего транспортно-географического положения, а также проводить политику добрососедства и взаимного доверия с учетом социокультурных и социально-политических факторов развития.

Литература

1. *Аласов И.Ф.* История становления новых прикаспийских стран // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 13–20.
2. *Ахундова А.Г.* Экономика и внешнеэкономическая деятельность Азербайджанской Республики // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. № 67. С. 28–32.
3. *Белов В.И., Некрасова М.А.* Международные транспортные коридоры в Каспийском регионе: безопасность и устойчивое развитие // Информация и инновации. 2022. Т. 17. № 3. С. 17–28.
4. Второй Каспийский экономический форум // Официальный сайт Правительства России. 06.10.2022. URL: <http://government.ru/news/46720/> (дата обращения: 19.09.2023).
5. *Гулиев О.Э.* Политико-правовые аспекты современного сотрудничества в Каспийском регионе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 113–119.

---

² По состоянию на октябрь 2023 г. только Иран не ратифицировал Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря, подписанную в рамках Пятого каспийского саммита (г. Актау, Казахстан) 12 августа 2018 г. всеми пятью прикаспийскими государствами [23. С. 232].

6. Дружинин А.Г., Исмаилов Ч.Н., Гонтарь Н.В. Взаимодействие России и Азербайджана в Прикаспийском регионе: возможности, барьеры, приоритеты // Научная мысль Кавказа. 2021. № 3 (107). С. 25–38.
7. Журавлев К. Взаимовыгодный диалог: чем важен Каспийский экономический форум // Газета.ru. 07.10.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2022/10/07/15586729.shtml> (дата обращения: 26.09.2023).
8. Коммюнике шестого Каспийского саммита // Официальный сайт Президента России kremlin.ru. 29.06.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5820> (дата обращения: 22.09.2023).
9. Кораблина О.В., Байбекова Э.Ф. Правовые аспекты регулирования трудовой миграции в системе социетальной безопасности стран Прикаспийского региона // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 3. С. 74–80.
10. Косов Г.В., Литвишко О.М. Каспийский регион в системе международных регионов // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 6. С. 111–117.
11. Кувалин Д.Б. и др. Экономика Казахстана: итоги непростого тридцатилетия // Развитие территорий. 2022. № 1 (27). С. 22–32.
12. Кулагина Л.М. Сектор Ирана Института востоковедения РАН // Иран: история и современность // Иран: история и современность / Под ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамедовой. М.: ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 7–16.
13. Лавров: РФ настроена на активную созидательную работу в формате каспийской «пятерки» // ТАСС. 27.10.2023. URL: <https://tass.ru/politika/19132473> (дата обращения: 29.10.2023).
14. Лавров С.В. Каспий – уникальный регион добрососедства // Международная жизнь. 2022. № 9. С. 4–9.
15. Магомедов А.К. Постсоветский Каспий как геополитическая единица. Проблемы описания и контуры новой исследовательской парадигмы // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2022. № 3. С. 349–354.
16. Малышев Д.В. Политика нейтралитета на постсоветском пространстве. На примере Туркменистана и Молдавии // Свободная мысль. 2019. № 6 (1678). С. 183–194.
17. Мамедова Н.М. Роль государства в экономической истории Ирана (XIX–XX вв.) // Иран: история и современность / Под ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамедовой. М.: ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры. 2014. С. 26–66.
18. Маркелов К.А., Головин В.Г. Большой Каспий в системе природно-геополитических координат // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 30–38.
19. Мигранян А.А. Внешнеэкономическая политика Туркмении: итоги десятилетия // Геоэкономика энергетики. 2021. № 1. С. 43–66.
20. Посольство Азербайджана в Иране приостановило работу // ТАСС. 29.01.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16913313> (дата обращения: 22.09.2023).
21. Президенты Ирана и Азербайджана провели встречу в Ашхабаде // ИРНА. 29.06.2022. URL: <https://ru.irna.ir/news/84806383/> (дата обращения: 02.10.2023).
22. Путин: Принятие Волжской Булгарией ислама – знаменательная веха в нашей истории (В Казани проходит заседание Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир») // ИА IslamNews. 20.05.2022. URL: <https://islamnews.ru/2022/5/20/putin-prinyatie-volzhsКОЙ-bulgariey-islama-znamenatel'naya-vekha-v-nashey-istorii> (дата обращения: 02.10.2023).
23. Салимгерей А.А. Правовой режим морских пространств по Конвенции о правовом статусе Каспийского моря // Юридическая наука. 2023. № 5. С. 228–234.

24. Шестой Каспийский саммит // Официальный сайт Президента России. 29.06.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68779> (дата обращения: 19.09.2023).
25. *Шумовская Н.Е.* Проблемы функционирования логистических коридоров на евразийском пространстве в современных геополитических условиях // Современные проблемы логистики, экономики, управления в эпоху глобальных вызовов. Астрахань, 14 декабря 2022 г. Материалы II Международной заочной научно-практической конференции. Астрахань. 2023. С. 33–36.
26. GDP based on PPP valuation of country GDP // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.РР.СД> (дата обращения: 27.09.2023).
27. GDP per capita, PPP (current international \$) // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.РСАР.РР.СД> (дата обращения: 27.09.2023).
28. Human Development Index and its components // Human Development Report 2021–22: Uncertain Times, Unsettled Lives: Shaping our Future in a Transforming World. United Nations Development Programme. 2022. P. 272–276.
29. Population of the world and countries. URL: <https://countrymeters.info/en/Azerbaijan>; <https://countrymeters.info/en/Iran>; <https://countrymeters.info/en/Kazakhstan>; https://countrymeters.info/en/Russian_Federation; <https://countrymeters.info/en/Turkmenistan> (дата обращения: 27.09.2023).

Tatyana Sokolova (e-mail: sokolova99@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Senior Researcher,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)

(Moscow, Russian Federation)

SOCIO-POLITICAL FACTORS OF THE CASPIAN REGION'S ECONOMIC DEVELOPMENT

Using the example of the Caspian states, the contribution of socio-political factors to regional economic development was studied. The problems of labor migration and its impact on the vectors of socio-economic interaction of the “Caspian five” (Russia, Azerbaijan, Iran, Kazakhstan and Turkmenistan) are considered. The sociocultural connectivity of the Caspian region is assessed as one of the components of its integration potential. The role and importance of the Caspian region for Russia is shown in the context of its confrontation with modern geopolitical challenges and unprecedented sanctions pressure.

Keywords: Caspian region, Caspian states, geoeconomics, geopolitics, socio-economic development, integration potential, labor migration

DOI: 10.31857/S020736760029179-5

© 2023

Татьяна Шендик

кандидат политических наук, начальник главного управления информационной политики и общественного развития

Администрации Президента Республики Беларусь, доцент кафедры социального развития и идеологии Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь)

(e-mail: t.bel.institute.ss@gmail.com)

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ И КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Статья посвящена теоретическому анализу понятия «партийное строительство», которое автор выделяет в самостоятельный раздел партологии, дает обоснование его понятийного аппарата, экзогенных и эндогенных факторов.

Ключевые слова: теория партий, теория партийных систем, партология, партийное строительство, политическая система, партийная система, политическая партия, партиома, партогенез.

DOI: 10.31857/S020736760029180-7

Общая политическая философия и теория партий с середины XX в. выделилась в самостоятельный раздел социологии и политологии — науку о партиях, которая получила название «партология» (лат. *pars* — часть, группа, гр. *logos* — учение).

В рамках партологии сформировалось два ключевых подхода к изучению партийного измерения политической системы. Первый рассматривает партии как политические организации, сосредотачивается на их программах, уставах, истории возникновения, логике развития и ориентирован на изучение партий как политических организаций. Второй вписывает партии в широкий социальный и политический ландшафт, совокупность внутренних и внешних связей, позволяя изучать деятельность партий в контексте исторического и современного политического ландшафта [4. С. 51–57].

Концепции, объектом исследования которых выступает политическая партия, объединены в *теорию партий*, которая стала оформляться в отдельное направление еще в XVIII в. В рамках данной теории подробно раскрыты вопросы возникновения партий (М.Я. Острогорский, М. Дюверже, М. Вебер, Р. Михельс), места и роли партий в политической системе общества (О. Кирхаймер, Р. Кац, П. Мэир), функции партий (К. фон Бойме, Дж. Сартори, Э. Хейвуд, Ю.К. Малов), их институционализация и конституционализация, анализируется классификация и типология партий (Дж. Мэдисон, А. де Токвиль, Ф. Гизо, Ю.О. Мартов, П.А. Берлин, М.Я. Острогорский, М. Вебер, М. Дюверже, Р. Михельс), рассматривается организационное строение

партии (М. Дюверже), особенности партийных объединений (Дж. Придэм, Т.В. Шмачкова) и др.

Генезис партологии связан с исследованием природы политической партии как института политической системы. Среди ее ключевых представлений следует выделить классиков современной партологии К. Маркса, В.И. Ленина, М. Дюверже, О. Кирхаймера, Дж. Лаполамбара, С. Липсета, Р. Михельса, М.Я. Острогорского, Дж. Сартори, Д. Винтера, А. Стюарта и др.

М. Дюверже, например, анализировал партии, реализуя институциональный подход. Исследователь выделял несколько типов политических партий, различающихся по их базовым элементам, способам интеграции в определенную целостность, внутренним связям и руководящим институтам. Сегодня широко известно различие М. Дюверже кадровых и массовых партий.

По мнению М. Дюверже, кадровые партии являются продуктом эволюции политических клубов. Их задача – мобилизовать в конкретном избирательном округе влиятельных лиц, способных привлечь на свою сторону максимально большое число избирателей из разных слоев населения независимо от их идеологической ориентации. Такими были консервативные и либеральные партии. Они имели олигархический характер, как правило, двухуровневую структуру (лидеры и активисты) и большую автономию от местных организаций (комитетов). В таких партиях отсутствовала жесткая дисциплина, а руководящую роль чаще всего играли парламентарии.

Массовые партии отличаются стремлением максимально увеличить число членов. Это крупные организации, имеющие сложную внутреннюю структуру и высокую степень идеологизации. Отличительными чертами таких партий являются формализованная партийная структура, основанная на выборности руководящих органов всех уровней, упорядоченность и скоординированность действий низовых организаций (секций, ячеек), высокий уровень дисциплины, уплата членских взносов, многоуровневость структуры и высокая роль активистов [5].

Авторитетный партолог М.Я. Острогорский в работе «Демократия и политические партии» конкретизировал особенности функционирования политических партий, раскрыл закономерности их происхождения, специфику внутрипартийного развития, взаимодействия партий с государственными структурами. Организационную структуру политических партий он рассматривал с точки зрения электорального процесса, уделяя особое внимание ее управленческому ядру, для обозначения которого использовал понятие «кокус»¹.

Исследователь отмечал, что, возникнув как временные организации, целью которых была мобилизация масс для проведения выборов, со временем политические партии приобрели устойчивый характер и стали неотъемлемым компонентом политической жизни.

¹ Кокус (англ.) – тот, кто советует, поощряет, наставляет. Слово вошло в лексикон в середине XVIII в.

М.Я. Острогорский считал, что деятельность политических партий негативно влияет на формирование политических систем. Это обусловлено так называемой системой «добычи и круговорота», в которой «президентский протекционизм сделался жизненной сущностью организованных партий». В этой системе пришедший к власти президент при содействии партии расплачивается с наиболее активными и преданными партийцами государственными должностями [19. С. 320].

Еще одним крупнейшим специалистом в области партологии считается О. Кирхаймер. Он, в частности, ввел в оборот понятие «catch-all party», которое на русский язык можно перевести как «всеохватывающая партия», и выделил несколько тенденций в развитии политических партий современности. Их исследователь связывал с исчезновением оппозиции в парламенте, эрозией представительной демократии, объединением политических партий и государства в государственно-политические картели, в которых партийная элита отрывается от своего электората, а партийная жизнь, становясь высокопрофессиональным делом, требует высокой степени персонификации, и пр. [34. Р. 177–200].

Современный американский политолог Дж. Лаполамбар выделяет следующие конституирующие признаки политических партий: наличие идеологии, организационной структуры, ориентация на завоевание власти, стремление к обеспечению народной поддержки [18. С. 15].

Специфику партийной деятельности в условиях различных политических режимов в своих работах рассматривали политические психологи Д. Винтер и А. Стюарт.

Тенденциям развития политических партий в условиях информационного общества посвящены работы К. Крауча, Л.М. Волкова, А.В. Назарчука и др.

Взаимосвязи в рамках политического пространства, представленного независимыми элементами (партиями), раскрываются в рамках *теории партийных систем*, которая начала формироваться только во второй половине XX в. после появления представлений о политической системе общества и создания общей теории систем [9].

За достаточно непродолжительный период времени современная политическая наука обогатилась пониманием места (А. Рапопорт, Л. Фон Бергаланфи, Р. Кац, П. Мэйр) и функций (Дж. Лаполамбар, М. Вайнер) партийной системы (партиомы) в обществе, ее структуры (С. Липсет и С. Роккан, А. Рёммеле, Д. Сейле, Р. Т. Мухаев), специфики социального (С. Липсет, С. Роккан, П. Бурдье), электорального (Р. Инглхарт, П. Мерло, Р. Таагпера, М. С. Шугарт) и идеологического (Л. Сильверман, Ж.-И. Камю) полей партийных систем, а также генезиса партийных систем (Дж. Брайс, Э. Лоуэлл, Р. Далтон), классификации партиом (Дж. Сартори, А. Лейпхарт), взаимосвязи партиом с иными элементами политической системы (И. Уоллерстайн), оптимального числа

партий в политической системе (З. Ньюмен, М. Дюверже, Дж. Сартори, Р. Даль).

Так, М. Дюверже определял партийную систему через формы и способы существования нескольких партий. Он представлял ее как результат взаимодействия многочисленных и комплексных факторов: частных (традиции и история, экономическая и социальная структура, религиозные верования и этнический состав общества) и общих (избирательный режим, правовая регламентация) [5].

Связывая партийное строительство с избирательным процессом, М. Дюверже за основу классификации политических систем брал критерий партийной системы, сложившейся в обществе. На основании указанного критерия он выделял политическую систему большинства, в которой партии имеют стабильное большинство, и политическую систему, где партии такого большинства не достигли.

М. Дюверже различал двухпартийность, многопартийность и однопартийность, рассматривая феномен двухпартийности как предпосылку формирования работоспособного парламента и стабильного правительства. Она, по мнению исследователя, «представляет собой явление естественное», так как «любая политика внутренне содержит выбор между двумя типами решений» [5. С. 276]. В то же время М. Дюверже подчеркивал, что двухпартийность возможна лишь «когда противостояние партий-соперниц касается второстепенных целей и средств их достижения» и обречена, когда одна из партий имеет тоталитарную структуру, а «борьба партий идет вокруг самой природы режима, фундаментальных представлений о жизни и приобретает ожесточенность и непримиримость религиозных войн» [5. С. 275].

Анализируя феномен однопартийности, М. Дюверже указывал на различие между единственными партиями в государствах с демократическим прошлым и такими же партиями в странах с уже установившимся авторитарным режимом, т.е. в странах, не знакомых с подлинным политическим плюрализмом. Он также различал временную (преходящую) и законченную однопартийность, имея в виду единственную партию, считающую себя временной, в отличие от партии, провозглашающей себя таковой на все времена.

Однако несмотря на значительное количество трудов, посвященных изучению партий, партология отстает от других областей политической науки в деле выработки общей терминологии, концепций и критериев для анализа. Научного консенсуса по поводу базовых теоретических и методологических подходов к изучению партий до настоящего времени не сложилось. На это в своих работах указывают как классики партологии М. Дюверже [6. С. 88–99], Дж. Сартори [36], так и современники Б. Исаев [9], А. И. Тропников [28. С. 110–112], Л.А. Дзахова [4. С. 51–57], К. Джанда [3. С. 84–143] и др.

Выделение в рамках современной партологии *теории партий и партийных систем* вплотную подводит исследователей к осознанию в рамках политической философии предметной области вопросов партийного строительства. Несмотря на широкое употребление термина «партийное строительство» в трудах ученых, особенно постсоветского пространства, до настоящего времени еще не сформировалось общепринятое и устойчивое понимание его сущности и содержания.

Статьи, публикуемые по теме партийного строительства, как правило, в методологическом отношении носят описательный характер и раскрывают его различные аспекты как процесса становления и развития партийных систем: состояние и генезис партий и партийных систем, этапы партийного строительства, типология партий, кризис партий, электоральная и иная деятельность партий [13. С. 226–233; 22. С. 149–166; 23; 32. С. 318–324].

Значительная часть работ в данной области уделяет внимание методологии технологий партийного строительства. При этом сами технологии рассматриваются под разными углами зрения: как неотъемлемая часть организации и обеспечения государственного управления [27. С. 217–219]; с точки зрения разновидностей политических проектов, реализация которых требует некоторого набора политических технологий по определению партийной идеологии, созданию и развитию партийной структуры, организации текущей деятельности партии [14]; как сфера деятельности политического менеджмента [16; 29].

Столь широкое и неопределенное понимание предметной области партийного строительства является, на наш взгляд, не вполне оправданным. В его рамках, с одной стороны, изучаются вопросы теории партий, а с другой — остаются в тени внутренние закономерности создания и развития партий, методология их изучения. В контексте последнего безусловный интерес представляют работы, рассматривающие процесс партийного строительства с точки зрения стимулов к объединению и разъединению участников политического процесса при взаимодействии между собой по поводу создания и функционирования политической партии. При этом данные вопросы находились в центре внимания еще основоположников марксизма [15].

Так, Устав Международного товарищества рабочих (Первый интернационал) 1872 г., уточненный по предложению К. Маркса и при деятельном участии Ф. Энгельса, гласил, что успех рабочего движения в каждой стране может быть достигнут только силой единения и организацией. Эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов [15. С. 151].

Характеризуя составляющие успеха партийного строительства в учредительном манифесте Международного товарищества рабочих от 28 сентября 1864 г.,

К. Маркс отмечал: «...Численность только тогда решает дело, когда масса охвачена организацией и ею руководит знание» [15. С. 79].

Развивая идеи К. Маркса, Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» указывал, что «до тех пор, пока угнетенный класс не созрел до освобождения самого себя, он будет в большинстве своем признавать существующий общественный порядок единственно возможным... Но по мере того как он созревает для своего самоосвобождения, он конституируется в собственную партию, избирает своих собственных представителей, а не представителей капиталистов» [15. С. 232].

Адаптируя идею марксистской теории о диктатуре пролетариата к условиям российской действительности, В.И. Ленин писал, что отличие пролетарской диктатуры от буржуазной состоит в том, что первая направляет свои удары против эксплуататорского меньшинства в интересах эксплуатируемого большинства, а также в том, что ее осуществляют не только массы трудящихся и эксплуатируемых, но и организации, построенные так, чтобы именно такие массы будить, поднимать к историческому творчеству [12. С. 21].

И.В. Сталин в своих лекциях «Об основах ленинизма» отмечал, что «партия есть сборный пункт лучших элементов рабочего класса, имеющих прямые связи с беспартийными организациями» [11. С. 32], которым он дал название «приводов» или «рычагов» «системы диктатуры пролетариата». Механизм диктатуры пролетариата в трудах И.В. Сталина представлен профсоюзами как массовой организацией пролетариата, связывающей партию с классом прежде всего по линии производственной; Советами как массовой организацией трудящихся, связывающей с ними партию по линии государственной; кооперацией как массовой организацией крестьянства, связывающей партию с крестьянством по линии его вовлечения в социалистическое строительство; союзом молодежи, призванным облегчить авангарду пролетариата социалистическое воспитание нового поколения и выработку молодых резервов. Направляющей силой в системе диктатуры пролетариата, призванной руководить всеми перечисленными массовыми организациями, является партия [11. С. 32].

В контексте ленинско-сталинского подхода к партийному строительству особого внимания заслуживают работы советского периода, в которых в качестве объекта партийного строительства рассматривается Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС), а предмета – закономерности ее развития, принципы осуществления руководящей роли в обществе, формы ее организации и нормы внутривнутрипартийной жизни, идейно-теоретические, политические, организационные основы партии, принципы членства в ней, вопросы регулирования роста и укрепления партийных рядов, формы и методы организаторской и политической работы в массах, проблемы партийного руководства идеологической работой и др. [20; 21].

Подобное разнообразие подходов к употреблению термина «партийное строительство» требует их систематизации. В свою очередь, комплексный характер вопросов, рассматриваемых в рамках партологии, актуализирует как задачу использования междисциплинарного подхода, при котором одни и те же объекты исследуются различными общественными науками под особым, специфичным углом зрения, в различных аспектах, так и задачу разработки принципов и категорий партийного строительства как раздела современной партологии, ее методологии.

Теория (концепция) партийного строительства раскрывает основные подходы к формированию партий и партийных систем с точки зрения методологии теории управления.

Согласно методологии теории управления, систематическая управленческая деятельность реализуется через следующие компоненты:

- наличие не менее двух партнеров (субъекта и объекта);
- влияние на объект воздействия управленческих структур;
- использование субъектами управления санкций (мобилизационных, поощрительных, предупредительных, наказывающих и др.);
- подчинение осуществляемой управленческой деятельности общепринятым правовым, моральным, культурным и иным нормам [2. С. 132–137].

Если в основу классификации процессов партийного строительства положить особенности управления в политике, то можно выделить следующие его виды:

- государственное управление политическими процессами;
- управление жизнедеятельностью политических организаций.

Рассмотрим более подробно взаимодействие процессов партийного строительства и государственного управления.

В рамках государственного управления государство в целом и государственные органы в частности выступают субъектом управляющего воздействия. Они призваны эффективно управлять общественными делами, создавать условия для устойчивой и надежной работы государственных и политических институтов и структур [25. С. 20–27]. Государственное управление как система целенаправленного регулирующего воздействия государства на все сферы жизни общества (экономическую, социальную, политическую, духовную), функционирующие в нем социальные институты и организации (политические, хозяйственные, правовые, образовательные) ориентированы на обеспечение их целостности, эффективной деятельности и совершенствование, достижение стратегических целей развития страны [2. С. 132–137].

Государство как политический институт решает многообразные проблемы формирования и развития демократии, социальной справедливости и достоинства как на языке права [31. С. 398–406], так и определяя повестку дня, иницируя, поддерживая векторы, подавляя или прекращая те или иные процессы,

оставляя при этом поле для общественного развития, самоорганизации и синергии. Это поле является объектом политического управления. По мнению доктора политических наук, профессора Ю. Ирхина, политическое управление есть процесс целенаправленного взаимодействия его субъектов и объектов с использованием соответствующих технологий и средств ради достижения социально и политически значимых результатов [7. С. 49–54].

Следует обратить внимание на то, что в своих целях и средствах государственное управление пересекается с управлением политическим, а политическое управление не может не взаимодействовать с управлением государственным. Например, политические аспекты государственного управления связаны с деятельностью конкретных субъектов управления, способных контролировать либо направлять процессы политизации социальных проблем, их постановку на повестку дня [1].

Согласно Н.А. Антанович, политическое управление на общенациональном уровне связано с понятием «государственное строительство» (макроуправление), которое актуализируется в переходные периоды, когда формируются либо изменяются основы государственности, стратегические цели развития страны [1. С. 44–45]. В такой взаимосвязи объектом государственного управления выступает политическая система.

Рассмотрим единство и отличие государственного и политического строительства, с одной стороны, и государственного и партийного строительства – с другой.

Понятие «строительство» подразумевает процесс создания (возведения) чего-либо с использованием технологий в рамках заданных регламентов и правовых норм, предполагает наличие материальных, финансовых, трудовых и иных ресурсов, а также управленческих решений и мероприятий по их выполнению.

Государственное строительство – сфера государственной деятельности по проектированию оптимальной системы государственных органов, эффективной реализации их функций для прогрессивного социально-экономического развития государства и общества, обеспечения политических и личных прав граждан.

С этой точки зрения государственное строительство на макроуровне является строительством политической системы общества.

Важным структурным компонентом политической системы общества выступает партийная система. Например, М. Дюверже определил ее в качестве формы и способа сосуществования нескольких партий в рамках страны. Современные исследователи характеризуют ее как «контуры политического пространства, составленного из независимых элементов (партий) и определяемого их количеством, параметрами (численность избирателей, тип внутренней структуры), а также коалиционными возможностями» [33. С. 226–233].

В свете управляющего воздействия государства как комплекса финансовых, политических, правовых, институциональных, организационных мер, направленных на регулирование политической жизни общества, деятельность

по созданию и ликвидации политических партий можно определить как *партийное строительство в широком смысле* этого слова. В этом случае государство выступает субъектом, а партийная система — объектом управления.

Соотношение государственного и партийного строительства на макроуровне представлено на рис. 1.

Рис. 1. Соотношение государственного и партийного строительства.

Источник: разработка автора.

Рассматривая партийное строительство на микроуровне, следует отметить, что управление в политических организациях вообще и партиях в частности базируется на общих принципах менеджмента как управленческой деятельности. В качестве субъекта управления здесь выступает лицо либо группа лиц, которые преследуют политические цели. Как *партийное строительство в узком смысле* следует в таком контексте понимать деятельность по созданию, развитию политической партии, ведению политической борьбы и реализации стратегии эффективного управления ею [29].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в зависимости от масштаба и особенностей субъект-объектных отношений партийное строительство может рассматриваться в широком и узком смысле (табл. 1):

- как комплекс финансовых, политических, правовых, институциональных, организационных мер, направленных на государственное регулирование процесса создания, деятельности и ликвидации политических партий;
- как управленческая деятельность по созданию, развитию политической партии, ведению политической борьбы и реализации стратегии эффективного управления ею.

Раскрывая закономерности партийного строительства с точки зрения юридической науки и практики, А.В. Курочкин выделяет два вида нормативного регулирования партийной деятельности: законодательное (в широком смысле включающее в себя и подзаконное правовое регулирование) и корпоративное (локальные и внутриорганизационные нормы, которые авторы иногда связывают с внешними и внутренними способами регулирования). Очевидно, что законодательные нормы определяют само право существования политических

партий, возможность объединения людей, а также порядок принятия важнейшего партийного акта – устава, в котором отражаются основные положения организационного характера. Данная сфера партийного строительства целиком подчинена государственной власти. Вместе с тем многие принятые организацией корпоративные нормы необходимо учитывать при осуществлении публичными органами юридической деятельности, касающейся политических партий [10. С. 35–44].

Таблица 1

Субъект-объектные отношения в партийном строительстве

Субъект управления	Объект управления	Процесс управления
Государство	Политическая система	Государственное строительство
Государство	Партийная система	Партийное строительство
Группа лиц (партстроители)	Политическая партия	Партийное строительство (как управление организацией)

Источник: разработка автора.

Существенные особенности содержания понятия «партийное строительство» раскрываются через его соотнесение с понятием «партогенез». Рассмотрим их подробнее.

«Генез» в переводе с латинского обозначает процесс происхождения, возникновения, зарождения, начала, а также процесс развития чего-либо. Партогенез есть процесс происхождения, возникновения, зарождения и развития политической партии. Для характеристики процесса зарождения и развития всех партий как социально-политического института или какого-либо идеологического, а также организационного типа партии [9], используется понятие «филопартогенез». Жизненный путь партии от ее появления до исчезновения в каждом конкретном случае есть онтопартогенез. Партогенез есть единство фило- и онтогенеза партии.

Важно обратить внимание на то, что отличительными чертами партогенеза являются его естественный и вероятностный характер, что сопоставимо с процессом рождения ребенка. Очевидно, что не вполне обоснованным является употребление термина «партийное строительство» по отношению к естественному, стихийному процессу возникновения и зарождения политической партии, особенно если речь идет о демократическом устройстве общества.

Используя аналогию с рождением ребенка как естественным процессом, не стоит сбрасывать со счетов, что по мере технологического и научного развития общества доля вероятностного и неопределенного в нем постепенно сокращается.

Проведем параллель: в наши дни рождение новой жизни все чаще происходит в определенных условиях, при определенных обстоятельствах, которые, в свою очередь, формируются как родителями, так и государством. В первом случае уместно говорить о планировании беременности, соблюдении режима

труда и отдыха, сбалансированном рационе питания, проведении исследований на генетическую совместимость, что позволяет еще до рождения не только заложить основу здоровья плода, но и предупредить серьезные пороки развития. На развитие и становление ребенка серьезное влияние оказывает социальный статус родителей, окружение, в котором ему предстоит появиться на свет, и др. В свою очередь, государство посредством инструментов демографической (семейной) политики может различными правовыми, культурными, идеологическими, финансовыми инструментами либо стимулировать, либо ограничивать (например, в Китае) рождаемость. Кроме того, в особых случаях в наши дни естественные процессы зачатия заменяются на искусственные технологии оплодотворения, дополняются технологиями выхаживания недоношенных детей, которые в естественных условиях имели бы минимальные шансы на выживание. Все это связано с острыми вопросами морально-этического характера, отношениями личности, общества, государства и вместе с тем является неотъемлемой составляющей современной действительности.

Подобное прослеживается и в вопросах возникновения и развития политических партий и партийных систем. В них определяются поля, которые могут быть заданы («партийное строительство»), и поля, которые формируются в результате общественной синергии. Так, еще А. де Токвиль в работе «Демократия в Америке» указывал на то, что важную роль в зарождении и функционировании партий играют условия их генезиса, среди которых он выделял право граждан на объединение, свободу слова, печати, собраний [9], которые задаются государством.

Следовательно, понятие «партийное строительство» отличается от понятия «партогенез», которое используется для описания стихийного, естественного характера возникновения партии. Содержание партийного строительства отражает целенаправленные усилия по достижению определенного результата, что, на наш взгляд, в большей степени соответствует управляемому характеру возникновения и деятельности партий в современных (постиндустриальных) обществах, которые, по разным оценкам, приобретают характер картельных, электронных, цифровых и прочих платформ.

В свою очередь, партийное строительство как сознательный процесс может рассматриваться в качестве элемента политической инженерии, становление и внедрение которой связано с естественной, растянувшейся на многие века тенденцией ко все большей упорядоченности, рациональности и управляемости постоянно усложняющихся социальных процессов, с поиском эффективных методов социального управления [24. С. 132–136]. Данная особенность партийного строительства позволяет трактовать его как технологический процесс, представляющий собой совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата. Однако при выборе и применении тех или иных методов строительства партий должны учитываться сформированные в обществе предпосылки и условия, в которых осуществляется процесс партийного строительства.

Как было отмечено выше, управляющее воздействие государства на партийную систему заключается в создании финансовых, политических, правовых, институциональных, организационных мер, направленных на регулирование условий создания, деятельности и ликвидации политических партий в рамках действующей политической системы общества. Данные меры, в свою очередь, выступают в качестве внешних (Р. Саква определяет их как экзогенные [26. С. 167–190]) факторов партийного строительства (в узком смысле), т. е. внешних по отношению к конкретным партиям условий, которые одновременно определяют значения эндогенных переменных, иными словами, конкретных подходов к функционированию и развитию внутренней жизни партии. Внешними (экзогенными) по отношению к партийному строительству в широком смысле факторами выступает политическая система общества во всем многообразии ее формирования и развития. Иерархия данных факторов представлена в табл. 2.

Таблица 2

Иерархия экзогенных факторов по отношению к процессам партийного строительства в широком и узком смысле

Субъект управления	Объект управления	Процесс управления	Экзогенные факторы
Государство	Политическая система	Государственное строительство	Культурно-цивилизационные, исторические предпосылки; социальная структура общества; политическая культура; общественная формация; политический режим; форма правления.
Государство	Партийная система	Партийное строительство (как госуправление)	
Группа лиц (партстроители)	Политическая партия	Партийное строительство (как управление организацией)	Условия создания, функционирования и ликвидации партий; финансирования деятельности партий; участия политических партий в избирательном процессе, законотворческой деятельности.

Источник: разработка автора.

Характеризуя экзогенные факторы, следует отметить, что еще О. Шпенглер указывал на то, что формирование и развитие политической системы общества не может не опираться на определенные культурно-цивилизационные

предпосылки, оказывающие существенное влияние на механизмы взаимодействия государства и гражданина, личности и общества, национальные конфигурации соотношения их прав и обязанностей, институты свободы и принуждения. Следуя данной логике, С. Хантингтон в качестве признаков цивилизации рассматривал религиозные, языковые, этнические различия и историю стержневого государства. Согласно его представлениям, создание современных институтов демократии на Западе было обусловлено «античным наследием, католицизмом и протестантством, романскими и германскими языками, разделением духовной и светской власти, господством закона, социальным плюрализмом, индивидуализмом и наличием в истории опыта создания представительных органов» [30. С. 103–108]. По оценкам С. Хантингтона, православная цивилизация отличается от западной своими византийскими корнями, влиянием татарского ига, бюрократическим деспотизмом и ограниченным распространением на данной территории Возрождения, Реформации, Просвещения и других идейных движений, имевших место на Западе [30. С. 228]. Можно согласиться с тем, что восточная православная церковь традиционно строила свои взаимоотношения с государством на концепции «симфонии властей», согласно которой церковь и светский правитель должны не делить власть между собой, а осуществлять ее согласованно, при этом приоритет всегда отдается светскому правителю, который одновременно является и главой церкви [8. С. 43–64]. По оценкам современных партологов, русские партии «Союз русского народа» и «Союз имени Михаила Архангела» не столько выражали интересы церкви и верующих, сколько стремились укрепить самодержавие [8. С. 43–64]. В этой цивилизационной традиции государство в регулировании общественных отношений исторически играет ключевую роль, а «...гражданское общество не отделено непроходимой пропастью ни от человека (что очевидно), ни от государства. Следовательно, оно может формироваться не только по инициативе граждан, т. е. снизу, но и по инициативе государства, т. е. сверху» [17. С. 223].

Чтобы адекватно воспринять инициативы государства в области партийного строительства, в обществе должен быть сформирован определенный уровень гражданской и политической культуры, который отражает готовность граждан выражать свое мнение по общественно значимым вопросам, принимать активное участие в общественных делах, согласуя свои интересы с интересами государства и других людей.

Относительно самостоятельным экзогенным фактором партийного строительства является исторический, отражающий особенности социодинамики в широком смысле слова.

С точки зрения исторической социодинамики партии появляются тогда, когда для их деятельности возникают более или менее подходящие условия, когда функции политической системы достигают определенного уровня сложности, или там, где политическая власть приходит к убеждению, что население должно привлекаться к участию в жизни государства. «Так же как бюрократия

появляется, когда общественное управление не может более осуществляться из княжеского дворца, и политическая партия формируется, когда задача организации политической власти и осуществления политических мероприятий выходит за пределы возможностей узкого круга лиц» [35. С. 3–4].

Политическая партия возникает только на определенном этапе существования общества, когда оно ощущает потребность в ином, помимо бюрократического, канале, соединяющем массы с государственной властью, или когда сама государственная власть убеждается, что не может далее достаточно адекватно понимать и реагировать на потребности управляемого ею народа. Однако, и эти общие для любой возникающей партийной модели предпосылки реализуются по-разному в западных и восточных обществах: в одном случае они приводят к принципу разделения властей, в другом – к их фактической консолидации [9].

Партии возникают на индустриальной фазе социодинамики, на которой формируется запрос на кристаллизацию интересов и потребностей различных больших социальных групп: землевладельцев, рабочих, буржуазии. На это обращал внимание Т. Парсонс в работе «Теория систем», указывая на прямую связь партий с порождающим их обществом, его социальным полем. Различные социальные поля и составляют социальную базу различных политических партий, программы и другие документы которых выражают идеалы и интересы тех самых социальных групп.

Развивая идеи Т. Парсонса, С. Липсет и С. Роккан полагали, что партия, будучи «агентом конфликта и инструментом интеграции», не только образуется из определенного социального раскола, но и формируется в организационном и, главным образом, в идеологическом смысле этим социальным расколом. Социальный раскол, или конфликт, по их мнению, и определяет социально-политическую сущность партии. Дифференциация социальных групп общества по линиям размежеваний, обострение противоречий между которыми приводит к социальным конфликтам, способствует возникновению организованных форм взаимодействия людей, осознавших свою групповую идентичность.

Например, разрешение социального конфликта «город – село» происходило путем формирования консервативно-аграрных партий сельских хозяев и радикально-либеральных партий горожан. Ускоренная индустриализация создала целый класс наемных рабочих, интересы которых расходились с интересами хозяев предприятий. С развитием конфликта «собственники – наемные рабочие» наряду с либеральными и консервативными возникают партии рабочего класса: социалистические, лейбористские и коммунистические [8. С. 43–64].

С точки зрения марксизма, подобного рода конфликты являются прямым следствием перехода общества на новую ступень исторического развития (общественно-экономическая формация) и характеризуют политические системы рабовладельческого, феодального и буржуазного обществ (по К. Марксу).

Социальные конфликты способны порождать и технологические революции, следствием которых является изменение преобладающего типа производства. Так, переход от аграрной экономики к промышленному производству, а затем к «индустрии знаний» характеризует становление доиндустриального, индустриального и постиндустриального обществ, соответственно.

В то же время, по представлениям С. Липсета и С. Роккана, перемещению конфликтных отношений из социальной сферы в политическую, т. е. процессу возникновения из социальных групп политических партий, может мешать либо способствовать ряд условий: признание властью протестов и права оппозиции на критику [8. С. 43–64]; реализация принципа равенства партии власти и партии оппозиции; доступ партии в парламент; наличие сдержек и противовесов в отношении правления большинства. Эти условия, по сути, могут рассматриваться как технологии управляющего воздействия государства на регулирование условий создания, деятельности и ликвидации политических партий. Следовательно, в качестве инструментов партийного строительства, имеющихся в арсенале государства, можно рассматривать и законодательство о партиях, и порядок участия и прохождения политических партий в парламент, формирование правительства страны, и деятельность парламентских фракций, а также подходы к финансированию политических партий.

Партийное строительство непосредственно связано со сложившейся в стране формой правления. А. Хикен установил, что вероятность получения победившей партией «выигрыша» при парламентаризме определяется спецификой процесса назначения премьер-министра, а при президентстве – эффективным числом кандидатов, участвующих в президентской гонке, и характером взаимоотношений последних с кандидатами в депутаты, поскольку от этого зависит, сможет ли парламентское большинство оказывать какое-то давление на президента.

Перечисленные инструменты, в свою очередь, выступают в качестве экзогенных факторов по отношению к партийному строительству в узком смысле слова и определяют характер или отдельные черты внутрипартийной коммуникации, лидерства, организационной структуры партии, принципов и порядка ее функционирования, стиля, системы управления и пр.

Например, отсутствие государственного финансирования политических партий может приводить к формированию двух диаметрально противоположных типов внутрипартийного строительства: либо строительству массовой партии с широкой членской базой, способной обеспечивать ее деятельность взносами, либо строительству партии олигархической, которая будет обслуживать интересы определенных финансовых элит, выделяющих деньги на содержание партийной структуры. При этом значительная финансовая поддержка партии со стороны государства, снижая зависимость партийной верхушки от рядовых членов, способствует сращиванию партии с государством.

В свою очередь, законодательные требования к минимальной численности политической партии способны предопределять степень радикальности своего позиционирования партийными структурами. Так, лидеры массовых организаций с разнородным составом участников, как правило, будут стремиться выбирать умеренный курс, поскольку находятся под воздействием перманентного разнонаправленного давления своих членов. В таком контексте умеренность взглядов индивида обеспечивается благодаря суммарному психологическому воздействию на него разнородного окружения. В то же время небольшие по численности организации обнаруживают стремление к радикализации с тем, чтобы подчеркнуть свои отличительные особенности на фоне множества себе подобных небольших групп.

Предъявление избирательным законодательством требований к партийному стажу для кандидатов в депутаты от партии снижает риски недобросовестной внутрипартийной конкуренции, а также рейдерского захвата партии. Зависимость права выдвижения кандидатов в депутаты от численности партии стимулирует работу по росту партийных рядов и завоеванию авторитета среди широких масс населения.

Несложно доказать, что регламентирование порядка участия политических партий в процессе формирования правительства, законодательной деятельности предопределяет содержательное наполнение их работы.

Таким образом, государство, не выступая напрямую инициатором создания политических партий, способно предопределять и задавать основные векторы их деятельности и развития, в том числе – выбор лицом либо группой лиц (партстроителей) технологий партийного строительства (создания и функционирования партий), таких как:

- определение партийной идеологии;
- организация работы с функционерами, активистами и сторонниками партии, выстраивание системы коммуникации между ними, определение порядка выдвижения на руководящие позиции в партии, формирование внутрипартийной иерархии;
- создание партийной структуры в виде сети региональных и местных отделений партии, а также ее первичных организаций (ячеек);
- выработка подходов к механизму принятия решений, касающихся как внутрипартийной, так и публичной деятельности партии;
- реализация политических кампаний и проектов;
- формирование имиджа, стратегии развития партии, ее публичного позиционирования.

Данная деятельность, учитывая требования и принципы теории управления, безусловно, должна учитывать культурно-цивилизационные и исторические предпосылки, социальную структуру и политическую культуру общества,

а также заданные государством нормативные, правовые, финансовые, организационные и иные условия.

На основании этих рассуждений мы можем утверждать, что партийное строительство как раздел партологии различает понятия партийного строительства, в широком и узком смысле слова позволяет выявлять отличие партийного строительства от процессов партогенеза, различает цивилизационно-культурные, а также связанные с особенностями социодинамики, социальной структурой общества факторы партийного строительства, его экзогенные и эндогенные условия, и, таким образом, является важной категорией современной политической науки. Эта категория указывает на заданность процесса партийного строительства, предполагающего управляющее воздействие, которое в зависимости от субъекта воздействия можно рассматривать в широком и узком смысле, на макро- и микроуровне.

Партийное строительство в широком смысле – это управляющее воздействие государства, включающее в себя комплекс финансовых, политических, правовых, институциональных, организационных мер, направленных на регулирование процесса создания, деятельности и ликвидации политических партий. На практике результатом такого воздействия выступает партийная система той или иной страны во всем многообразии ее характеристик.

Партийное строительство в узком смысле – это управляющее воздействие лица либо группы лиц, преследующих политические цели, которое направлено на создание, развитие политической партии, ведение политической борьбы и реализацию стратегии эффективного управления ею.

Выбор методов и инструментов управляющего воздействия во многом обусловлен внешними по отношению к партии/партийной системе факторами. Особенности сочетания различных инструментов для достижения необходимого результата характеризуют технологии партийного строительства, его менеджмент, политическую инженерию.

Очевидно, что углубленное исследование удельного веса и взаимосвязей воздействия государства на процесс партийного строительства является важным направлением развития современной теории партийного строительства. С другой стороны, установление взаимосвязей между различными инструментами партийного строительства, находящимися в арсенале как государства, так и группы партстроителей, выступает актуальной задачей дальнейшего развития теории партийного строительства на микроуровне.

Литература

1. *Антанович Н.А.* Теория и методы анализа государственного управления в политической науке: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01 / Н.А. Антанович; Белорус. гос. ун-т. Минск, 2018. 49 с.
2. *Бабосов Е.М.* Государственное управление и политика // *Вестн. Гродзен. дзярж. ун-та.* Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2013. № 2. С. 132–137.

3. *Джанда К.* Сравнение политических партий: исследования и теория / науч. ред.: Г.В. Голосов, Л.А. Галкина. // Современная сравнительная политология: хрестоматия. М., 1997. С. 84–143.
4. *Дзахова Л.А.* Становление партологии: некоторые интерпретации западноевропейской традиции XIX–XX вв. // Изв. Рос. гос. пед. ун-та. Обществ. и гуманитар. науки. 2009. № 12. С. 51–57.
5. *Дюверже М.* Политические партии. М.: Акад. Проект. 2000. 558 с.
6. *Егоров В.Г.* Партология М. Дюверже и актуальные проблемы российского партогенеза / В.Г. Егоров, А.А. Морозов // Обозреватель. 2012. № 5. С. 88–99.
7. *Ирхин Ю.В.* Политическое управление и прогностический подход к политике // Социология власти. 2007. № 2. С. 49–54.
8. *Исаев Б.А.* Теория социальных расколов Липсета – Роккана и возможности ее применения для анализа первой, второй и третьей партийных систем России / Б.А. Исаев, А.С. Власкина // Полит. экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. № 4. С. 43–64.
9. *Исаев Б.* История партий и партийных систем: учебник и практикум: в 3 ч. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт. 2016–2018. Ч. 3. 356 с.
10. *Курочкин А.В.* Особенности правовой институционализации политических партий. Учен. записки Казан. гос. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. 2008. Т. 150, кн. 5. С. 35–44.
11. *Ленин В.И.* Ленин и Сталин о партийном строительстве: статьи, речи и документы: в 2 т. / В.И. Ленин, И.В. Сталин; Ин-т Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). [М.]: Госполитиздат, 1941 а. Т. 1. 829 с.
12. *Ленин В.И.* Ленин и Сталин о партийном строительстве: статьи, речи и документы: в 2 т. / В.И. Ленин, И.В. Сталин; Ин-т Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). – [М.]: Госполитиздат, 1941 б. Т. 2. 987 с.
13. *Любарев А.Е.* Партийное строительство в 2012–2018 гг. // Полит. концептология. 2018. № 3. С. 226–233.
14. *Малкин Е.* Политические технологии / Е. Малкин, Е. Сучков. М.: Рус. Панорама. 2006. 680 с.
15. *Маркс К.* О принципах партийного строительства / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат. 1983. 351 с.
16. *Мейтус В.* Политическая партия: стратегия и управление = Political party: strategy and management / В. Мейтус, В. Мейтус. Киев: Эльга: Ника-центр. 2004. 404 с.
17. Основы идеологии белорусского государства: история и теория: учеб. пособие / С.Н. Князев [и др.]. Минск: ИВЦ Минфина. 2005. 315 с.
18. Основы теории политических партий: учеб. пособие / А.Ю. Ашкеров [и др.]; науч. ред. С.Е. Заславский. М.: Европа. 2007. 261 с.
19. *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М.: Росспэн. 1997. 640 с.
20. Партийное строительство: научные основы партийной работы: курс лекций: в 2 ч. / редкол.: С.И. Сурниченко [и др.]. М.: Мысль, 1985 а. Ч. 1 / Б.И. Бессалаев [и др.]. 303 с.
21. Партийное строительство: научные основы партийной работы: курс лекций: в 2 ч. / редкол.: С.И. Сурниченко [и др.]. М.: Мысль, 1985 б. Ч. 2 / В.Я. Акимов [и др.]. 399 с.
22. *Пляйс Я.А.* Партийное строительство в России. Анализ диссертационных исследований российских политологов // Полис: полит. исслед. 2007. № 5. С. 149–166.
23. *Постников Н.Д.* Партийное строительство в имперской и современной России (II) / Н.Д. Постников, С.Н. Федорченко // Вестн. МГОУ: электрон. журн. 2016. № 1. URL: <https://www.VESTNIK-mgou.ru/jour/article/view/1091/1088> (дата доступа: 16.01.2023).
24. *Прошин Д.В.* Политическая инженерия: эволюция, тенденции, критика // Грані. 2012. № 2. С. 132–136.

25. *Решетников С.В.* Понятие системы государственного управления: первый шаг на пути к повышению эффективности процесса оптимизации госаппарата / С.В. Решетников, Н.А. Беляев // Иппокрена. 2016. № 1. С. 20–27.
26. *Саква Р.* Дилеммы развития российской партийной системы // Полит. наука. 2010. № 4. С. 167–190.
27. *Сафронов К.Ю.* Политические технологии партийного строительства в Республике Казахстан // Евраз. юрид. журн. 2014. № 12. С. 217–219.
28. *Тропников А.И.* Партология: трудности становления теории // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XII Междунар. конф., 19–20 марта 2009 г.: [в 5 ч]. Урал. гос. ун-т. // Екатеринбург. 2009. Ч. 4/5. С. 110–112.
29. *Федорченко С.Н.* Технологии политического менеджмента в партийном строительстве России / С.Н. Федорченко, М.В. Рыбина // Изв. МГТУ «МАМИ». 2013. № 4. С. 228–237.
30. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций: пер. с англ. М.: АСТ. 2021. 571 с.
31. *Чуешов В.И.* Предмет философии государственного управления и ее белорусское поле / Национальная философия в глобальном мире: материалы Первого белорус. филос. конгр., Минск, 18–20 окт. 2017 г.: доклады / НАН Беларуси, Ин-т философии НАН Беларуси; редкол.: В.Г. Гусаков (пред.) [и др.]. Минск, 2018. С. 398–406.
32. *Шендрикова М.А.* Партийное строительство в развивающихся демократиях // Полит. наука. 2012. № 3. С. 318–324.
33. *Шмачкова Т.В.* Мир политических партий // Полис: Полит. исслед. 1992. № 1/2. С. 226–233.
34. *Kirchheimer O.* The transformation of western European party systems / O. Kirchheimer // Political parties and political development / ed.: J. LaPalombara, M. Weine. Princeton. 1966. P. 177–200.
35. *Political parties and political development / ed.: J. LaPalombara, M. Weine.* Princeton : Princeton Univ. Press, 1966. VII. 487 p.
36. *Sartori G.* Parties and party systems: a framework for analysis. Cambridge [etc.]: Cambridge Univ. Press. 1976. Vol. 1. 370 p.

Tatsiana Shendik (e-mail: t.bel.institute.ss@gmail.com)

Ph.D. in Political Sciences, the Head of the main directorate of information policy and social development of the Administration of the President of the Republic of Belarus, Associate Professor of the department of social development and ideology of the Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

PARTY BUILDING AS A SPECIFIC AREA OF SCIENTIFIC RESEARCH AND A CATEGORY OF POLITICAL SCIENCE

The article is devoted to a theoretical analysis of the concept of “party building,” which the author identifies as a specific subdivision of party theory, and provides a justification for its conceptual apparatus, exogenous and endogenous factors.

Keywords: theory of parts, theory of party systems, partology, party building, political system, party system, political party, partiom, parthogenesis.

DOI: 10.31857/S020736760029180-7

© 2023

Дмитрий Егоров

доктор философских наук,

Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний России
(Псковский филиал) (г. Псков, Российская Федерация)

(e-mail: de-888@ya.ru)

ПОЧЕМУ ПОГИБ СССР (О ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЯХ ИДЕОЛОГИЙ)

Ранее автор пришел к выводу: выбор «капитализм» или «социализм» — это в первую очередь выбор ценностный, а не сравнение выгод «плана» и «рынка». Настоящая работа есть поиск оснований этого ценностного выбора.

Частным, но весьма важным случаем рассматриваемой проблемы является вопрос, почему погиб СССР. Тезис, что СССР оказался экономически несостоятелен, автор считает не соответствующим фактам. Сделан вывод, что крах СССР связан с мировоззренческим переходом к потребительским и индивидуалистическим ценностям.

Ключевые слова: идеология, либерализм, марксизм, мораль, принцип Юма, социализм.

DOI: 10.31857/S020736760029181-8

Настоящая работа является развитием наших работ [1–5], посвященных поиску немарксистской идеологической альтернативы неолиберализму. Почему это актуально? В частности, в силу следующей констатации: «Поводов для недовольства капитализмом сегодня предостаточно, но у современного марксизма нет никаких убедительных альтернатив капитализму» [6. С. 184].

Если же обратиться к вопросу, вынесенному в заголовок нашей работы, то здесь основное марксистское объяснение распада СССР сводится к модели неправильной (и/или несвоевременной) социально-экономической реализации правильного учения.

Ранее мы обосновали тезис: эксплуатация — это социальный, политический и психологический феномен, и только потом экономический [3]. Тем самым мы отвергаем панэкономизм в любой его форме: исторического материализма, теории «постиндустриального» общества [7], любой иной. Важно отметить, что исторический материализм — это *историко-философская* гипотеза: «главной движущей силой истории являются экономические отношения». По нашему мнению, такая панэкономическая трактовка истории неадекватна и противоречит множеству исторических фактов [3. С. 25–26]. Главное же, на что следует обратить внимание, это то, что истмат — это *философский* элемент идеологии марксизма, а никак не научный¹.

---

¹ [Пояснение автора] Та часть модели мира, которая может быть непосредственно проверена (потенциально фальсифицирована сопоставлением выводов из теорий с фактами [63]),

Конечно, мы не претендуем на приоритет в отвержении панэкономизма. Здесь мы присоединяемся к Т. Пикетти («неравенство – это прежде всего политика и идеология, а не экономика и технологии» [8. С. 140]), К. Попперу [9. С. 147], Н.С. Розову [10], etc. То, что неприятие эксплуатации ни из каких экономических отношений не вытекает, продемонстрировали на личном примере уже основоположники марксизма: сам К. Маркс был отнюдь не пролетарием, а Ф. Энгельс – и вовсе капиталистом. Собственно, наша критика панэкономизма [3] основана на принципе Юма.

Принцип Юма и моральное чувство. Принцип Юма констатирует невозможность выведения ценностных (этических, целевых) положений из фактов. Как заметил Д. Юм, в любой попытке вывести моральное утверждение из знаний о сущем неизменно присутствуют логическая ошибка: переход от суждений со связкой «есть» к суждениям со связкой «должен» (что логически невозможно) [11. С. 33]. Поэтому причиной эксплуатации (т.е. желания неэквивалентного обмена, эгоистического использования других людей) не может быть только лишь та или иная экономическая ситуация.

Также мы считаем неудачным определение социализма через экономические категории (собственность, планирование), ибо в этом случае *цель* социализма подменяется *средствами* [3; 5]. Об этом писал еще в 1949 г. А. Эйнштейн: «...действительная цель социализма состоит именно в том, чтобы преодолеть “грабительскую фазу” в развитии человечества и пойти вперед»; «...плановая экономика – это еще не социализм. Плановая экономика как таковая может сопровождаться полным порабощением личности» [12].

Мы считаем, что фундаментальная разница между социализмом и капитализмом заключается в роли государства. При капитализме государство защищает индивида от физического насилия, а при социализме – также и от экономического². Наши определения: капитализм – общество, где прямое физическое насилие запрещено³, но легитимизировано насилие экономическое⁴;

входит в науку. Другая часть модели мира, непосредственной фальсификации не поддающаяся, – философия (в этом и заключается разница между наукой и философией [63]). Философские теории, в отличие от научных, являются настолько общими, что их непосредственное опровержение фактами практически невозможно, – поэтому несовместимые философские концепции (материализм – идеализм, эмпиризм – рационализм, etc.) могут существовать тысячами.

² Заметим, что это не означает по умолчанию защиту «бедных от богатых»: социальный паразитизм (нищенство, жизнь на пособие без стремления к работе) это та же эксплуатация «снизу» (стремление взять у какого-либо индивида или общества в целом больше, чем от-дать).

³ Этим капитализм принципиально отличается от исторически предшествовавших ему рабовладельческого строя, феодализма, «азиатского способа производства», etc., то есть от обществ с институтами эксплуатации на основе систематического применения прямого физического насилия.

⁴ Насилие экономическое – это эксплуатация на основе монопольного контроля и/или ограничения доступа: к средствам производства, к товарам/ресурсам, информации, etc.

Капитализм, в сущности, «антирынок», ибо смысл деятельности капиталиста в получении сверхприбыли через монополию, т.е. – в уходе от свободного рынка [13. С. 77].

социализм — общество, где системно подавляются любые формы эксплуатации.

И плановая экономика, и ликвидация частной собственности — *инструменты* для реализации этой *цели* (так же как и антимонопольные законы, блокировка валютных и товарных спекуляций, прогрессивный подоходный налог, законодательный рост минимальной оплаты труда, налоги на наследство, на роскошь, etc.) [3; 5]. Соответственно, выбор «капитализм» или «социализм» — это в первую очередь выбор ценностный, а не сравнение выгод «плана» и «рынка»⁵.

Наши определения имплицитно содержат представления о главном конфликте в социуме. Это конфликт между теми, кто морально принимает эксплуатацию и отвергающими оную. Этот моральный выбор проявляется на уровне мировоззрения как выбор либеральной / социалистической (коммунистической) идеологии.

Здесь возникает вопрос оснований этого ценностного выбора. Почему идея общества без эксплуатации воспринимается полярно? Почему одни хотят жить в солидарном обществе (и готовы ради этого рисковать жизнью), а другие не менее страстно готовы бороться за жизнь в обществе конкурентном? Частным, но весьма важным (особенно для нашей страны), является вопрос, почему погиб СССР.

Настоящий текст есть попытка найти ответы на эти вопросы. Мы полагаем, что ответы следует искать в области социальной антропологии.

Различия идеологий, по нашему мнению, — следствие различий в принимаемой модели человека (и вытекающей из одной структуры ценностей) [3; 5].

Дихотомия «коллективизм» vs «индивидуализм» — отражение того, что у человека есть два (именно два, а не один и не три) основных центра целеполагания⁶. Это инстинкт самосохранения (который есть основа индивидуализма)⁷ и моральное чувство (основа коллективизма) [5].

---

⁵ В то же время, сторонники либеральной идеологии интуитивно склонны воспринимать «рынок» как более эффективную экономическую модель. Так, К. Крауч определил либерализм как «базовое предпочтение рынка государству» [14. С. 28]; Ф. Хайек и М. Фридмен не скрывали, что их экономические воззрения защищают их политические предпочтения. Сторонники социализма, соответственно, примерно так же воспринимают «план» (многие вообще полагают, что плановая экономика и социализм это синонимы). Экономико-статистические доводы здесь сугубо вторичны, первичны мировоззренческие принципы [15].

Экономическая статистика для данного мировоззренческого выбора до такой степени вторична, что даже экономические «реформы» 90-х годов в России (в свете объективной статистики — экономическая катастрофа [16]) либерально ориентированные экономисты могли публично называть «успешными» (!)

⁶ Соответственно, всякие рассуждения о каком-то третьем (четвертом, пятом) пути в социальной теории и практике, якобы принципиально отличающемся и от либерализма, и от социализма, есть результат недоразумения (отсутствия точных определений исходных понятий) или просто постмодернистская игра словами.

⁷ Многие считают, что индивидуализм (либерализм) характеризуется принятием «свободы» как высшей ценности (в отличие от коллективизма, или социализма, характеризующихся приоритетом «равенства» и «братства»). Мы считаем это ценностное деление не слишком удачным ввиду неопределенности термина «свобода». Свобода реализации желаний, свобода творчества, свобода предпринимательства, свобода сильного — это совершенно разные понятия (обозначаемые одним и тем же словом). Свобода реализации индивидуалистических целей есть, в конечном счете, свобода реализации своего инстинкта самосохранения (в своей предельной форме в социуме принимающего вид инстинкта иерархического доминирования

«Как бы ни определять мораль, совершенно очевидно, что она не сводится к знаниям... Она укоренена не в разуме или, по крайней мере, не только в разуме» [17. С. 246]. Это основание морали, то есть априорный (ни к чему не сводимый и не из чего не выводимый) психический импульс, лежащий в ее основе, мы и называем моральным чувством⁸. Это — чувство единства с какой-то системой более высокого уровня, нежели индивид (семьей, социумом, в пределе — со всем миром). Конфуций называл моральное чувство «человеколюбием» (жень) [19]; Кант — категорическим императивом [20].

Помимо этического сенсуализма (то есть, признания морального чувства), существуют этические концепции, стремящиеся обосновать рациональный генезис морали. Здесь следует отметить, что принцип Юма, запрещая такой вид причинного объяснения, когда причиной морального (ценностного) суждения является какой-то факт (ситуация в мире), тем самым разрушает любую гипотезу рационального обоснования морали (ввиду чего его называют также «гильотина Юма»). Именно по этой причине было осуществлено множество попыток поставить принцип Юма под сомнение [21], но все они были такими же тщетными, как и проекты вечного двигателя: «Если посылки силлогизма обе в изъявительном наклонении, то заключение будет равным образом в изъявительном наклонении. Чтобы заключение могло быть поставлено в повелительном наклонении, необходимо, чтобы по крайней мере, одна из посылок была в повелительном наклонении. Принципы же науки, постулаты геометрии высказаны только в изъявительном наклонении ... не можем мы основывать мораль на интересах общества, на понятии родины, на альтруизме, потому что остается недоказанной необходимость в случае нужды посвятить себя обществу... Моральным двигателем... может быть только чувство» [22. С. 506–508].

Поэтому мы считаем мнение, что оппозицией эгоизму является разум (см., напр: [23]), неверным. Разум является не отдельным центром целеполагания, а *инструментом реализации* целей. В большинстве случаев, когда говорится о рациональном обосновании морали, на самом деле подразумевается стремление обосновать мораль как производное инстинкта самосохранения: «...стремление к благополучию (определенному настолько глубоко и широко, насколько это возможно) — это единственный вразумительный базис для морали и для ценностей» [24. С. 32].

и стремления к демонстративному потреблению), — что и лежит в основе нашей трактовки либеральной идеологии.

Возможно совершенно иное понимание свободы: как свободы от власти собственных животных инстинктов; свободы исполнять свой моральный долг (следовать голосу совести) вне зависимости от внешней ситуации. Так понимали свободу Сократ, Конфуций, Кант (и именно так она трактуется в основных мировых религиях).

⁸ Его генезис может трактоваться как трансцендентным (религиозным), так и эволюционным [18], но в любом случае это — диалектическая противоположность инстинкту самосохранения (эгоизму).

По нашему мнению, выбор либеральной или социалистической идеологии обусловлен тем, что два основных центра целеполагания формируют две принципиально возможные цели жизни человека (цели высшего приоритета):

а) защита интересов тела (эгоизм; стремление к потреблению, в том числе демонстративному; к превосходству — то есть победе в конкуренции);

б) защита ценностей, превосходящих по масштабу ценности индивидуальные (альтруизм, справедливость в социуме, коллективизм; в религиозной терминологии это ценности души)⁹.

То что у отдельного человека является смыслом жизни, на уровне социума выступает как идеология (система представлений о том, как должно быть устроено общество, чтобы в нем была возможна реализация основной жизненной ценности). Таким образом, основной конфликт в социуме — отражение основного конфликта внутри любого человека (между животными инстинктами и моральным чувством).

***

В чем заключается идеологическая борьба? Представить свою идеологию как истинную, а другие — ошибочными (как минимум в каких-то аспектах). Но что значит — истинную? Выгодную? — эгоистическая выгода у каждого индивида своя. Исходя из принимаемой нами связи социальных идеологий и ценностей, истинной может быть признана идеология, соответствующая глубинной природе человека (имеющая в своей основе адекватную антропологическую модель).

Как можно обосновать правильность и разумность эгоистической мотивации? Самый эффективный способ — поставить под сомнение само существование морального чувства (как отдельного центра мотивации, альтернативного инстинкту самосохранения).

Неолиберальная модель человека. Выше речь шла не об отрицании морали как общественного института (системы правил, регулирующих жизнь в социуме), — а об отрицании наличия в основе этих правил некоего первичного психического импульса, альтернативного инстинкту самосохранения (не сводимого к эгоистической выгоде). В конечном счете, мораль и альтруизм в таком подходе оказываются следствием осознания выгод долгосрочного сотрудничества [26] и/или формой защиты от тотальной войны «всех против всех» [27]¹⁰.

В предельно чистом виде эта позиция была проявлена в социо-дарвинизме, а в настоящее время в концепции «экономического империализма»: программе построения всего социо-гуманитарного знания, вплоть до теории отношений

⁹ А.А. Гусейнов писал, что все многообразные учения о жизни («Для чего жить?») могут быть сведены к трем ответам: а) для себя; б) для других; в) для Бога [25. С. 318]. Но в социальном плане (б) и (в), в сущности, совпадают: «Кто говорит: “Я люблю Бога”, а брата своего ненавидит, тот лжец» (1 Ин, 4: 20). В результате мы приходим к сформулированной нами дихотомии.

¹⁰ В общем случае неолиберализм не предполагает обязательного сведения морального чувства к инстинкту самосохранения (выгоде), — условием *sine qua pop* является приоритет эгоистической мотивации над моральной (альтруистической).

в семье, на основе модели homo oeconomicus («эгоиста, склонного к оппортунизму») ¹¹.

Мы не считаем модель homo oeconomicus неверной. Мы считаем её частным случаем нашей (более общей) модели: homo oeconomicus есть модель человека с приоритетом инстинктивной мотивации: моральное чувство неразвито и/или подавлено инстинктом самосохранения. Для какого-то круга экономических явлений она вполне адекватна; однако ее распространение на все социо-гуманитарное знание может представляться убедительным только для тех, кто сам в первом приближении этой модели соответствует ¹².

Модель человека для коллективистской идеологии. Итак, мы принимаем постулат существования морального чувства. В связи с этим прежде всего отметим, что исторические различия моральных систем отнюдь не исключают концепцию единой основы морали. Инстинкт самосохранения в доисторическое время подталкивал идти на охоту, а сейчас может мотивировать заниматься программированием или финансовыми спекуляциями, — но это не значит, что сам инстинкт самосохранения меняется: меняются исторические формы его реализации. То же можно сказать и о морали: могут меняться конкретные исторические формы морального поведения, но это не значит, что меняется само моральное чувство. Разница между различными конкретными моральными системами — в относительной значимости/приоритетности эгоистических и альтруистических побуждений, в конкретных словесных формах выражения этих побуждений, — но отнюдь не в изменении двух основных базовых ценностей. Так, «сексуальная революция» второй половины XX века — это не появление «новой морали», а разрушение традиционной (увеличение значимости эгоистических инстинктов относительно морального чувства), — и не более того.

Теперь вернемся к нашему пониманию социализма. Построение идеологии, обосновывающей желательность общества без эксплуатации (как минимум, с минимизацией оной), *необходимо* предполагает отказ от либеральной антропологической модели. Обосновать социалистическую идеологию через идею: «общее благо — наилучший способ достичь блага эгоистического» (то есть построить модель социализма для homo oeconomicus), — по нашему мнению, невозможно в принципе.

---

¹¹ «...экономический подход предлагает плодотворную унифицированную схему для понимания всего человеческого поведения... человеческое поведение характеризуется тем, что участники максимизируют полезность при стабильном наборе предпочтений» [28. С. 32].

¹² «Homo oeconomicus» будет искренне воспринимать социализм как царство лжи: «справедливость», «общее благо» для него — пустые и лживые слова (в силу приоритета инстинктов над моральным чувством никакие эмоции этим словам не соответствуют). Соответственно, социалистическое мировоззрение будет трактоваться как проявление стадного инстинкта (зависти к сильным и успешным): «Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству... За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За личность и свободу — ее сильное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых» [29]. См. также: [30].

Причина этого в том, что инстинкт самосохранения у стайных приматов (а человеческие инстинкты имеют очевидно животную природу) реализуется не только в желании иметь блага — но и, главное (!), в борьбе за место в иерархии, за доминацию, то есть как инстинкт иерархического доминирования¹³. Последние 200 лет его главным проявлением становится демонстративное потребление [31; 32]. В отличие от голода, демонстративное потребление не имеет никакого верхнего предела насыщения, и материальное изобилие не снизит накала конкурентной борьбы в «открытом» обществе (обществе *homo oeconomicus*): главным оптимизируемым параметром для высокопримативного¹⁴ индивида является не абсолютный уровень материального достатка, а *разница* между своим уровнем и уровнем других (уровень социальной стратификации).

Об этом ясно свидетельствует динамика роста мирового неравенства после неолиберальной контрреволюции 1970-х. Разрыв между богатыми и бедными (потенциально грозящий социальным взрывом, в котором мировая суперэлита может потерять все) в последние 50 лет рос быстрее, чем мировой продукт. Если в 1960 г. разница в доходах между богатейшей пятой частью и беднейшей пятой частью населения составляла 30:1, то в 1997 г. она была уже 74:1 [34. С. 54]. В 2010 г. разрыв между группой стран с высоким уровнем доходов (1004 млн человек, или 15,3% населения Земли), и группой стран с низким уровнем доходов («полюс бедности» — 2348 млн человек, или 37,2% населения мира), по объему ВВП составил 27 раз, по ВВП на душу населения — 64 раза, по рыночной капитализации активов — 788 раз, по затратам на здравоохранение на душу населения — 115 раз [35. С. 19]. За последнее десятилетие этот разрыв стал еще больше [36], и никакой «естественной» остановки роста мирового неравенства при господстве неолиберализма не предполагается [64].

Поэтому мы считаем, что коллективистской (социалистической) идеологии адекватна антропологическая модель а) существования, в оппозицию эгоизму, второго ценностного центра (морального чувства), б) его приоритет над эгоизмом.

С.Г. Кара-Мурза в ряде работ иллюстрировал утверждение, что крестьянская русская община была прообразом социальных институтов социализма, тем, в частности, что голосование в общине по любому вопросу должно было быть единогласным: «В конце концов, смотришь, постановлено превосходнейшее решение, и опять-таки, главное, решение единогласное» [37. С. 363–364]. Здесь мы обращаем внимание, что такое возможно только в обществе людей, принципиально отличающихся от *homo oeconomicus*. С позиции индивидуализма такое единогласие возможно только при тотальной доминации некоего альфа-вожака

¹³ В результате конкурентной борьбы за место в стадной стратификации образуется пирамида доминации, поддерживаемая насилием [32. С. 100].

¹⁴ А. Протопопов ввел, по нашему мнению, удачный термин для характеристики степени проявления инстинктивной мотивации в поведении человека — *примативность* [33. С. 51]. Применительно к социально-экономической сфере: «...чем больше в человеке животной сущности (инстинкта эгоистического доминирования, инстинкта присвоения по рангово-силовому критерию), тем он более *примативен*...» [23].

(силовом подавлении любого альтернативного мнения). Но в основе единогласия русской общины лежало совершенно иное — восприятие справедливости решения как ценности, превышающей эгоистическую выгоду. Именно эта доминирующая этическая позиция и была, по нашему мнению, главной предпосылкой развития в СССР социальных институтов социализма.

Наша антропологическая модель может быть имплицитной, подразумеваемой. Но в случае марксизма она вообще отвергается: мораль трактуется в марксизме как часть «надстройки», определяемой экономическим «базисом»: «всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения обществ» [38]. По сути, здесь антропология марксизма смыкается с либерализмом (социал-дарвинизмом¹⁵): мораль в конечном счете трактуется как следствие инстинкта самосохранения.

Данную позицию мы считаем главным дефектом марксистского панэкономизма. Антропология марксизма в этом вопросе предлагает совершенно неправдоподобную схему: а) человек по природе («родовой сущности») альтруист, — хотя происходит от стайных приматов (а структуризация стай происходит на основе инстинкта иерархического доминирования, то есть в эгоистической конкурентной борьбе); б) в результате прогресса знания и технологий появляется прибавочный продукт — теоретическая возможность эксплуатации. Человек тут же использует эту возможность — становится эксплуататором-эгоистом; в) в результате дальнейшего роста технологий общественный продукт увеличится — и люди преобразуют социальные институты так, чтобы эксплуатация стала невозможна, — ибо само стремление к ней вдруг исчезнет.

Эта схема противоречит как принципу Юма, так и историческим фактам — в частности, распаду СССР. Казалось бы, обобществление средств производства должно было привести к появлению «нового человека» (ибо исчезла социально-экономическая база для эксплуатации), однако в реальности во второй половине XX в. значительная часть элиты и обывателей СССР стали сторонниками конкурентного общества.

Хотя Маркс и заявлял: «коммунисты вообще не проповедуют никакой морали», однако основа его собственного выбора (как впрочем и выбора любого другого сторонника социализма), очевидно, не в разуме, а в этике: «освобождение человека от природной обусловленности» (средством для которого он видел уничтожение частной собственности), можно желать как для всего человечества, так и для себя, и нет никаких рациональных (логических) оснований предпочесть одно другому. Финансовый спекулянт занимается, в сущности, тем же — «освобождением от природной обусловленности», — но только для себя лично. При этом этический выбор: стремиться подняться в социальной

---

¹⁵ Известно, что К. Маркс хотел посвятить «Капитал» Ч. Дарвину (от чего, впрочем, последний отказался).

пирамиде доминирования или стремиться к ее уничтожению – первичен и никакими фактами не обусловлен (подробнее мы обсуждали это [3]).

Смысл истории (о религии и социализме). В «Осеевое время» (800–200 гг. до н.э.) появляются основные мировые религии: конфуцианство, буддизм, ряд религиозно-философских школ индуизма, иудаизм, этические учения Сократа и стоиков (во многом предвосхитившие этику христианства и ислама). Во всех этих учениях утверждается, что целью и смыслом земной жизни человека является переход от эгоистической мотивации к моральной¹⁶. Это инициирует появление представлений о том, что общество со временем может (и должно) меняться в сторону более справедливого социального устройства. Подчеркнем, что сама постановка вопроса о степени справедливости социума предполагает предварительный морально-ценностный выбор в пользу справедливости в общественных отношениях.

Но можно ли говорить об общественном прогрессе в контексте морали? Есть ли здесь какие-то объективные индикаторы?

Человеческую историю можно делить на периоды (эры – формации – цивилизации – мир-системы, etc.) по самым разным основаниям, в том числе и по преобладающим формам эксплуатации. Мы выделяем три принципиальных периода человеческой истории:

- 1) период господства физического насилия;
- 2) период насилия экономического;
- 3) период (по состоянию на сегодня – в значительной степени гипотетический) минимизации любых форм эксплуатации.

Переход (1) – (2) в человеческой истории в последние несколько сотен лет реально произошел. Мы считаем, что он был связан, в первую очередь, с моральной общественной трансформацией (потерей легитимности прямого физического насилия), а отнюдь не с какими-то «экономическими выгодами» отказа от оногo (см. [3])¹⁷.

***

Если ранее вопросы социальной справедливости рассматривались, прежде всего, в религиозном контексте, то последние 200 лет это стало предметом социалистических учений (по большей части секулярных). Мы считаем необходимым остановиться на вопросе соотношения социализма и религии.

---

¹⁶ Отметим также, что конфуцианство, в отличие от других мировых религий, практически не имеет онтологического ядра (то есть утверждений о существовании Творца, некоей высшей реальности, etc.), являясь в сущности социально-этическим учением, – и при этом прекрасно выполняет социальную роль, аналогичную другим мировым религиям.

¹⁷ Мы не претендуем на приоритет в данном выводе: «существует долгосрочная тенденция к большему равенству» [8. С. 140]; долговременная тенденция уменьшения социального насилия эксплицирована в ряде работ А.П. Назаретяна [18; 39], etc.

Как следствие философского материализма и «материалистического понимания истории», социализм в форме марксизма приобрел аспект воинствующего атеизма. Однако понимание социализма как общества без эксплуатации и даже понимание социализма как плановой экономики с преимущественно общественной собственностью никаким религиозным канонам не противоречит.

Мы считаем, что, если вынести за скобки мистический аспект религий, социальная роль религии — это защита морали: «Искать полезного для общества — вот правило совершеннейшего христианства... постишься ли ты, спишь ли на земле, изнуряешь ли себя, но если ты не печешься о ближнем, то не делаешь ничего важного, и при всем том еще далеко отстоишь от образца» [55]. Иными словами, социальные цели религии и социализма, в сущности, совпадают, а социализм *per se* есть развитие тренда Осевого времени. Религиозная интерпретация социализма, в форме социального учения христианского социализма, существует с XIX в. [40], а религиозно-социалистические практики можно отсчитывать как минимум с апостольской общины христиан (Деяния, 4: 32–37).

Важно, однако, отметить, что отнюдь не все религиозные мыслители (и просто верующие) разделяют идеи близости социальных целей социализма и религии. Рассмотрим возможные интерпретации социальной сущности и смысла религии.

Идеально институт религии служит (должен служить) укреплению связи человека с Богом. В чем эта связь проявляется? В контексте нашей темы возможны две принципиально различающиеся трактовки:

1) Можно вслед за И. Кантом [20; 41], К.С. Льюисом [42], М. Ганди считать, что связь человека с Богом выражается моральным чувством (голосом совести): «...религия и мораль синонимичны» [43. С. 166]. И. Кант назвал идопоклонством представлять «Высшее существо со свойствами, допускающими, что еще нечто другое, а не только моральность может быть сама по себе подходящим условием, чтобы сообразоваться с Его волей» [41. С. 303]. Из этого вытекают представления: i) религиозное чувство тождественно чувству моральному (является его высшим проявлением); ii) понимание в философском плане религий как онтологических гипотез, объясняющих существование морального чувства¹⁸.

Из такой трактовки вытекает: альтруистическое отношение к людям — это ступень (или даже фундамент) на пути обретения любви к Богу, а социальный смысл религии — защита морали. Соответственно, критерий прогресса или регресса развития социума (и религиозных структур в обществе) — не количество

¹⁸ Хотя конкретные религиозные мифы и догматы религий весьма различны, моральные заповеди мировых религий практически совпадают. «При сравнении моральных учений высокоразвитых религий оказывается, что в них повторяется одно и то же ядро морали. ... Ядро морали можно обобщить в трех категориях: в обязанности уважения по отношению к инстанции заповедей и запретов, в обязанностях относительно правды и договоров и в социальных обязанностях» [44. С. 272–273]. А это означает, что именно моральные заповеди (идентичное информационное ядро религиозности) и являются первоосновой любой религии.

построенных храмов, а уровень общественной морали¹⁹. Тогда очевидна практическая идентичность социальных целей религии и социализма.

2) Возможна и альтернативная трактовка отношения религиозного чувства (любви к Богу) и морали: как, может быть, и связанных, но, по сути, различных феноменов (религиозное чувство первично, а мораль, если с ним и связана, есть производное от оно). Моральные заповеди способствуют совместной жизни людей, и их желательно выполнять, — но это вторично по отношению к познанию Бога: «Всем — лучше никогда не будет. Одним будет лучше, другим станет хуже ... все здешнее должно погибнуть! И потому на что эта лихорадочная забота о земном благе грядущих поколений?» [45. С. 188—189]. В этом случае строительство храмов и монастырей (поддержка религиозных организаций государством) неизмеримо важнее, чем любые секулярные процессы, — и потому нет ничего ужасного, если параллельно с «религиозным возрождением» идут процессы деградации общественной морали, попрания властью идей справедливости, etc.

Тогда, если светская власть пытается использовать религию в охранительных целях, религиозная организация, как правило, идет на это, становясь частью иерархической пирамиды социального доминирования (и оправдывая такой status quo). Такая ситуация провоцирует как вполне предсказуемое столкновение социалистических (коммунистических) и церковных организаций, так и именно атеистическую интерпретацию социализма (как протест против охранительной позиции церкви)²⁰.

***

Теперь вернемся к либерализму. Прежде всего, отметим, что либеральная идеология — в силу того, что переход от коллективистского мировоззрения к индивидуалистическому трактуется в ее рамках как прогресс [9; 46], — есть разрыв с моральной традицией Осевого времени.

Позицию неолиберализма в вопросе общественного прогресса можно представить следующими тезисами: интеллектуальный прогресс и его следствия (прогресс технологический и прогресс экономический) очевидны, а в моральном плане высшей ценностью был и останется инстинкт самосохранения. Соответственно, если и говорить о прогрессе человечества, то он заключается исключительно в увеличении технических (энергетических, информационных, организационных) возможностей. Таким образом, либерализм — это, в сущности, утверждение неизменности этической природы человека (которая в этой

---

¹⁹ Если мы именно в этом видим смысл религии, тогда разные религии могут мирно сосуществовать (как, например, православие и ислам в истории России), — ибо у них, в сущности, одна цель. Если же этот смысл забывается (не понимается) — главной становится форма (обряды, догматы), что приводит к конфликтному разделению, предел которого — религиозные войны.

²⁰ Конкретно в истории СССР это привело, в том числе, к гонениям на церковь в 1920-е — 30-е годы (и гонения эти достойны осуждения). В то же время, считаем нужным отметить: большевики были бы бессильны развернуть эти гонения, если бы авторитет церкви в народе не был бы разрушен еще до 1917 г. (об идеологическом крахе РПЦ начала XX века см., например: [47. С. 293—296]).

трактовке по сути не отличается от животного — ее основой является инстинкт самосохранения); это «внутреннее животное» можно частично обуздать внешним контролем, но невозможно изменить²¹.

Социализм, напротив, предполагает переход на новый этический уровень, то есть переход от построения социума на основе принципа иерархического доминирования (конкуренции) к социуму на основе кооперации (альтруизма). Но, в сущности, это та же цель, что и у мировых религий: преобразование этической природы человека из эгоистической в альтруистическую.

Кто-то скажет: социализм — это утопия? Возможно ли преобразование животного-эгоистической природы человека? Здесь мы заметим следующее:

а) такое уже происходило (мы имеем в виду потерю моральной легитимности прямого физического насилия при переходе к капитализму);

б) никакого другого выхода из мировой ловушки неравенства, в которой оказался мир в начале XXI века [36], по нашему мнению, просто нет. «Инклюзивный капитализм», курс на который в последние годы провозглашен в странах Запада как способ выйти из идеологического/экономического/экологического кризиса начала XXI в., содержит в своем определении противоречие: основные цели и принципы инклюзивного капитализма (борьба с неравенством в доходах и сокращение бедности) есть, по сути, провозглашение целью мирового развития рыночного социализма²².

В отличие от марксизма, постулирующего, что этот переход в области общественной морали должен с ростом «производительных сил»²³ произойти неизбежно, мы считаем, что прогресс в истории человечества: а) действительно есть, б) имеет два аспекта, не сводимых один к другому (и могущих идти даже в противоположных направлениях): интеллектуальный и этический [3; 5].

Почему погиб СССР. Обратимся к истории эволюции и последующей гибели СССР. Мы выделяем здесь два параллельных процесса: а) модернизационный и организационный экономический скачок²⁴; б) построение общества социальной справедливости.

Процессы эти были, конечно, связанными²⁵, но не жесткой причинно-следственной связью (где изменения в экономике выступают причиной, а изменения в социуме и общественной морали — неизбежным следствием): при успешности экономической модернизации 30 — 40-х годов [51] социальная трансформация (в первые десятилетия СССР начавшаяся достаточно успешно [50; 52]),

²¹ Современное движение трансгуманизма [48] — это проекты изменения природы тела и ума, — но не этической сущности человека.

²² Другое дело, что декларации о намерениях и реальные цели (действия) мировой элиты могут существенно различаться [49].

²³ Рост этот в конечном счете есть следствие прогресса интеллектуального. В этом отождествлении интеллектуального прогресса и прогресса социального марксизм смыкается с либерализмом.

²⁴ Переход на новый технологический уклад (электрификация) и стратегическое планирование народного хозяйства.

²⁵ См., например: [50. С. 34].

завершилась в 1991 г. крахом. Модель распада СССР как следствия якобы его экономической несостоятельности мы считаем не соответствующей фактам [16; 53]. Экономические проблемы позднего СССР были *следствием* общественной деградации, а не ее причиной. Иными словами, проблемы эти: а) сами по себе отнюдь не были фатальными; б) в существенной степени инициированы «сверху» (здесь достаточно вспомнить рукотворную инфляцию, созданную в годы «перестройки» сознательным разрушением безналичного инвестиционного денежного контура экономики СССР).

Если СССР был, пусть и неидеальным, но в целом прогрессивным обществом, возникает вопрос, почему же он распался?

С точки зрения идеологов либерализма, дело в принципиальной утопичности идеи социума на основе альтруизма: «Я бы выбрал социализм, но природа человека не допускает его...» [29. С. 74].

В ряде работ С.Г. Кара-Мурза указывает, что технологии разрушения СССР были основаны на манипуляции сознанием, и характеризует переход на антисоветские позиции значительной части интеллигенции СССР как «потерю разума» [54]. По нашему мнению, этот переход был не глупостью, а сменой ценностей²⁶.

Большинство объяснений распада СССР со стороны марксистов сводятся к поиску неких несоответствий реальной социально-экономической системы СССР идеям Маркса: попытка построения социализма была якобы преждевременной (ибо «капитализм еще не создал экономическую базу социализма») – то есть Маркс прав (ибо марксизм абсолютно верен), а реальность СССР (победившего в Великой Отечественной войне!) была «неправильной»²⁷. Камнем преткновения для такого рода объяснений на основе марксизма (и любой иной формы панэкономизма) является то, что, когда «объективных экономических предпосылок» для перехода к социализму практически не было (1930-е годы), СССР развивался темпами, которые никем и никогда не были превзойдены, а когда «материальная база коммунизма» была создана, развитие сменилось хаосом «перестройки»: «...когда объективные предпосылки движения к “царству свободы” стали значимыми, социально-творческие силы советских людей оказались исчерпанными... [в противостоянии] империализму и фашизму...» [52. С. 64–65]. Что значит эта фигура речи об «исчерпании сил»? Противостояли фашизму, осуществляли индустриализацию отцы и деды тех, чьи силы в 1970 – 80-е годы вдруг «исчерпались»²⁸.

²⁶ Тезис о «потере разума» можно частично применить к манипулируемым; но для организаторов манипулятивной кампании в СМИ это был вполне осознанный выбор.

²⁷ Зачастую это просто игра словами: «в СССР был не социализм, а "госкапитализм"» [56]; «мутантный социализм» [57], etc., - будто бы наклеивание того или иного словесного ярлыка что-то проясняет в понимании социальных процессов в СССР.

²⁸ Рассуждения, что социальная система СССР была адекватна индустриальной экономике (и особенно для подготовки к войне), но якобы перестала быть таковой для «постиндустриальной», мы считаем также не более чем игрой в слова: социальная система была адекватна

Мы согласны с тезисом из выше цитированной работы А.В. Бузгалина, что непосредственной причиной ухода СССР было, с одной стороны, угасание творческой энергии масс (победа идеалов «мещанства» над идеалами творчества), а с другой – буржуазное перерождение элиты [52. С. 56]²⁹. Иными словами, к краху СССР привел мировоззренческий переход к потребительским и индивидуалистическим ценностям, сначала интеллектуальной элиты, а затем и значительной части остального населения. Однако в чем причины этого перехода?

По нашему мнению, «исчерпание социально-творческих сил советских людей» было ни чем иным, как осознанием неадекватности официальной идеологии (то есть, марксизма). Об этом, например, прямо писал один из главных организаторов антисоветской «перестроечной» кампании в СМИ А.Н. Яковлев: «Давным-давно, более 40 лет назад, я понял, что марксизм-ленинизм – это не наука, а публицистика ... все эти теории и планы – бред... все были циники. Все до одного, и я – в том числе. Прилюдно молились лжекумирам, ритуал был святостью, истинные убеждения – держали при себе.» [58. С. 25–26].

Мы переформулируем это утверждение: марксизм не наука, а идеология, причем идеология с внутренне противоречивой антропологической моделью. Также важно отметить, что марксизм не был «научной базой» построения в СССР социально-экономической системы планирования, – хотя бы уже потому, что планы построения социализма в работах Маркса попросту отсутствуют³⁰. Формально-схоластические попытки найти в работах Маркса ответы на вопросы типа «сущности стоимости при социализме» были в лучшем случае бессмысленными, а зачастую приводили к появлению неадекватных целевых показателей (типа валового объема производства) [59]. Наконец, многие, откровенно разрушительные решения в социально-экономической сфере в 1950 – 60-е годы (ликвидация артелей, резкое сокращение крестьянских подсобных хозяйств, курс на уравниловку в оплате труда, др. – см. [51]) принимались на основе догматов марксизма (или прикрывались таковыми).

А теперь вернемся к официальной идеологии СССР. Идея первичности экономических отношений («материалистическое понимание истории») привела в конечном счете к целевому дрейфу: от *создания нового человека* – к максимальному *удовлетворению потребностей* человека³¹.

для организации научно-технического творчества в рамках электрификации, атомного и космического проектов, проектировании передовой техники, но стала вдруг неадекватна для организации программирования и выпуска компьютеров? А в чем, собственно, принципиальная разница? Создание атомного реактора проще, чем разработка нового сорта стирального порошка?

Все такого рода рассуждения, по нашему мнению, это попытка «объяснить» то, что принципиально необъяснимо в рамках как либерального, так и марксистского мировоззрения.

²⁹ В своих работах А.В. Бузгалин ищет первопричины данного мировоззренческого перелома в области «экономического базиса». На наш взгляд, такой поиск обречен на неудачу (уже в силу принципа Юма).

³⁰ О том, что система планирования экономики была построена не по каким-то марксистским схемам, а в значительной степени эмпирически, см. [51].

³¹ Это было зафиксировано на XXII съезде КПСС в новой Программе партии, по существу определившей коммунизм как общество безграничного потребления: «...каждому по потребностям» [62].

О том, что воинствующий атеизм марксизма и акцент на сугубо экономические методы решения экзистенциальных проблем человеческого существования закладывают под идею социализма мину замедленного действия, еще в начале XX в. предупреждал ряд мыслителей [61–62]. По нашему мнению, эти предупреждения реализовались в феномене распада СССР.

Заключение. Основной вывод нашего исследования таков: главная причина распада СССР – не в области экономики, а в системных недостатках марксизма как идеологии (прежде всего – неадекватной антропологической модели).

Причина огромного исторического успеха марксизма – в удовлетворении *идеологического* запроса на учение, отрицающее капитализм. Также в XIX – начале XX в. были сильны сформированные позитивизмом иллюзии, что возможно полностью научное мировоззрение. Этот двойной запрос и был удовлетворен марксизмом.

Для воодушевления на борьбу и разрушение капиталистических структур уверенности в «научности» (то есть истинности) марксизма было, действительно, достаточно. А при строительстве нового общества системные ошибки идеологии оказались фатальными.

Какая часть марксизма может претендовать на научность? Как уже отмечалось выше, исторический материализм – это историко-философская гипотеза. Остается, собственно, экономическая теория марксизма. Здесь мы отметим:

а) учение о прибавочной стоимости (ключевое в критике капитализма) можно представить как идеологизированную форму (частный случай) теории несовершенной конкуренции (см. об этом: [3. С. 18–19];

б) попытки в 1940 – 1950-е годы построить на базе марксизма экономическую теорию социалистической экономики в форме учебника «Политэкономия социализма» (1954) оказались неудачными [51. С. 199–205]³². Поэтому требуется не возврат от западного «Экономикс» (также крайне идеологизированного [65]), к некоей истине «Капитала», а создание новой экономической теории.

Как такая теория может выглядеть, мы изложили в работах [1–2; 15; 66–67].

Литература

1. *Егоров Д.Г., Егорова А.В.* О построении неравновесной микротeorии // Общество и экономика. 2020. № 2. С. 18–33. DOI: 10.31857/S020736760008341-4.
2. *Егоров Д.Г.* О нормативности мейнстрима (как может выглядеть позитивная экономическая теория) // Общество и экономика. 2022. № 9. С. 5–18. DOI: 10.31857/S020736760021858-2.
3. *Егоров Д.Г.* О причинах социальной эксплуатации и перспективах ее исчезновения // Общественные науки и современность. 2022. № 4. С. 16–32. DOI: 10.31857/S0869049922.040025

³² Заметим, что вышеизложенное – не претензия к Марксу (который сам себя считал в первую очередь революционером, а наука для него была средством реализации целей социальной трансформации): не его вина, что горе-обществоведы СССР, вместо осмысления новой социальной реальности превратили «Капитал» в суррогатную Библию.

4. *Егоров Д.Г.* Мораль и религия в контексте реляционной парадигмы: следствия для социальной идеологии // *Метафизика*. 2023. № 2. С. 127–141. DOI: 10.22363/2224-7580-2023-2-127-141.
5. *Егоров Д.Г.* Модель человека как ключ к пониманию идеологии (о немарксистской альтернативе либерализму) // *Общественные науки и современность*. 2023. № 3. С. 23–38. DOI: 10.31857/S0869049923030024.
6. *Давыдов Д.А.* Марксизм в Стране чудес. Размышляя над книгой Энди Мерифилда «Магический марксизм» // *Свободная Мысль*. 2021. № 6. С. 184–194.
7. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 2004. 944 с.
8. *Ликетти Т.* Капитал и идеология: глобальный взгляд на режимы неравенства // *Социологические исследования*. 2021. № 8. С. 140–153. DOI: 10.31857/S013216250015273-3.
9. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. М.: Феникс, 1992. 528 с.
10. *Розов Н.С.* Идеи и ошибки марксизма в свете исторической макроэкологии // *Идеи и идеалы*. 2018. № 4. Т. 2. С. 42–60. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4-2-42-60.
11. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // *Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 1.* М.: Мысль. 1996. С. 53–655.
12. *Einstein A.* Why Socialism? Monthly Review. URL: <https://monthlyreview.org/2009/05/01/why-socialism>.
13. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего. 2006. 248 с.
14. *Крауч К.* Странная не-смерть неолиберализма. М.: Дело. 2012. 272 с.
15. *Егоров Д.Г.* Сколько парадигм в экономической теории, и может ли она стать наукой с одной парадигмой // *Общественные науки и современность*. 2021. № 5. С. 129–142. DOI: 10.31857/S086904990017287-7.
16. *Кара-Мурза С.Г., Глазьев С.Ю., Батчиков С.Л.* Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001. М.: Алгоритм. 2002. 366 с.
17. *Гусейнов А.А.* Мораль и разум // *Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления*. СПб.: РХГИ. 1999. С. 245–262.
18. *Назаретян А.П.* Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. М.: Наследие. 1996. 184 с.
19. *Льюй Ц.* Политические мысли Конфуция в книге «Лунь Юе» // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021. № 12. Ч. 4. С. 9–13. DOI: 10.23670/IRJ.2021.114.12.117.
20. *Кант И.* Критика практического разума // *Кант И. Сочинения в 8 томах.* М.: Чоро. 1994. Т. 4. С. 374–565.
21. *Максимов Л.В.* «Гильотина Юма»: pro et contra // *Этическая мысль*. Вып. 12. М.: ИФ РАН. 2012. С. 124–142.
22. *Пуанкаре А.* О науке. М.: Наука. 1990. 740 с.
23. *Герасимов И.* Социализм и «природа человека»: убить в себе Зверя. URL: <https://newsland.com/post/927515-igor-gerasimovsotsializm-i-priroda-chelovekaubit-v-sebe-zveria>.
24. *Гусейнов А.А.* Понятие веры, Бога и ненасилия в учении Л.Н. Толстого // *Разум и экзистенция*. СПб.: РХГИ. 1999. С. 312–326.
25. *Харрис С.* Моральный ландшафт. Как наука может формировать ценности людей. М.: Карьера Пресс. 2015. 336 с.
26. *Хайтун С.Д.* Постиндустриальная нравственная революция и ее экономическая (кейнсианская) первооснова // *Вопросы философии*. 2011. № 3. С. 24–35.
27. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Рипол-Классик. 2017. 732 с.
28. *Беккер Г.С.* Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ ВШЭ. 2003. 671 с.
29. *Амосов Н.М.* Мое мировоззрение // *Вопросы философии*. 1992. № 6. С. 50–74.

30. *Лебон Г.* Психология социализма. М.; Челябинск : Социум. 2019. 476 с.
31. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс. 1984. 368 с.
32. *Асп А., Кварц С.* Круто! Как подсознательное стремление выделиться правит экономикой и формирует облик нашего мира. [б.м.]: Альпина Диджитал. 2015. 230 с.
33. *Протопопов А.* Трактат о любви. М.: АСТ. 2020. 256 с.
34. *Стукало А., Авдеева Т.* Глобализация мировой экономики // Международная жизнь. 2000. № 5. С. 49–56.
35. *Симомян Р.Х.* Кризис либерально-рыночной модели глобализации // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 16–25.
36. The Inequality Virus. URL: <https://oxfamilibrary.openrepository.com/bitstream/handle/10546/621149/bp-the-inequality-virus-250121-en.pdf>.
37. *Кара–Мурза С.Г.* Матрица «Россия». М.: Эксмо. 2010. 320 с.
38. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 1–338.
39. *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. М.: ПЕР СЭ. 2001. 239 с.
40. *Джонсон Х.* Христиане и коммунизм. М.: ИЛ. 1957. 155 с.
41. *Кант И.* Критика способности суждения / Кант И. Сочинения в 8 томах. М.: Чоро. 1994. Т. 5. 414 с.
42. *Льюис К.С.* Просто христианство. М.: ХНАЦ. 2011. 184 с.
43. *Ганди М.К.* Моя жизнь. М. : Изд. вост. лит. 1959. 444 с.
44. *Беккер В.* Религия и мораль / Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб.: РХГИ. 1999. С. 263–281.
45. *Леонтьев К.Н.* О всемирной любви. URL: [https:// bookscafe.net/author/leontev_k-10783.html](https://bookscafe.net/author/leontev_k-10783.html).
46. *Рэнд А.* Капитализм: Незнакомый идеал. М.: Альпина Паблишерз. 2011. 422 с.
47. *Галин В.* Движущие силы истории. М.: Алгоритм. 2016. 368 с.
48. Введение в трансгуманизм / Российское трансгуманистическое движение. URL <http://transhumanism-russia.ru/content/view/70/94>.
49. *Альпидовская М.Л.* Скрытые перспективы цифровизации: иллюзия восприятия процессов // Теоретическая экономика. 2022. № 6. С. 97–108. URL: <http://www.theoretica-leconomy.ru>
50. Советское энергетическое воображение: электричество, атом, нефть. Санкт-Петербург: Астерион. 2022. 320 с.
51. *Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О.* Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М.: Наше завтра. 2021. 360 с.
52. Формирование институтов социально-экономической модернизации СССР: уроки для России. М.; Санкт-Петербург : Политехника сервис. 2022. 246 с.
53. *Кара–Мурза С.Г.* Народное хозяйство СССР. М.: Алгоритм. 2012. 480 с.
54. *Кара–Мурза С.Г.* Потерянный разум. М.: Родина. 2019. 672 с.
55. Комментарии Иоанна Златоуста – 1 послание Коринфянам. URL: <https://bible.by/zlatoust/53/11/>.
56. *Воейков М.И.* Дискуссионные вопросы природы СССР // Альтернативы. 1996. № 2. С. 192–199.
57. *Бузгалин А.В.* Почему СССР не хочет становиться прошлым? (загадка "мутантного социализма") // Философские науки. 2012. № 1. С. 33–46.

58. *Яковлев А.Н.* Большевизм – социальная болезнь XX века. Предисловие / Куртуа С., Верт Н., Панне Ж-Л., Пачковский А., Бартосек К., Марголин Дж-Л. Чёрная книга коммунизма. М.: «Три века истории». 2001. 864 с.
59. *Валовой Д.В.* Экономика: взгляды разных лет. М.: Наука. 1989. 453 с.
60. *Булгаков С.Н.* Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991. 350 с.
61. *Бердяев Н.* Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Сварог и К. 1997. 415 с.
62. Программа Коммунистической партии Советского Союза. 1961 г. URL: <http://музейреформ.рф/node/13891>.
63. *Поппер К.* Объективное знание. М.: Эдиториал УРСС. 2002. 384 с.
64. *Ликетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 2015. 592 с.
65. *Егоров Д.Г.* О современной глобализации, идеологичности экономического мейнстрима и о его возможной теоретической альтернативе // Общество и экономика. 2022. № 4. С. 49–63. DOI: 10.31857/S020736760019572-8.
66. *Егоров Д.Г., Егорова А.В.* О единстве экономической теории. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений. 2019. 214 с.
67. *Егоров Д.Г.* Стоимость в экономической теории – категория излишняя или необходимая? // Общество и экономика. 2020. № 6. С. 25–40. DOI: 10.31857/S020736760010113-3.

Dmitriy Egorov (e-mail: de-888@ya.ru)

Grand Ph.D. in Philosophy,

St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pskov branch) (Pskov, Russian Federation)

WHY THE USSR COLLAPSED (ON THE VALUE FOUNDATIONS OF IDEOLOGIES)

The author presumes that the choice of “capitalism” or “socialism” is, first of all, a value choice, and not a choice arising from a comparison of the benefits of the “economic plan” and the “policy of non-intervention.” The article is devoted to finding the reasons for such a choice of value.

A special, but very important part of the problem under consideration is the search for an answer to the question: why did the USSR collapse? The author argues that the idea of the economic insolvency of the USSR does not correspond to reality. It is concluded that the collapse of the USSR was predetermined by the ideological transition to consumer and individualistic values.

Keywords: ideology, liberalism, Marxism, morality, Hume's principle, socialism

DOI: 10.31857/S020736760029181-8

© 2023

Кирилл Янков

кандидат экономических наук, заведующий лабораторией
Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: kyankov@ecfor.ru)

ОЦЕНКА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ УДАЛЕННО ЗАНЯТЫХ РАБОТНИКОВ ПО ДАННЫМ О КОВОРКИНГАХ

В работе исследуется информация о количестве коворкингов в различных городах России как косвенный показатель относительной концентрации удаленно занятых работников, которые используют специально организованные места для работы как на постоянной основе, так и в качестве временного офиса, в т. ч. во время командировок или отдыха. Полученные результаты отражают существующие в настоящее время тенденции географического распространения удаленной занятости и подчеркивают необходимость дальнейшего изучения этого вопроса.

Ключевые слова: коворкинг; удаленные работники; дистанционные работники; удаленно занятые; территориальное распространение удаленной занятости.

DOI: 10.31857/S020736760029183-0

В последние годы, особенно в пандемию COVID-19, значительное распространение в мире приобрела удалённая (дистанционная) занятость, или удалённая (дистанционная) работа. Хотя такой вид занятости существовал исстари (надомная работа), рост её распространённости обусловлен современными телекоммуникационными технологиями, использованием сети «Интернет». При этом общепринятого определения этого феномена нет, хотя он является объектом исследования как в экономической, так и в юридической науке. В работе [1] подробно рассмотрены различные определения и предложено считать базовым то, которое содержится в федеральном законе: «выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей связи общего пользования»¹.

---

¹ Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях».

Исследование удалённой занятости в нашей стране сдерживается фактическим отсутствием статистического наблюдения за этим явлением. Так, в годовом выборочном обследовании рабочей силы за 2021 г. (в квартальных обследованиях этих данных нет) из 66,9 млн работающих по найму таких выявлено только 34 тыс. (0,05%)². В соответствующем обследовании за 2019 год из 67,1 млн работающих по найму таких было выявлено только 30 тыс. (менее 0,05%)³.

Очевидно, что эти данные не отражают реальной распространённости удалённой занятости, особенно в постковидное время. Так, в сентябре 2021 г. министр труда А. Котьяков оценил количество удаленно работающих в 2,8–3 млн человек⁴, что на два порядка больше данных Росстата.

Что касается информации о расселении (местонахождении) удаленно занятых, то здесь нет даже приблизительных оценок. Между тем такая информация представляет не только научный интерес: она значима как для стратегического планирования развития территорий, так и для текущего планирования местных бюджетов, социальной инфраструктуры и пр.

Важным является и такое обстоятельство, как возможность выбора удаленно занятыми работниками места проживания, безотносительно географического места работы (дислокации) работодателя. Конечно, этой возможностью не пользуются все удаленные работники (здесь и далее термины «удаленный работник» и «дистанционный работник» используются как синонимы): для многих важна привязанность к родным местам, наличие родственников и социальных связей, очная работа членов семьи. Однако данные о территориальной концентрации даже применительно к части «удаленщиков» дают более объективную, чем рейтинговое, оценку комфортности для жизни тех или иных городов и регионов страны.

В настоящей статье в качестве информации, позволяющей приблизительно оценить территориальное распространение удаленной занятости, использованы данные о коворкинг-центрах или коворкингах – пространствах для работы, используемых в значительной мере именно удаленно занятыми работниками. М. Полтавская определяет коворкинг как «модель работы, в которой участники, оставаясь независимыми и свободными, используют общее пространство для своей деятельности. Как схема организации рабочих мест, коворкинг представляет собой совместный офис, где параллельно работают фрилансеры и

² Федеральная служба государственной статистики. Выпуск «Обследование рабочей силы 2021», таб. 3.9 «Работающие по найму в возрасте 15 лет и старше по фактическому количеству рабочих часов в неделю на основной работе и видам трудового договора». Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 24.09.2023).

³ Федеральная служба государственной статистики. Выпуск «Обследование рабочей силы 2019», таб. 3.9 «Работающие по найму в возрасте 15 лет и старше по фактическому количеству рабочих часов в неделю на основной работе и видам трудового договора». Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 23.09.2023).

⁴ А. Котьяков: «Три миллиона человек продолжают работать дистанционно». Специальный проект «Российской газеты» «Восточный экономический форум-2021», URL: <https://rg.ru/2021/09/02/kotjakov-tri-milliona-chelovek-prodolzhaiut-rabotat-distancionno.html> (дата обращения: 26.09.2023).

проектные команды» [2], а Э. Круг — как «пространство, где специалист из любой области имеет возможность заниматься своей профессиональной деятельностью в каком угодно месте в пределах рабочей зоны» [3]. «Коворкинг отличается от обычного офисного рабочего пространства, потому что люди в его среде обычно не работают в одной и той же компании» [4]. Отмечается также, что «коворкинги из относительно экзотического формата современных рабочих пространств последние годы стали стремительно превращаться в основной прототип рабочих пространств ближайшего будущего» [5].

Сеть коворкингов в мире развивается, как минимум, с 2005 года, а первый коворкинг в России появился в 2008 году, когда Алексей Глазков, ныне идеолог российского коворкинг-движения, открыл проект «Башня» в Екатеринбурге [6]. За рубежом коворкинги исследуются достаточно давно, так, существует специализированный онлайн-журнал «Deskmag Magazine»⁵.

Создание и эксплуатация коворкингов осуществляются, как правило, частным бизнесом. Исключений из этого очень немного (так, в рамках правительственной программы госучреждением «Малый бизнес Москвы» открыты коворкинги в Северном, Южном, Восточном и Троицком административных округах столицы [7]); коворкинги не являются объектом городского планирования, не предусмотрены какими-либо градостроительными нормативами или нормативно-правовыми актами. Следовательно, количество коворкингов зависит от спроса на их услуги.

Практически во всех отечественных и зарубежных публикациях, в которых речь заходит о клиентах (участниках) коворкингов, упоминаются удалённые работники и фрилансеры (которые состоят со своими работодателями не в трудовых, а в гражданско-правовых отношениях, также, по сути, чаще всего являются дистанционными работниками). «К числу участников [коворкингов] относятся, как правило, небольшие компании, удаленные сотрудники, проектные группы, начинающие предприниматели и фрилансеры» [8]. «Деятельность коворкинг-центров направлена на следующую аудиторию: фрилансеры, удаленные работники, переводчики, а также люди разных творческих профессий — дизайнеры, художники, фотографы, писатели и другие» [3]. «Коворкинг-пространства, как правило, заполнены более разнообразным набором участников, включая стартапы (разного качества), малый бизнес, фрилансеров и удаленных работников из крупных корпораций» [9]. В России исследований структуры клиентской базы коворкингов пока не проводилось, однако в зарубежных источниках отмечается, что «почти половина клиентов работала дома (45%), пока не переключилась на коворкинги» («Almost half of all members worked in a home office (45%) before switching to a coworking space»⁶).

⁵ Официальный сайт электронного журнала «Deskmag Magazine». URL: <http://www.desk-mag.com>. Режим доступа: (дата обращения: 25.09.2023).

⁶ The Members: How, When & Why Do They Work in Coworking Spaces? Электронный журнал «Deskmag Magazine». URL: <https://www.desk-mag.com/en/coworkers/coworking-space-members-how-when-why-are-people-working-in-coworking-spaces-statistics-market-report> (дата обращения: 25.09.2023).

Географическое распространение коворкингов также является объектом отдельных исследований. Опубликованы интересные работы по отдельным странам, например, коллектива итальянских авторов в отношении Италии [10] и А. Шерстневой в отношении Таиланда [11]. Однако применительно к России публикаций о подобных исследованиях пока нет.

Представляется обоснованной рабочая гипотеза: количество коворкингов в городах находится в тесной связи с количеством удалённо занятых, проживающих и работающих в этих городах. Хотя данных о количестве коворкингов недостаточно для оценки абсолютного количества удалённо занятых, однако оценить с их помощью относительное количество или степень концентрации удалённо занятых работников в том или ином городе можно. В качестве показателя такой оценки (показатель концентрации коворкингов) для каждого города принята численность населения, приходящаяся на один коворкинг. Значение показателя характеризует уровень концентрации коворкингов: чем оно ниже, тем выше уровень концентрации.

Статистические данные о количестве коворкингов отсутствуют, однако оно может быть оценено с помощью специализированных интернет-ресурсов. Такими специализированными ресурсами являются «агрегаторы коворкингов». В сентябре 2023 г. действующими являлись ресурс <https://ocowork.ru>, на котором представлены 1272 российских коворкинга (рис. 1), и <https://www.kovorkingi.ru/>, на котором представлены 588 коворкингов (рис. 2). Упомянутый в научной литературе [12] ресурс <https://coworking-guide.ru> в настоящее время недоступен.

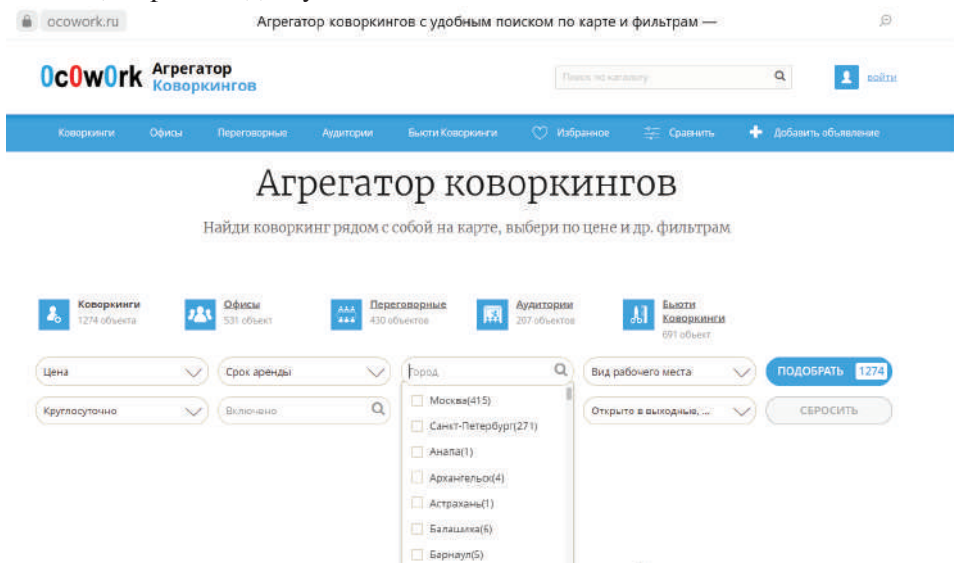
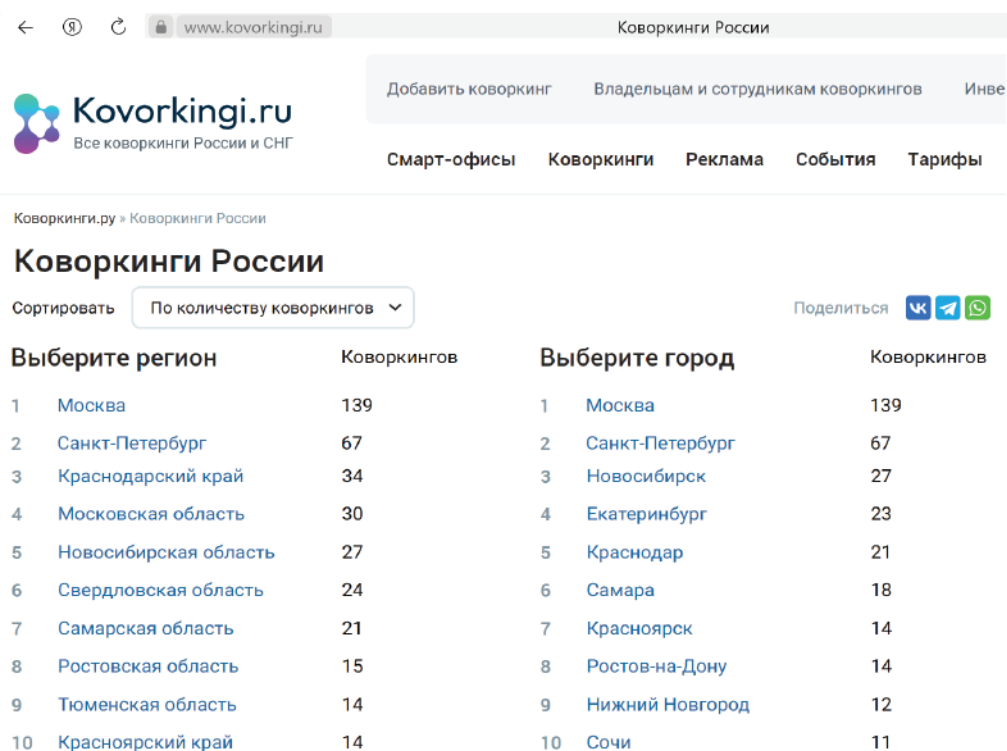

Рис. 1. Агрегатор коворкингов «OcOwOrk.ru».

Источник: URL: <https://ocowork.ru/>.

Рис. 2. Агрегатор коворкингов «Коворкинги.ру».

Источник: URL: <https://www.kovorkingi.ru/kovorking>.

Анализ территориального распределения коворкингов был проведен по первым двум интернет-ресурсам. В задачу настоящего исследования не входит изучение причин расхождений между ними, которые, вероятнее всего, связаны с коммерческой политикой владельцев как интернет-ресурсов, так и самих коворкингов. Однако наличие расхождений не препятствует выявлению основных тенденций. При расхождении в количестве коворкингов по данным разных интернет-ресурсов для каждого города выбиралось наибольшее значение.

В расчёте показателя концентрации коворкингов не учитывались:

- города, в которых ни один из двух рассмотренных интернет-ресурсов не показывал наличия более двух коворкингов;

- отдельные города среднего размера, расположенные за пределами Московской агломерации и Южного федерального округа, с труднообъяснимо высоким уровнем концентрации коворкингов (Великие Луки, Касимов, Энгельс), данные о коворкингах в этих городах нуждаются в перепроверке;

- поселки и сельские населённые пункты (Томилино, Сапроново, Федяково), входящие в Московскую либо Нижегородскую агломерации.

Сводный расчёт показателя концентрации коворкингов представлен в табл. 1.

Таблица 1

Сводный расчёт показателя концентрации коворкингов

Город	Население города на 1.1.2023	Количество коворкингов по данным сайта https://ocowork.ru/	Количество коворкингов по данным сайта https://www.kovorkingi.ru/	Показатель концентрации (численность населения, приходящаяся на 1 коворкинг, тыс. человек)
Москва	13104177	415	140	31,6
Санкт-Петербург	5600044	269	67	20,8
Архангельск	298617	4	2	74,7
Балашиха	526851	6	0	87,8
Барнаул	623057	5	1	124,6
Белгород	333931	5	2	66,8
Благовещенск	240572	3	0	80,2
Владивосток	597237	9	4	66,4
Волгоград	1025662	4	2	256,4
Воронеж	1051995	6	2	175,3
Екатеринбург	1539371	26	24	59,2
Зеленоград	262505	8	1	32,8
Иваново	360687	2	4	90,2
Ижевск	620591	7	6	88,7
Иркутск	611215	6	5	101,9
Казань	1314685	28	14	47,0
Калининград	489735	25	6	19,6
Калуга	333954	3	2	111,3
Кемерово	549362	2	3	183,1
Киров	471754	3	1	157,3
Клин	88525	2	4	44,3
Королёв	227909	6	0	38,0
Кострома	265965	3	1	88,7
Красногорск	188850	5	0	37,8
Краснодар	1121291	51	21	22,0
Красноярск	1196913	5	14	85,5

Липецк	490428	0	3	163,5
Лобня	81968	4	2	20,5
Магнито-горск	409255	4	2	102,3
Махачкала	622660	3	2	207,6
Мурманск	267422	3	0	89,1
Мытищи	266436	3	0	88,8
Набережные Челны	545750	2	3	181,9
Назрань	124086	5	1	24,8
Нижний Новгород	1213477	19	12	63,9
Новокузнецк	533565	0	4	133,4
Новосибирск	1635338	27	28	58,4
Новороссийск	261626	6	2	43,6
Одинцово	186172	5	0	37,2
Омск	1110836	2	3	370,3
Орёл	296633	4	1	74,2
Оренбург	539236	0	3	179,7
Пенза	492376	6	3	82,1
Пермь	1027153	10	8	102,7
Пятигорск	144955	5	2	29,0
Реутов	113140	14	3	8,1
Ростов-на-Дону	1135968	25	14	45,4
Рязань	523203	4	5	104,6
Самара	1163645	18	18	64,6
Саратов	891898	4	5	178,4
Севастополь	558273	10	5	55,8
Симферополь	337730	0	5	67,5
Солнечногорск	48479	4	1	12,1
Сочи	228599	20	11	11,4
Таганрог	242327	4	1	60,6
Тольятти	674630	3	3	224,9
Томск	561504	2	4	140,4
Тюмень	855618	8	10	85,6
Улан-Удэ	436138	3	1	145,4
Уфа	1157994	33	8	35,1

Фрязино	59606	4	0	14,9
Хабаровск	617168	8	9	68,6
Химки	257006	18	3	14,3
Челябинск	1182517	15	9	78,8
Щёлково	135509	4	0	33,9
Электро- сталь	143182	4	1	35,8
Якутск	361154	0	3	120,4

Источник: Росстат, расчеты автора.

Рис. 3. Сводный расчёт показателя концентрации коворкингов.

Источник: Росстат, расчеты автора.

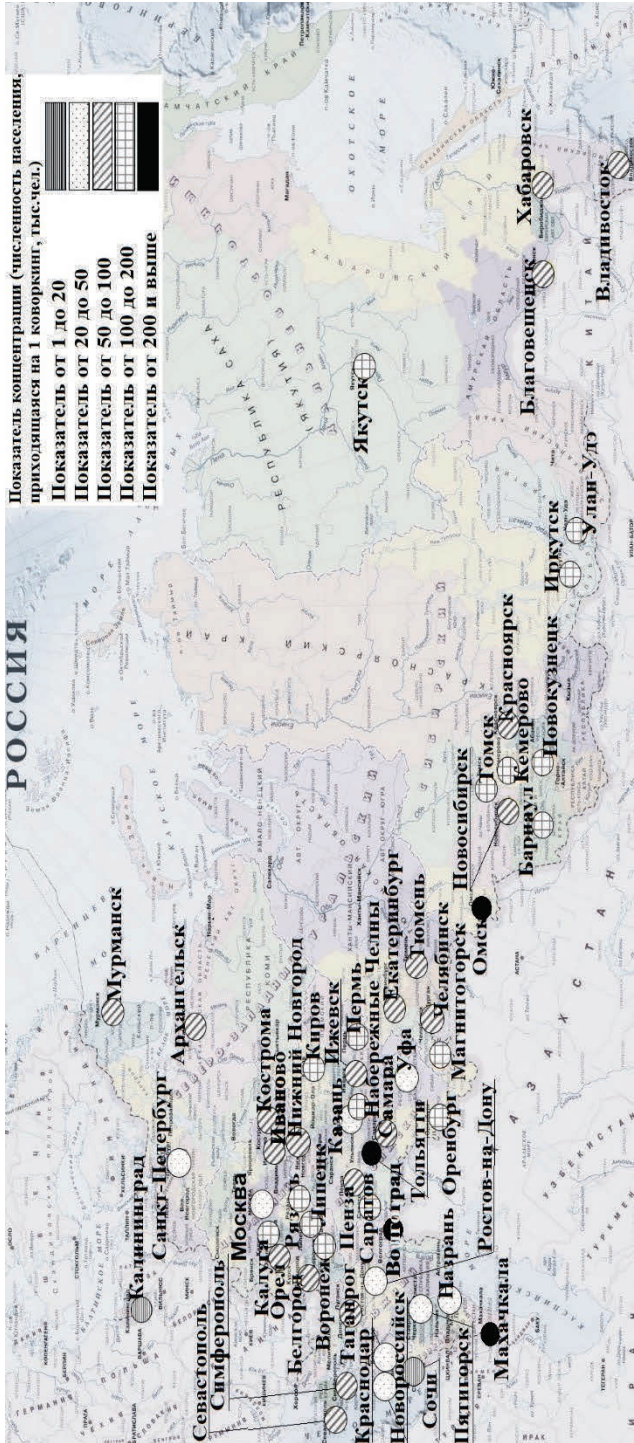

Рис. 5. Показатель концентрации коворкингов по стране.

Источник: Росстат, расчеты автора.

Объяснить это можно следующим образом. Для данного «пояса» городов характерна «однодневная» доступность Москвы (есть возможность поездки с деловыми целями и возвращения в течение дня, без ночёвки, в обоих направлениях). Следствием этого является, во-первых, проживание в городах «пояса» работников, удалённо занятых в Москве лишь частично и посещающих своего работодателя 1–2 раза в неделю (следовательно, меньше нуждающихся в коворкингах, чем полностью удалённо занятые). Во-вторых, в эти города выведено из Москвы много удалённых подразделений столичных компаний, требующих рабочих рук [13]; в городах, расположенных дальше, таких подразделений значительно меньше. В-третьих, вероятно также, что в указанном «поясе» расположено значительное количество офисов компаний, для которых важна однодневная доступность до Москвы, но размещение в Москве представляется чрезмерно затратным. Две последние категории компаний предоставляют в городах «пояса» значительное количество традиционных рабочих мест, создающих конкуренцию полностью удалённой работе, что, соответственно, влияет на количество удалённо занятых в меньшую сторону.

На расстояниях от 280–300 до 400 км от Москвы концентрация коворкингов, напротив, выше: Иваново (90,2), Кострома (88,7), Орёл (74,2). Однако за пределами 400-километровой зоны от Москвы она вновь снижается: Воронеж (175,3), Липецк (163,5). Ни Тамбов, ни Курск, ни Брянск, ни Смоленск в расчёт не вошли (в каждом из этих городов не более двух коворкингов), а исключением является Белгород (66,8) – город с самым тёплым в Центральном федеральном округе климатом.

В *Северо-Западном* федеральном округе по концентрации коворкингов лидируют Калининград (19,6) и Санкт-Петербург (20,8); в других городах, представленных в расчёте, значение показателя находится в диапазоне 70–90 (Архангельск – 74,7; Мурманск – 89,1).

В *Уральском и Сибирском федеральных округах* максимальная концентрация удалённо занятых работников наблюдается в административном центре каждого округа, соответственно Екатеринбург (59,2) и Новосибирске (58,4). Для городов Уральского округа выявилась четкая зависимость: чем меньше население города, тем ниже в нём концентрация коворкингов (Магнитогорск – 102,3; Тюмень – 85,6; Челябинск – 78,8).

В Сибирском округе подобной зависимости нет: из двух (помимо Новосибирска) городов-«миллионников» Красноярск (85,5) занимает второе место, однако Омск (370,3) попал в аутсайдеры. Значение показателя для остальных городов лежит в диапазоне 100–190: Барнаул (124,6), Иркутск (101,9), Кемерово (183,1), Новокузнецк (133,4), Томск (140,4). Если пониженная концентрация дистанционных работников в традиционно промышленных городах (Кемерово, Новокузнецк) понятна, то невысокий уровень обеспеченности

коворкингами Томска, известного как вузовский и научный центр, не поддается простому объяснению.

В *Приволжском* федеральном округе лидером по концентрации удалённых работников являются не его центр – Нижний Новгород (63,9), а другие города-«миллионники»: Уфа (35,1), Казань (47,0), Самара (64,6). Отстаёт только Пермь (102,7), которую опередили Пенза (82,1) и Ижевск (88,7).

В *Дальневосточном* федеральном округе удалённые работники примерно в равной мере сконцентрированы в Хабаровске (68,6) и Владивостоке (66,4), немного уступает им Благовещенск (80,2). Относительно высокий уровень концентрации (выше, чем во всех городах Сибири, исключая Новосибирск) можно объяснить 7-часовой разницей во времени с европейской частью: для ускорения производственного процесса часто требуются работники, которые выполнят свою часть работы ночью, и к началу следующего рабочего дня в Москве или Санкт-Петербурге выдадут результаты (контрциклически-занятые)⁷.

В *Южном* федеральном округе концентрация дистанционных работников выше, чем в других, лидером тут выступает Сочи (11,0). Немного отстаёт Краснодар (22,0), а Ростов-на-Дону (45,4) опережает остальные центры федеральных округов, кроме Москвы и Санкт-Петербурга. Остальные представленные в расчёте приморские либо расположенные недалеко от моря города (Симферополь, Севастополь, Новороссийск, Таганрог) имеют значение показателя в диапазоне 40–70. А вот в городах, расположенных вдали от моря (Волгоград – 256,4), концентрация удалённых работников существенно ниже. Тяготение коворкингов к тёплому климату является и общемировым трендом: «исходя из зарубежного опыта, регионом, насчитывающим наибольшее количество коворкинг-пространств, являются Индия, Азия и Океания» [3]. Можно, однако, предположить, что в южных, особенно приморских, городах коворкингами пользуются не только те удалённые работники, которые поселились там постоянно, но и прибывшие на более или менее продолжительный отдых.

Своеобразная ситуация сложилась в *Северо-Кавказском* федеральном округе. Лидерами являются Назрань (24,8) и Пятигорск (29,0), а следующая за ними Махачкала (207,6) имеет с этими двумя городами огромный разрыв. Можно предположить, что лидерство Назрани связано с тем, что Республика Ингушетия имеет самый высокий в стране уровень безработицы⁸, однако выявление характера такой связи требует дополнительного исследования. Высокий уровень концентрации коворкингов в Пятигорске объясняется скорее всего курортным характером этого города.

⁷ Янков К.В. О потенциальном влиянии роста удаленной занятости на развитие Азиатской части России. IV-ая Всероссийская научно-практическая конференция «Анализ и прогнозирование развития экономики России» ИНП РАН и ИЭОПП СО РАН, 24–26 марта 2022 г. URL: <https://ecfor.ru/publication/udalennaya-zanyatost-i-prostranstvennoe-razvitiye/> (дата обращения: 24.09.2023).

⁸ Рейтинг российских регионов по уровню безработицы. Информационное агентство «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20230227/bezrobotitsa-1853624257.html> (дата обращения: 25.09.2023.)

Общие выводы. Концентрация коворкингов (и опосредованно – удалённо занятых работников) выше в наиболее крупных городах-«миллионниках», а также в Московской агломерации, в приморских субъектах Южного федерального округа, в Калининграде и Пятигорске. Это позволяет сделать выводы о важнейших факторах концентрации коворкингов (и опосредованно – удалённо занятых работников):

- размер агломерации;
- более благоприятные климатические условия, а также статус курорта.

Менее значимым фактором концентрации выступает расположение города на Дальнем Востоке, где повышен спрос на контрциклически-занятых удалённых работников.

Среди «миллионников» концентрация ниже средней наблюдается в Воронеже, Волгограде и особенно в Омске. В отношении Омска это может объясняться тем, что он – единственный город-«миллионник», не являющийся «центром притяжения» ни для одного соседнего региона: расположенный восточнее Новосибирск и расположенная западнее Тюмень сами являются значительными центрами притяжения (Тюмень, в том числе, в силу статуса центра более ресурсного региона, чем Омская область, и ориентации на Екатеринбург).

Среди других городов более высокая концентрация коворкингов наблюдается в наукоградах, а более низкая характерна для традиционно промышленных городов – таких как Липецк, Тольятти, Набережные Челны, Кемерово и др. Это соотносится с данными о том, что удалённая занятость более характерна для профессий умственного, а не физического труда (например, согласно ВЦИОМ (май 2022 г.), удалённо занятый в основном «занят в сфере ИТ (36%), СМИ (35%) или финансовой и страховой деятельности (23%)»⁹.

Продолжение исследований территориального распределения удалённо занятых по городам нашей страны позволит учитывать этот слой трудящихся, практически «невидимый» ни статистикой, ни органами власти, как в стратегическом планировании, так и в планировании бюджетов, городской и социальной инфраструктуры.

Литература

1. Янков К.В. Подходы к измерению и прогнозированию удаленной занятости // Проблемы прогнозирования. 2021. № 4 (187). С. 89–99.
2. Полтавская М.Б. Институционализация новых форм социального взаимодействия: пространство коворкинга // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 3 (23). С. 107–115.
3. Круг Э.А. Коворкинг как инновационное направление по организации труда // Вестник МГПУ. Серия: экономика. 2021. № 3(29). С. 72–83.
4. Шалаева И.А. Развитие коворкинг в современных условиях // Вестник научной мысли. 2022. № 1. С. 33–37.

⁹ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odin-iz-doma-udalenka-v-post-pandemicheskoi-zhizni>.

5. *Иванов В.В., Убушаева Б.Г., Иванова А.В.* Подготовка исследования ключевых потребностей коворкингов в России // Муниципальная академия. 2021. № 4. С. 73–80.
6. *Реш А.С.* Коворкинг – новый гибкий формат офисных пространств // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. 2022. № 38. С. 1036–1044.
7. *Хмельницкая Н.В.* Интернет-инкубаторы как инструмент поддержки предпринимательства // В сборнике: Стратегические вызовы и тенденции социально-экономического развития регионов Сборник научных трудов по итогам проведения круглого стола. Под редакцией Радько С.Г. 2019. С. 166–170.
8. *Пирогова О.Е., Иванова М.С.* Новые тренды развития коворкингов на рынке недвижимости в условиях пандемии // Наука и бизнес: пути развития. 2020. № 12 (114). С. 221–224.
9. Howell T. Coworking spaces: An overview and research agenda. *Research Policy*. Volume 51, Issue 2, March 2022. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S004873321002390>.
10. *Mariotti I., Akhavan M., Di Matteo D.* (2021). The Geography of Coworking Spaces and the Effects on the Urban Context: Are Pole Areas Gaining?. In: Mariotti, I., Di Vita, S., Akhavan, M. (eds) *New Workplaces—Location Patterns, Urban Effects and Development Trajectories*. Research for Development. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-63443-8_10.
11. *Шерстнева А.Р.* География хабов цифрового кочевничества в Таиланде // Региональные исследования. 2022. № 4 (78). С. 49–60.
12. *Воробей Е.К.* Коворкинг в России: состояние и прогноз развития / Е.К. Воробей, К.Д. Воробей // *Sochi Journal of Economy*. 2021. Т. 15. № 4. С. 381–391.
13. *Янков К.В.* Территориальное рассредоточение рабочих мест как фактор пространственного развития экономики // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1 (166). С. 68–75.

Kirill Yankov (e-mail: kyankov@ecfor.ru)

PhD in Economics, Head of Laboratory,

The Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS) (Moscow, Russian Federation)

ASSESSMENT OF THE TERRITORIAL CONCENTRATION OF REMOTELY EMPLOYED WORKERS ACCORDING TO COWORKING DATA

The paper examines information on the number of coworking spaces in various cities of Russia as an indirect indicator of the relative concentration of remotely employed workers who use specially organized places to work both on a permanent basis and as a temporary office, including during business trips or vacations. The results obtained reflect the current trends in the geographical spread of remote employment and emphasize the need for further study of this issue.

Keywords: coworking; remote workers; teleworkers; remotely employed; territorial distribution of remote employment.

DOI: 10.31857/S020736760029183-0

© 2023

Алексей Шлихтер

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: shlihter.alexey@yandex.ru)

СРЕДНИЙ КЛАСС В США И РОССИИ: ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ, ПРОБЛЕМЫ НА РЫНКЕ ТРУДА И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

В статье подлежит оценке комплекс определяющих средний класс параметров, отличающих его от других социальных групп. Дается анализ состояния среднего класса в США и России, который может быть для нашей страны полезным, так как позволяет в полной мере оценить его разноплановую значимость, с одной стороны, и, с другой, его уязвимость ввиду санкций, структурных изменений на рынке труда, цифровизации и экспорта рабочих мест в другие страны. Рассматриваются возможности и ограничения социального лифта. Специальный раздел посвящен демонстрации сравнительных показателей между чернокожими и белыми домохозяйствами в Соединенных Штатах в плане достигнутых результатов социальной мобильности, имея в виду в т.ч. успехи в ведении бизнеса, получении образования и занятости на рынке труда.

Ключевые слова: средний класс, «белые воротнички», «синие воротнички», поляризация по доходам, трансформация рынка труда, проницаемость социальных границ, «эффект липкого пола», «эффект липкого потолка», человеческий капитал.

DOI: 10.31857/S020736760029184-1

К настоящему времени вопросы, касающиеся как структурных трансформаций, происходящих внутри среднего класса, так и его будущего, привлекают повышенное внимание во многих странах мира: на разных площадках ведутся дискуссии, происходит интенсивный обмен информацией через сеть сайтов и семинаров. Эти вопросы обсуждаются также в России и США ввиду ухудшения благосостояния его средней страты (ядра), что вызывает беспокойство не только у экспертного сообщества, но и у глав государств. Вопросы оживления среднего класса и повышения его расовой инклюзивности нашли отражение в повестке избирательной кампании Джо Байдена, в ходе которой он заявил, выступая в апреле 2021 г. на объединенной сессии палат Конгресса США: «Настало время развивать экономику снизу вверх, процветание исходит не от богатых, а от образованного среднего класса» [1. Р. 1–2].

Для России приоритетной задачей в процессе ее перехода к экономике с сильной рыночной составляющей является наличие стабильного среднего класса, который на сегодня пока еще остается малочисленным и несформированным, представляя собой неустойчивое образование. Официально принятая в России идеология рыночной экономики требует наличия полноценного

и креативного среднего класса. При этом важно учитывать, что средний класс отличается ответственностью, рациональностью и продуктивностью — качествами, которые соответствуют современной экономике. Входящие в его состав группы стабилизируют общество, находятся на стороне его эволюционного развития, поддерживают экономические и социальные реформы; в культуре средний класс разделяет традиционные ценности и укрепляет высокие социальные нормы.

Изучение состояния среднего класса на примерах США и РФ позволяет оценить его разноплановую значимость, с одной стороны, и уязвимость, с другой. В социологических изданиях различаются следующие подходы к определению среднего класса: 1) объективный — на основе уровня материального благосостояния; 2) ресурсный, определяемый по признаку социально-профессионального статуса; 3) субъективный, подразумевающий самоотнесение лиц и домохозяйств к среднему классу. Его внутренняя структура задается тремя осями: наличие/отсутствие высшего образования, профессиональный статус и культурный капитал. В зависимости от места на этих осях выделились три образующие этот класс главные подклассы, или страты¹. В составе высшей страты среднего класса США — профессионалы, обладающие самостоятельностью в работе, законодатели, высокооплачиваемые юристы, ученые, врачи высшей квалификации, менеджеры деловых корпораций, руководители и профессиональные трейдеры.

Ядро среднего класса образуют чиновники среднего звена госуправления, владельцы малых и средних фирм; нанятые через агентства менеджеры для выполнения краткосрочных заданий; маркетологи, инженеры, бухгалтеры; работающие в режиме фриланса архитекторы, дизайнеры, внештатные консультанты, ИТ-специалисты, инвестиционные брокеры, сотрудники муниципальных больниц, дипломированные медицинские сестры и др. Низшую страту образуют младшие специалисты, закончившие двухгодичные общественные или технические колледжи, этнически разнородный обслуживающий персонал торговых сетей, больниц, школ и детских садов, водители и разнорабочие. Самой многочисленной категорией низшей страты являются работники ресторанов быстрого питания и розничной торговли.

Чтобы соответствовать стандартам жизни высшей страты среднего класса, его периферийным группам часто недостает ресурсов, что приводит к росту закредитованности. У представителей этой страты контроль над своим стату-

---

¹ Состав среднего класса неоднороден, в нем может быть два, три, четыре и больше подклассов. Распространенной является модель с тремя подклассами: *upper middle class* (высший средний класс); *middle middle class* (ядро среднего класса); *lower middle class* (низший средний класс). Структура среднего класса меняется на фоне экономических спадов и подъемов. В США в процессе перехода от индустриальной к информационной экономике, преобладания в ее составе сферы услуг, низких темпов роста и дрейфа к рецессии изменились численность и экономический статус среднеклассовых групп.

сом является слабым, планирование своего будущего представляется маловероятным, в отличие от занимающих более высокую ступень социальной лестницы представителей среднего класса, которые не имеют задолженности по кредитным картам и располагают достаточными средствами, чтобы продолжить дорогостоящее обучение в магистратуре (изучая бизнес, менеджмент, право или медицину), регулярно пользоваться банковскими услугами, а получаемые доходы инвестировать в ценные бумаги, приобретать недвижимость и прочие дорогостоящие товары.

Рост числа профессионалов со второй половины XX в., собственно, и определил трансформацию “старого среднего класса” в “новый средний класс” с соответствующим появлением нового определения его сущностной характеристики: высокий уровень образования и профессиональная принадлежность. В XX в. профессионалы стали обладать несомненным влиянием и весом в условиях невиданного роста предпринимательства во всем мире, что объясняет неослабевающий теоретический и практический интерес к среднему классу в зарубежной и отечественной социологии.

В США после Второй мировой войны получила популярность теория стратификации Макса Вебера, представленная многоступенчатой лестницей непрерывных градаций, где место человека определяется не производственными факторами, а уровнем дохода, образования и наличием культурного капитала. Такой взгляд разделяется и рядом сотрудников Института социологии РАН, применяющими принцип многомерной стратификации и учет собственности, профессиональных статусов, образовательных характеристик и ресурсов, то есть разнообразных типов активов, принадлежащих конкретным домохозяйствам.

Американский профессор Э. Фрейдсон ключевыми признаками среднего класса считает профессионализм и форму социальной организации, альтернативную бюрократии и обладающую автономией в принятии технических решений и организации алгоритма работ. Автор полагает, что высокообразованные работники предоставляют обществу важные услуги и могут сами организовывать и обеспечивать контроль своей работы без вмешательства государства. Также является популярной точка зрения, что институты, которые поддерживают профессионализм в мире, слишком полезны как для капитала, так и для государства, чтобы ими можно было пренебрегать [2. Р. 29]. Однако, позиции профессионалов (“белых воротничков”) на рынке труда становятся неустойчивыми, о чем мы будем говорить ниже.

Ослабление позиций на рынке труда “белых воротничков” на фоне роста спроса на “синих воротничков”. Многие годы работники умственного труда, занятые в сферах программирования, бухгалтерского учета, менеджмента, других сферах профессиональной деятельности, обладали большими возможностями на рынке труда, чем “синеворотничковая” рабочая сила. Однако текущие события свидетельствуют об обратном. Один из самых серьезных вызовов, с которым

сталкиваются “белые воротнички” в США — это сокращение приема на работу. Тогда как СМИ пестрят заголовками о трудностях “беловоротничковых” работников в поисках работы, многие предприятия испытывают нехватку “синих воротничков” для заполнения открытых вакансий². “Белым воротничкам”, получившим высшее образование, становится все труднее найти новую работу, и они сталкиваются с большей нестабильностью в работе, чем “синие воротнички”. По данным *Wall Street Journal*, в отличие от периода “Великой отставки” (Great Resignation, Big Quit), “белые воротнички” проходят длительные собеседования, не получают обратной связи и им все труднее получить новую возможность. Только за январь 2023 г. найм “белых воротничков” в США сократился на 23% [3. Р. 1].

По данным Бюро статистики труда, количество вакансий сократилось почти на 500 тыс. с конца 2022 года. Только в технологическом секторе были уволены почти 198 тыс. работников. Так, ведущая в области облачных вычислений компания Amazon отказалась от услуг 18 тыс. сотрудников, еще свыше двух десятков американских технологических компаний заявили о намерении уволить до 10% сотрудников. Американская пресса пишет о возможных грядущих увольнениях и в Microsoft, которые могут затронуть до 5% 200-тысячного штата компании. Найм работников умственного труда или “класса ноутбуков” замедлился, в то время как рабочих мест для низкооплачиваемых работников остается множество, особенно в сфере досуга и гостиничного бизнеса [3. Р. 4].

Сокращения найма “белых воротничков” коснулись не только высокотехнологического сектора — спрос на них упал в финансовом секторе, маркетинге и секторе профессиональных бизнес-услуг. По информации Indeed In, поисковой Интернет-службы для соискателей, размещающей объявления о работе, число открытых вакансий в США в 2023 г. упало в банковском секторе более чем на 40%, в секторе страхования — на 18% [5. Р. 1]. На 20% выросло количество сообщений пользователей Linked In со словами “уволен”, и в последние шесть месяцев ежедневно можно было видеть во многих американских городах множество людей с баннером *Open to Work* (Готов приступить к работе) [3. Р. 1].

Объясняя причины увольнений, директора рекрутинговых фирм указывают на утрату компаниями уверенности в среднесрочных позитивных перспективах из-за дрейфа американской экономики в рецессию. В условиях массовых увольнений представители “белых воротничков” соглашаются на менее качественные и низкооплачиваемые рабочие места, не обеспеченные гарантиями занятости и социальной защиты, что усугубляет неравенство и без того усилившееся под воздействием

---

² В США до 70% вакансий остаются незаполненными на предприятиях розничной и оптовой торговли, около 55% — в сфере промышленного производства и 45% — в индустрии отдыха и гостеприимства. As White-Collar Resilience Faces Test in 2023. By S.Chaney Cambon. The Wall Street Journal. Jan. 8. 2023. URL: <https://www.wsj.com/articles/as-white-collar-layoffs-rise-blue-collar-resilience-faces-test-in-2023-11673132989>.

пандемии COVID-19. Согласно данным, доля работников сферы профессиональных и деловых услуг, добровольно увольняющихся с работы, упала до 2,9% в марте 2023 г. по сравнению с 3,6% годом раньше [6. Р. 2].

В США долговременным фактором сокращений приема на работу специалистов с высшим образованием явился перенос производства товаров и рабочих мест в Китай и другие страны, обернувшийся потерями миллионов рабочих мест и банкротством десятков тысяч малых и средних компаний, которые не выдержали конкуренции с производителями аналогичной продукции в Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, где работники имеют на порядок меньшую оплату труда³. В настоящее время всплеск банкротств американских малых предприятий превысил уровни, невиданные с 2020 года. Согласно прогнозам экспертов, ситуация может ухудшиться по мере того, как на рынке кредитования начнут проявляться волновые эффекты банковских банкротств. Количество заявлений о банкротстве в 2023 г. значительно превысило самый высокий показатель, зарегистрированный на ранних стадиях пандемии COVID-19⁴.

На положение с занятостью немалое влияние оказывают роботизированные системы, которые сегодня замещают собой такие профессии, как административная поддержка офисов, юриспруденция, производство и поставка аппаратного и программного обеспечения, финансовые операции, управление продажами — и это далеко не полный список. В 2023 г. руководство IBM, крупнейшего в мире производителя и поставщика программного обеспечения, уволило многих работников или приостановило их прием на работу, посчитав искусственный интеллект (ИИ) способным справиться со многими их задачами. В США примерно $\frac{2}{3}$ имеющихся рабочих мест подвержены той или иной степени автоматизации, и генеративный ИИ способен заменить до одной четверти текущей работы [7. Р. 1].

Нельзя не отметить, что увольнение специалистов способно наносить ощутимый финансовый ущерб и подрывать репутацию и бренд компании. Д. Рей, бывший советник Конгресса США по науке, говоря о наносящих ущерб компаниям последствиях увольнения сотрудников, обращает внимание на потерю клиентов, ухудшение бренда и на крупные финансовые потери — от 10 до 20 пп.

---

³ Ускорение процессу банкротств придает рост процентных ставок и инфляции. В первой половине 2023 г. в США количество заявок на банкротство выросло по сравнению с предыдущим годом на 68%. ФРС повысила ключевую процентную ставку до целевого диапазона 5–5,25% после 10 повышений подряд, что делает заимствования более дорогими как для компаний, так и для домохозяйств. Why White-Collar Workers Are Losing Out in the Job Market. By Jack Kelly. Forbes, May 22, 2023. P. 1. URL: <https://www.forbes.com/sites/jackkelly/2023/05/22/why-white-collar-workers-are-losing-out-in-the-job-market/?sh=33bd30732980/>.

⁴ Четырехнедельная скользящая средняя для частных заявок в конце февраля 2023 г. была на 73% выше, чем в июне 2020 г. По данным American Bankruptcy Institute, в феврале 2023 г. ежемесячное количество заявлений о банкротстве превысило 31 тысячу, что на 18 пп. больше аналогичных заявлений, зарегистрированных в феврале 2022 г. Administrative Office of the U.S. Courts, Wash.(D.C) 31 April 2023. P. 12. URL: <https://www.forbes.com/sites/jackkelly/2023/05/22/why-white-collar-workers-are-losing-out-in-the-job-market/?sh=33bd30732980/>.

годового дохода компании. [8. Р. 1–2]. Кроме прочего, подготовка новичка может стоить компании десятки часов обучения, активной адаптации и инкультурации (выработки навыков и норм поведения), прежде чем его участие в работе начнет приносить ощутимую пользу. Усугубляющийся рост издержек в форме потерянного времени происходит также в случае, если вакансия долго остается незаполненной.

В России, как и в США, наблюдается сокращение спроса на непродовственный персонал и повышенная востребованность “синих воротничков” и нижней страты “белых воротничков”, хотя вызывающие этот спрос факторы имеют в РФ отличительные особенности. С 2022 года на незаполненность востребованных рабочих вакансий в России оказали влияние санкции со стороны западных стран, демографическая яма 1990-х гг. (превышение смертности над рождаемостью), мобилизация и уход трудоспособных людей на контрактную службу, релокация сотрудников за рубеж, снижение количества мигрантов и ориентация рынка труда на импортозамещение. В итоге на рынке труда России зафиксирован кадровый голод⁵.

Структура спроса на российском рынке труда неоднородна. Больше всего работодатели заинтересованы в привлечении линейного персонала (курьеры, продавцы, специалисты колл-центров), а также представителей рабочих профессий. Спрос на них имеется у российских производителей автотранспортных средств, электрооборудования (самолеты, вагоны, суда), а также компьютеров, электроники и оптических изделий. В топ востребованных профессий в России входят: сварщики, электрики, токари, младший медперсонал, работники ЖКХ. Наблюдается также повышенный спрос на инженеров по строительству наземных транспортных путей, на рабочих в топливно-энергетической отрасли, профессионалов в сферах ритейла, банков и девелопмента. Последние три отрасли находятся на уровне кадровой уязвимости на протяжении 2023 года⁶. На рекрутинговом портале размещено в 2,8 раза больше вакансий в реальном секторе экономики, чем в 2022 г. – в сумме это 74% от всех вакансий; ещё 16% – это предложения для “белых воротничков” (маркетологи, бухгалтеря, юристы и др.); 10% – вакансии для ИТ-специалистов⁷.

Помимо дефицита рабочих специальностей, в России наблюдается нехватка “беловоротничковых” специалистов в некоторых отраслях – таких, как информационные технологии, инженерия, наука и медицина. Этот дефицит связан

---

⁵ Синие воротнички-ваш выход! Ситуация на рынке труда в России. Москва, 30 марта 2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZCV0OU2Lwi5O5bri>.

⁶ Во втором и третьем квартале 2023 г. согласно индексу кадровой уязвимости (ИКУ) ее испытывали почти все отрасли российской промышленности. По данным экспертов ВШЭ, более всего на нехватку квалифицированных кадров жалуются автопром, производители электрооборудования и нефтепродуктов. См.: Эксперты ВШЭ назвали отрасли с наибольшей кадровой уязвимостью. См.: РБК.10 августа 2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/08/2023/64d376d79a79479371da267b>.

⁷ РБК.10 августа 2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/08/2023/64d376d79a79479371da267b>.

как с низким уровнем качества образования в некоторых регионах страны, так и с оттоком многих молодых специалистов за границу. В перечне других трудностей найма в РФ выделяется высокая текучесть кадров, что для любой компании означает необходимость постоянного рекрутмента со всеми сопутствующими процедурами: привлечение соискателей, отсеивание нерелевантных, собеседования и подготовка документов. Это могут позволить себе компании с большими ресурсами.

Позиции “беловоротничковых” работников на рынке труда иллюстрирует представленный ниже рисунок, который отражает расчеты динамики вакансий и резюме за период 2021–2023 гг. Из рисунка видно, что по итогам I кв. 2023 г. в сравнении с I кв. 2022 г. в России наблюдается увеличение открытых вакансий и рост зарплат.

Рис. 1. Белые воротнички: динамика вакансий и резюме 2021–2023 гг., средние зарплаты в вакансиях.

Источник: В. Терентьев. Люди в цифрах. Рынок труда. Начало 2023. Рекрутинговый сервис Head Hunter (hh.ru) URL: <https://rigf.ru/docs/terentyev.pdf?ysclid=lpuwih35d2406254231>.

В критериях оценки принадлежности к среднему классу в США и России много совпадений: наличие высшего образования, личного транспорта, стабильная и перспективная работа [9. Р. 1–2]. В каждой из стран ключевым критерием принадлежности к нему является доход, границы которого в 2023 г. в РФ установлены в диапазоне 75–125% медианной заработной платы, а наивысший процент среднеклассовых домохозяйств по признаку дохода локализован в Ямало-Ненецком автономном округе – 46,6%; за ним идут Магаданская область (37,1%), Чукотский автономный округ (33,1%) и Югра (28,5%); на пятой позиции – Сахалинская область с 27,1%; Юг Тюменской области – на 15-м месте

с 15,8%. Москва занимает в рейтинге восьмую позицию, а Санкт-Петербург – десятую. В двух столицах более 20% всех семей относятся к среднему классу. Несмотря на то что два крупнейших города уступают по доле среднего класса регионам-лидерам, в абсолютном выражении численность таких семей опережает численность всех остальных. В столице, где медианная зарплата в 2023 г. составила 66100 рублей, обеспеченными считаются граждане, зарабатывающие свыше 82600 рублей в месяц⁸.

В американском штате Алабама доход домохозяйства среднего класса из 3 человек находится в диапазоне от 44351 до 132392 долл., а в Коннектикуте – от 68170 до 203492 долл. в год. Учитывая неодинаковую стоимость жизни в разных регионах США, годовой доход семьи, считающийся необходимым для образа жизни среднего класса, равен 85 тыс. долл. на Востоке, 60 тыс. долл. на Среднем Западе и 70 тыс. долл. на Юге страны. Американское домохозяйство из трех человек будет считаться среднеклассовым с доходом от $\frac{2}{3}$ медианного до его удвоения (от 52 тыс. до 156 тыс. долл. в год) [10. Р. 3].

Взгляды экономистов на региональное неравенство, влияющее на разную величину доходов среднеклассовых домохозяйств, отталкиваются от двух несовпадающих типов моделей экономического роста: неоклассических и кумулятивных. Для первого типа важнее всего производственные функции региона, а не пространственный фактор; кумулятивисты, напротив, на первое место ставят пространственный аспект, в их моделях главную роль играют не корпорации и предприятия, а очаги и полюса роста. К кумулятивным теориям относится “новая экономическая география” (НЭГ), отвечающая на вопрос: каким образом формируется ситуация территориальных диспропорций в экономическом развитии⁹.

В США наблюдается расовое и этническое разнообразие среднего класса. Вместе с тем, в благосостоянии белых и чернокожих среднеклассовых американских домохозяйств сохраняется разрыв, обусловленный разной динамикой и неодинаковыми стартовыми позициями. В 2020 г. афроамериканцы составляли 14,2% в населении, однако, доля принадлежащих им малых и средних

---

⁸ В 15 регионах РФ доля среднего класса менее 5%, а в четырех регионах она не превышает 3%. Последние четыре строки рейтинга занимают республики Северного Кавказа, где традиционно достаточно большой состав семей и невысокие зарплаты, что не позволяет относить их к среднему классу. В последнюю десятку попали: Калмыкия с долей 3,5%, Ивановская область с долей 3,9% и Алтайский край (3,9%). Регионы-лидеры по численности среднего класса. РИА Рейтинг, июль 2023 г. С. 1–3. URL: <https://riarating.ru/infografika/20230724/630245952.htm>.

⁹ Основоположник НЭГ П. Кругман, американский экономико-географ, разделяет силы, влияющие на рост городов и регионов, на факторы “первой природы” (естественные преимущества: природные ресурсы, рельеф, климат и географическое положение) и факторы “второй природы” (человеческий капитал, общественные институты, инфраструктура и территориальная организация производства). А.Н. Пилясов. Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России // Региональные исследования. 2011. №1 (31). С. 3–31.

фирм равнялась около 2,5%. Валовой доход принадлежащих чернокожим владельцам фирм в 2020 г. составил 141,1 млрд долл. — на 11 пп. больше, чем в 2017 г., благодаря им было взято на работу 1,321 млн человек и создано 48 549 новых рабочих мест, что добавило дополнительно 1,7 млрд долл. совокупной заработной платы [11. Р. 1–3].

За более чем полувековой период процесс расслоения среднего класса США по доходам протекает разновекторно — с увеличением числа домохозяйств в верхнем квинтиле наблюдается вымывание части ядра среднего класса и ее переход в нижний квинтиль. В 2022 г. средние доходы верхних 20% домохозяйств в 7,3 раза превышали средние доходы 20% низкодоходных домохозяйств (по сравнению с 6,3 раза в 1970 г.) [12. Р. 2]. Изменения происходят и в структуре распределения агрегированного дохода. В 1960-1970-е гг. доля взрослых из состава среднего класса США равнялась $\frac{2}{3}$ численности лиц трудоспособного возраста с совокупной долей в 61% полученных заработков в национальном доходе; к настоящему времени доля среднеклассовых работников упала до 50%, а объем полученных ими заработков по отношению к национальному доходу составил 43% [13. Р. 1]. В апреле 2022 г. 80% принадлежащих ядру среднего класса респондентов пожаловались, что теперь им труднее поддерживать стандартный уровень жизни, чем 10 лет назад [14. Р. 2].

В США неравенство по доходам выше, чем в целом ряде входящих в ОЭСР стран. Дисбаланс в сфере их распределения отчетливо наблюдается в крупных американских компаниях: получаемый среднеклассовыми работниками доходы растут намного медленнее его роста у руководящего звена за счет административной ренты и финансовых активов. По оценкам The Economic Policy Institute, зарплата генерального директора возросла на 1322% с 1978 г. по 2021 г., тогда как компенсация рядовым работникам только на 18% [13. Р. 2].

По западным стандартам образа жизни средний класс России пока что находится в отстающих: средний уровень национального имущества на взрослого россиянина почти в 4 раза ниже, чем в США [9. Р. 2]. В нашей стране средний класс классифицируется по четырем основным стратам: низшие, бедные, малообеспеченные и среднеобеспеченные — тот самый средний класс, который составляет по разным оценкам от 12 до 34% трудоспособных граждан, имеющих свободный бюджет (то, что остается после всех выплат и затрат для достаточно высокого качества жизни). По итогам Всероссийского мониторинга финансового поведения населения за период с 2019 по 2021 гг., выявлена следующая картина: 17,7% домохозяйств имели все признаки бедности; 45,7% имели два таких признака; 32,6% были близки к среднему классу и только 4,1% домохозяйств относились к устойчивому среднему классу. В последние годы рост численности среднего класса замедлился из-за экономических проблем, вызванных санкциями. И хотя правительство РФ приняло ряд мер, которые уменьшили падение реальных доходов населения в 2022 г., их снижения не удалось избежать.

Если рассматривать трансформации внутри среднего класса через призму рынка труда, то можно видеть распространение в США, России и странах ЕС нестабильных и нестандартных форм занятости, расположенных в длинной цепочке контрактов и субподрядов и не подпадающих под действие трудового законодательства, что создает риски для “беловоротничковых” работников с точки зрения устойчивости заработков. В США таким трудом заняты от 40 до 45% лиц трудоспособного возраста, и он не предполагает наличие медицинской страховки, бонусов и оплачиваемого отпуска. Во многих случаях эти люди вынуждены соглашаться работать неполный рабочий день. В 2022 г. в таком режиме трудились 26,05 млн американцев – больше, чем в 1990 г., когда таковых было зарегистрировано 20,13 млн человек [15. Р. 3].

В России к вышеозначенной категории работников относятся: а) не имеющие трудовых договоров; б) имеющие договора до одного года; вовлеченные в сезонную и эпизодическую занятость; рабочие места с неполной занятостью [16. С. 1–2]. Данный сегмент общества представляет собой социально-трудо-вую общность, в составе которой лица самых разных сфер деятельности и специальностей: от дизайнеров и журналистов до косметологов и таксистов. У всех представителей этой общности разные доходы, социальный статус и возможности. Объединяет их то, что они сами обеспечивают свою занятость. По данным Росстата, в неформальном секторе экономики (без контракта) работает более 21% населения. Группа занятых на временной работе в России насчитывает до 30% трудоспособного населения – она не обладает социальными правами и у них нет оплачиваемого отпуска. Забота о получении образования и о повышении квалификации становится их личным делом.

Это дополняется тем, что у временных работников практически отсутствуют возможности профессионального роста и карьеры, а временная занятость становится постоянно действующей величиной. Еще одна группа в РФ, состоящая из занятых неполный рабочий день (до 10–15% трудоспособного населения), попадает в ситуации различных ограничений, что вынуждает ее представителей прибегать к смене прежней и поиску новой работы. Имеется категория самозанятых, насчитывающая 7 млн при 72 млн россиян трудоспособного возраста (1/10 рынка труда) [17. С. 1]. Особую категорию образуют фрилансеры, которых нанимают на конкретные проекты для выполнения поставленных задач по краткосрочному договору или даже без него, и заказчики платят им за конечный результат, а не за количество затраченных часов. Фрилансер не принадлежит ни к одной бизнес-структуре, выполняет работу сам или совместно с коллегами, и по сути занимается обычной предпринимательской деятельностью за одним исключением: он не нанимает сотрудников и не пользуется присвоенной прибавочной стоимостью.

Возможности и границы социального лифта. В данном разделе рассмотрению подлежит мобильность между поколениями, когда за точку отсчета берется социальное положение родителей, а за точку назначения – положение детей.

По показателю межпоколенной мобильности измеряется то, в каком направлении и насколько далеко дети продвинулись по социальной лестнице по отношению к уровню, достигнутому родителями. По данным организации *Opportunity Insights* (ОИ), на протяжении 1940–1980-х годов в США наблюдалось сужение проницаемости социальных границ. В опубликованном экономистами Гарвардского и Калифорнийского университетов докладе ОИ “Угасающая американская мечта” (*Fading American Dream*) в интервале за 40 лет помещены сравнительные расчеты доходов детей в возрасте 30 лет (скорректированные на инфляцию) с доходами их родителей в возрасте 30 лет, показывающие снижение показателей мобильности с 90% для детей, родившихся в 1940 г., до 50% для детей, родившихся в 1980 г. [18. Р. 1–2]. С тех пор доля молодых представителей трудоспособного населения, зарабатывающих больше своих родителей, существенно не увеличилась. Несмотря на рост американской экономики в 1990-е годы эффектом “липкого пола” оказались охвачены 77% малообеспеченных семей, тогда как наиболее обеспеченные удержались в верхней страте (эффект “липкого потолка”) [19. Р. 65]. Такой застой в мобильности между поколениями вызван не столько замедлением темпов экономического роста, сколько неравномерным распределением общественного пирога. Рост ВВП без изменения способа его распределения незначительно влияет на показатели мобильности. Мало что изменилось в этом смысле и в период с 1994 по 2018 гг.¹⁰

Мобильность между поколениями варьирует в зависимости от региона. Так, в Сан-Хосе (Калифорния) вероятность того, что ребенок из семьи, находящейся в нижнем квинтиле по доходам, может достичь верхнего квинтиля равна 12,9%, а в Роли (Северная Каролина) всего 4,4%. Подобный дисбаланс отражает разницу в уровне экономического развития и в образовательных учреждениях между регионами. По итогам исследований, проведенных Институтом Брукингса в Вашингтоне, мобильность между поколениями выше там, где ниже неравенство в доходах, является благоприятным климат и экономический ландшафт, стабильны внутрисемейные отношения, лучше развита система образования [20. Р. 1–2].

В России масштабы восходящей и нисходящей мобильности выше, чем в среднем по странам-членам ОЭСР, что тормозит формирование устойчивого и полноценного среднего класса. Среди населения нисходящая мобильность доминирует над восходящей, и ее масштабы достаточно велики, охватывая

---

¹⁰ За отмеченный период преимущества были у детей, чьи родители имели высокооплачиваемую работу: 50% таких детей устроились на работу по профессиям, набравшим по 100-балльной шкале от 76 баллов и выше, в то время как 50% детей, чьи родители занимали низкоранговые рабочие места, трудились в профессиях, набравших не выше 28 баллов, что свидетельствует об имеющихся для них препятствиях на треке восходящей мобильности. *The Fading American Dream: Trends in Absolute Income Mobility Since 1940. Annual Social and Economic Supplement PUMS*. By R.Chetty, N.Hendren, D.Grusky and others. Pew Research Center. Dec.2016, Wash. D.C). URL: <https://www.pewresearch.org/65425d2e-ee7c-45ff-9eb7-3a67dde5763>.

около четверти населения. По оценкам экспертов Университета НИУ ВШЭ, в последние годы 41,8% населения трудоспособного возраста сохранили свои доходные позиции, 29,4% перешли на более высокие ступени по доходам, а 28,8% – опустились вниз по доходам [21. С. 67].

Заключение. В заключение отметим, что многие десятилетия XX в. в США среднеклассовые работники, будучи носителями специальных профессиональных знаний и занимая особое положение на рынке труда и в обществе, обладали большим престижем, чем профессиональные группы рабочих (“синие воротнички”). Благодаря тому что знания деловых операций внутри конкретной фирмы составляли основную квалификацию многих групп “белых воротничков”, накопление этих знаний давало им более надежную гарантию занятости, чем работникам физического труда, особенно на ранних стадиях индустриализации. Но даже в эпоху постиндустриализма офис никогда не становился местом климата “найми и уволь”. Поскольку многие должности “белых воротничков” были интегрированы в дифференцированные бюрократические иерархии, и возможности для них никогда не исчезали полностью, в США определенные профессии “белых воротничков” продолжают пользоваться привилегиями, включая оплачиваемый отпуск, продолжение выплаты заработной платы в случае болезни, пенсионные схемы компании и т. д. С другой стороны, в течение XX в. происходил процесс постепенного сужения и даже стирания различий между “синими воротничками” и ядром “белых воротничков”. Это ядро в значительной степени превращается в статистическую фикцию из-за огромного разнообразия должностей и профессий. На нынешнюю нестабильность нынешнего положения среднего класса влияет комплекс факторов: курс на форсирование деиндустриализации (США), пандемия коронавируса (США, РФ), сокращение доли затрат на труд в доходах бизнеса (США), рост долгов по потребительским кредитам (США, РФ), снижение нормы сбережения, подорожание жилья и его аренды, удорожание стоимости образования и медицинских услуг, замедленный рост производительного сектора экономики широкое внедрение в компаниях роботизированных систем (США). В итоге средний класс оказался между двумя противоположно заряженными полюсами – стабильного благополучия и шаткого социального статуса. Одна его часть не только закрепляется в верхней страте, но и улучшает свой социальный статус, другая же все заметней срашивается с низшими стратами, пополняя “новый рабочий класс”.

Литература

1. Biden’s Proposals Aim to Give Sturdier Support to the Middle Class. By P.Cohen. The New York Times, May 2, 2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/02/business/economy/middle-class-biden-economy.html> (accessed:17.07.2022).
2. Neo-Weberianism and the Professions. By Saks M. University of Suffolk, United Kingdom. 2022. URL: <https://www.google.ru/search?newwindow=1&q=Neo-Weberian+Ism+and+the+>

- Professions. By +Says+M. University+of+Suffolk,+United+King-
dom&spell=1&sa=X&ved=2ahUKEwjrkYWYvMqAAxXPIxAIHU2kA-sQBSgAegQIC-
BAB&biw=982&bih=427&dpr=1.38 (accessed: 10.03.2023).
3. Why White-Collar Workers are Losing out in the Job market. By Jack Kelly. Forbes, May 22, 2023 URL: <https://www.forbes.com/sites/jackkelly/2023/05/22/why-white-collar-workers-are-losing-out-in-the-job-market/?sh=4a8122ad2980> (accessed: 10.04.2023).
  4. Decline-of-white-collar-workers-is-making-more-room-for-others. The Washington Post, Febr. 24. 2023. URL: https://www.washingtonpost.com/business/2023/04/17/decline-of-white-collar-workers-is-making-more-room-for-others/361d77f2-dd11-11ed-a78e-9a7c2418b00c_story.html (accessed: 11.03.2023).
  5. Bankruptcy filings surge in first half of 2023 in USA, Epiq says. Reuters, 7 July 2023. P. 1 URL: <https://www.reuters.com/legal/bankruptcy-filings-surge-first-half-2023-us-epiq-2023-07-03/> (accessed: 12.08.2023).
  6. Unemployed Americans Find Job Searches Take Longer as Labor Market Cools. The Wall Street Journal, January 21. 2023. URL: https://www.wsj.com/articles/unemployed-americans-find-job-searches-take-longer-as-labor-market-cools-11674248887?mod=article_inline (accessed: 14.08. 2023).
  7. Why White-Collar Workers are Losing out in the Job market. By Jack Kelly. Forbes, May 22. 2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/jackkelly/2023/02/24/theres-a-white-collar-richcession-while-blue-collar-and-frontline-workers-see-wage-growth-and-more-job-opportunities/?sh=20b382d55caa> (accessed: 10.07.2023).
  8. The real cost of employee disengagement. By Don Rheem. ForbesBook, August 5, 2022. Available at: <https://books.forbes.com/author-articles/the-real-cost-of-employee-disengagement> (accessed: 10.09.2023).
  9. Comparison of life in the USA and Russia in 2023. Visa Sam.ru., 21.07.2023 URL: [//visasam.ru/emigration/vybor/zhizn-v-rossii-i-ssha.html](https://visasam.ru/emigration/vybor/zhizn-v-rossii-i-ssha.html) (accessed: 10.08.2023).
  10. What Income Level is considered Middle Class in Your state. By Gabrielle Olya. Banking, March 5. 2023. URL: <https://www.gobankingrates.com/money/economy/what-is-middle-class-in-us/> (accessed: 10.04.2023).
  11. Who is driving Black business? Findings from the latest black-owned business data. By A.M.Perry, M.Donoghue, H.Stevens. Wash. (D.C.), May 24. 2023. URL: <https://www.brookings.edu/research/who-is-driving-black-business-growth-insights-from-the-latest-data-on-black-owned-businesses/> (accessed :01.06.2023).
  12. Pew Research Center analysis of the Current Population Survey. Wash. (D.C.), 2022. P. 1. Annual Social and Economic Supplement. URL: <https://www.pewresearch-org.translate.google/fact-tank/2022/04/20/how-the-american-middle-class-has-changed-in-the-past-five-decades/> (accessed :12.10.2022).
  13. Gallup News, Wash. (D.C.) April 19. 2022. URL: <https://news.gallup.com/poll/392708/middle-class-identification-steady.aspx> (accessed :12.07.2022).
  14. The Hamilton Project. Black and white wealth gap made black households more vulnerable. By K. Mackintosh, E. Moss, C. Brody, Median Net Worth by Race / Ethnicity, 1989–2019. Brookings Institute. Dakota State University, Dec.8, 2020. Available at: <https://www.hamiltonproject>.
  15. RGRU. Экономика. 18.07.2023. Available at: <https://rg.ru/2023/07/18/k-nam-prishel-prekariyat.html?ysclid=llozj5ealx543788066> (accessed :15.08.2023).
  16. Прекариат: становление нового класса / Коллективная монография под ред. Ж.Т.Тошченко. Центр социального прогнозирования Москва. 2020. С. 76–78,
  17. The Fiding American Dream: Trends in Absolute Income Mobility Since 1940. Annual Social and Economic Supplement (PUMS). By R.Chetty, N.Hendren, D.Grusky and others. Pew

- Research Center. Dec. 2016. Wash. (D.C). URL: <https://www.pewresearch.org/65425d2e-ee7c-45ff-9eb7-3a67ddef5763> (accessed :15.03.2020).
18. *Faux J.* The Global Class War. How America's Bipartisan Elite Lost Our Future – and What It Will Take to Win It Back. N. Y. 2006. P. 65. URL: https://www.epi.org/publication/books_global_class_war/ (accessed :12.03.2020).
19. The American Dream in crisis: Helping low-wage workers move up to better. By E/Krebs, M/Es-cobary. Brookings. June 14.2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-american-dream-in-crisis-helping-low-wage-workers-move-up-to-better-jobs/> (accessed :12.01.2022).
20. *О.В. Ворон, С.В. Мареева, Е.Д. Слободенюк, В.А. Аникин.* Представления россиян о доходном неравенстве: влияет ли на них социальная мобильность? Научный дайджест НЦМУ ЦМИЧП, № 4 (9) Высшая школа экономики. Национальный исследовательский университет. 2022. С. 67. URL: [https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1693035657&tld=ru&lang=ru&name=Human_Capital_NCMU_Digest_9_Social_Mobil.Perceptions_of_Inequality_2022.pdf&text=\(accessed :12.03.2023\)](https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1693035657&tld=ru&lang=ru&name=Human_Capital_NCMU_Digest_9_Social_Mobil.Perceptions_of_Inequality_2022.pdf&text=(accessed :12.03.2023)).
21. Russia's Middle Class: Between a Sticky Floor and Sticky Ceiling. By S.Mareeva, E.Slobodenyuk. HSE University's Centre for Stratification Studies. Moscow. 2020. URL: <https://www.hse.ru/en/news/research/418767957.html> (accessed :13.04.2021.)

Alexey Shlikhter (e-mail: shlihter.alexey@yandex.ru)

Ph.D. in History, Leading Researcher,

Institute of World Economy and International Relations (RAS),

(Moscow, Russian Federation)

THE MIDDLE CLASS IN THE US AND RUSSIA: DISTINCTIVE FEATURES, STRUCTURAL CHANGES, PROBLEMS IN THE LABOUR MARKET AND SOCIAL MOBILITY

The author examines a set of parameters that are characteristic of the middle class and distinguish it from other social groups. An analysis of the current state of the middle class in the USA and Russia is given, allowing us to assess both its multifaceted importance and its vulnerability due to sanctions, structural changes in the labor market, digitalization and exporting jobs to other countries. Particular attention is paid to the comparison of black and white households in the United States in terms of results achieved in social mobility, including success in doing business, getting an education and finding employment in the labor market.

Keywords: middle class, white-collar workers, blue-collar workers, income polarization, labor market transformation, narrowing of the permeability of social boundaries, sticky floor effect, sticky ceiling effect, human capital.

DOI: 10.31857/S020736760029184-1

© 2023

Валентина Жохова

кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и торговли ФГБОУ ВО

«Владивостокский государственный университет»

(г. Владивосток, Российская Федерация)

(e-mail: valentina.zhokhova@gmail.com)

ИССЛЕДОВАНИЕ КОМПЛЕКСА МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА РЫНКЕ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Доступность и качество медицинских услуг влияют на продолжительность жизни населения. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование развития рынка медуслуг. В статье раскрыто понятие коммуникации, обоснована необходимость внедрения маркетинговой коммуникации в сферу здравоохранения, исследованы элементы комплекса маркетинговой коммуникации на владивостокском рынке медуслуг методом анализа иерархий и выявлены их приоритеты, предложены мероприятия по их развитию.

Ключевые слова: здравоохранение, рынок медицинских услуг, маркетинг, маркетинговые коммуникации, медицинские организации, медучреждения, платные медуслуги, маркетинговый анализ, МАИ.

DOI: 10.31857/S020736760027258-2

Введение. Медицинская сфера является одной из наиболее активно развивающихся отраслей в экономике, привлечение новых пациентов и повышение уровня доверия к медицинскому учреждению является важным аспектом маркетинговых коммуникаций. Понятие коммуникации может быть определено, «как средство связи любых объектов материального и духовного мира; вариант общения, в процессе которого люди обмениваются информацией; передача и массовый обмен информацией с целью воздействия на общество и его составные компоненты» [1]. Сущность коммуникации в медицине отражается в клиентоориентированности, характерной чертой которой является адаптированность и направленность на клиента; на обмене информацией, способствующей принятию эффективных решений руководителем медучреждения [2]. Важность внедрения маркетинговых коммуникаций в сферу здравоохранения связана с рядом отличительных свойств: отсутствие у потребителя полного объема информации, неопределенностью в оказании медицинской помощи, асимметрии информации, неэластичностью спроса [3].

Ряд авторов выделяют 7 основных направлений для работы в медицинском маркетинге, таких как продукт, цена, продвижение, место, люди, процесс, физическое подтверждение (окружение) [4, 5].

Продвижение – ключевая особенность маркетинга. В состав комплекса маркетинговых коммуникаций (комплекса продвижения) в здравоохранении может входить: реклама, стимулирование продаж, связь с общественностью

и «паблисити», личные продажи, прямой маркетинг, событийный маркетинг и опыт взаимодействия с продуктом/брендом/организацией, интерактивный онлайн-маркетинг, реклама «из уст в уста» («сарафанное радио», «шеринговая коммуникация») [6, 7]. В данном исследовании выявлен крен в сторону использования онлайн-решений по взаимодействию, сопряженному с активным присутствием представителей целевой аудитории в интернете и социальных сетях [8].

В условиях реформирования системы здравоохранения именно маркетинг позволяет здравоохранению внедриться в современный экономический механизм подъема экономики [6]. Особую актуальность приобретает исследование развития рынка медицинских услуг, где целью является выявление основных элементов комплекса маркетинговых коммуникаций регионального медицинского рынка, определение их приоритетности и предложения по приемам их разработки. Анализ рынка медицинских услуг, применение комплекса маркетинговых коммуникаций в медучреждениях будут способствовать развитию регионального здравоохранения.

Методы. В работе использовались кабинетные и полевые маркетинговые исследования, маркетинговый анализ, системный подход, метод аналогии, метод анализа иерархий (МАИ), статистическая обработка данных.

Анализ рынка медицинских услуг Приморского края. Согласно данным Росстата, численность постоянного населения Приморского края на 1 января 2022 г. составляла 1 863 011 человек. В 2022 г. отмечено увеличение интенсивного показателя общей заболеваемости населения региона по отношению к предыдущему году на 3,3% (с 157 397,8 в 2021 г. до 162 589,4 на 100 тыс. населения) [9].

В конце февраля анализируемого года, в результате обострения внешнеполитической ситуации, произошли события, влияющие на развитие отечественной системы здравоохранения и стоимость медицинских услуг, среди них приостановка авиасообщения, резкие изменения курсов валют, нарушения цепочек поставок [10]. При этом отмечено сохранение в приморском региональном бюджете объема расходов на содержание системы здравоохранения 26,3 млрд руб.; 2000 человек дополнительно прошли полный цикл диспансеризации; на закупку лекарственных препаратов за счет средств краевого бюджета выделено более двух миллиардов рублей [11].

Исследование рынка медицинских услуг г. Владивостока Приморского края в 2023 г. обозначило основные внешние угрозы на региональном рынке: рост цен на закупку медицинского оборудования, неустойчивый деловой климат, снижение рентабельности производства вследствие опережающего роста издержек по сравнению с объемами производства, высокую конкуренцию и возможность использования конкурентами современных информационных интернет-технологий, изменение формирования денежных накоплений общества.

Анализ комплекса маркетинговых коммуникаций на рынке Приморского края.

Исследования российских коммерческих медицинских организаций, использующих коммуникационные инструменты привлечения потребителей, выявили использование: онлайн-рекламы (73%, офлайн -рекламы (42%, «сарафанного радио» (31%, скидок, акций (23%, разработку сайта (19%, видеоконтента (15% [10]. Отмечалось, что комплекс маркетинговых коммуникаций (КМК в медицине включал: рекламу, стимулирование продаж, связь с общественностью и «паблисити», личные продажи, прямой маркетинг, событийный маркетинг и опыт взаимодействия с продуктом/брендом/ организацией, интерактивный online маркетинг, рекламу «из уст в уста», «сарафанное радио», «шеринговую коммуникацию».

Совокупность данных элементов обоснована проведенным маркетинговым исследованием пациентов рынка медицинских услуг г. Владивостока Приморского края с помощью онлайн-опроса в период февраля-апреля 2023 г. Выборка составила 278 респондентов, рассчитана с помощью <https://allcalc.ru/node/100>. Вопросы анкеты сформированы в рамках темы: «Роль маркетинговых коммуникаций и их инструменты в продвижении медицинских товаров/услуг».

Опрос подтвердил важность элементов КМК в региональной медицине со следующими показателями: реклама (70%), стимулирование продаж (85%), связь с общественностью и «паблисити» (78%), личные продажи (96%), прямой маркетинг (85%), событийный маркетинг (52%), опыт взаимодействия с продуктом/брендом/организацией (51%), интерактивный online маркетинг (82%), реклама «из уст в уста» (61%), «сарафанное радио» (53%) и «шеринговая коммуникация» (47%) и позволил сформировать иерархию элементов. Приоритетность основных элементов КМК для медучреждений региона была оценена с помощью экспертного метода (7 экспертов—сотрудников медцентров, коэффициент конкордации $W=0,658$).

Альтернативами в МАИ выступили элементы КМК, набравшие наибольшее процентное соотношение при исследовании (78–96%): Интерактивный онлайн-маркетинг; Связь с общественностью; Стимулирование продаж; Личные продажи; Прямой маркетинг.

Критериями обозначены: Личные контакты с клиентом; Оправданность ожидания; Выбор каналов коммуникации; Высокое качество услуги; Низкая цена на медуслугу.

Данные критерии, как наиболее эффективные для анализа альтернатив, были предложены респондентами в ходе исследования.

Для решения проблемы МАИ составлялось иерархическое представление проблемной области, производился расчет относительной важности всех элементов в иерархии и определялся глобальный приоритет альтернатив. Норматив отношения согласованности – $OC \leq 10\%$.

Числовые оценки матрицы попарных сравнений для исследуемых критериев КМК представлены в табл. 1, где $OC = 3,40\% < 10\%$ и является приемлемой.

Таблица 1

Числовые оценки матрицы попарных сравнений для критериев

КРИТЕРИИ	Личные контакты с клиентом	Оправданность ожидания	Выбор каналов коммуникации	Высокое качество услуги	Низкая цена мед-услуги
Личные контакты с клиентом	1	7	3	5	6
Оправданность ожидания	1/7	1	1/4	1/3	1/2
Выбор каналов коммуникации	1/3	4	1	2	4
Высокое качество услуги	1/5	3	1/2	1	3
Низкая цена мед-услуги	1/6	2	1/4	1/3	1

Источник: разработано автором с помощью экспертного оценивания и МАИ (Метод анализа иерархий). URL: <https://axd.semestr.ru/upr/hierarchies.php> (дата обращения 04.11.2023).

Производился расчет OC для критериев альтернатив КМК:

«Личные контакты с клиентом»: $OC = 0,05\% < 10\%$;

«Оправданность ожидания»: $OC = 4,28\% < 10\%$;

«Выбор каналов коммуникации»: $OC = 0,66\% < 10\%$;

«Высокое качество услуги»: $OC = 0,75\% < 10\%$;

«Низкая цена медуслуги»: $OC = 2,71 < 10\%$.

В результате обработки суждений экспертов МАИ сформировались максимальные значения глобального приоритета альтернатив КМК. Наибольшие значения соответствует альтернативам: 0,2865552 – «Личные продажи»: 0,243262 – «Прямой маркетинг». Этим определился основной приоритетный выбор альтернатив КМК в региональной медицине.

Личные продажи медицинских услуг в здравоохранении включают: современные навыки профессионального общения врача и пациента, повышение лояльности медицинского персонала, продажи медицинских услуг по телефону и задачи повышения конверсии телефонных звонков, сегментацию (гиперсегментацию) рынка медицинских услуг, позиционирование медицинской организации, замеры объема спроса на медицинские услуги и др [5].

Прямой маркетинг привлекает людей напрямую, отправляя, например, рекламную брошюру, электронное письмо или аналогичную прямую передачу информации предполагаемому получателю. Это узконаправленная форма коммуникации, поэтому ее можно легко измерить, поскольку ответы на различные запросы можно отследить с относительной легкостью [10].

Исследование комплекса маркетинговых коммуникаций в ООО «Инномед-Плюс» г. Владивостока. ООО «Инномед-Плюс» зарегистрирована 24 мая 2006 г. во Владивостоке Приморского края. Деятельность ООО «Инномед-Плюс» специализируется в области медицинских технологий (<https://www.innomed-plus.ru/>) и включает поставку, продажу и обслуживание медицинского оборудования, разработку программного обеспечения для медицинских учреждений, предоставление консультационных услуг в области здравоохранения и дополнительных услуг: амбулаторные процедуры или сдачу в аренду операционных блоков другим медицинским организациям. Целевой аудиторией являются как частные лица, так и корпоративные клиенты, страховые компании и организации, которые предоставляют медицинское страхование своим сотрудникам.

ООО «Инномед-Плюс» использует внутренние коммуникационные инструменты для обмена информацией: проводят регулярные собрания, выпускают журналы и бюллетени, применяют электронную почту, но ограниченно эксплуатируют онлайн-платформы и средства связи для обеспечения более широкого доступа к информации и взаимодействию между различными уровнями и отделами организации.

Имеется веб-сайт, представляющий информацию о медуслугах, и возможность онлайн-записи на прием (<https://www.innomed-plus.ru/index.php>). На нем демонстрируется устаревший функционал и дизайн сайта, на главной странице располагается небольшое описание организации и скан-версия лицензии на право предоставления медицинских услуг.

Для продвижения медицинских услуг применяются интернет-реклама; реклама в СМИ; реклама через телевидение, радио, печатные издания, с акцентом на преимуществах и специальных предложениях клиники. Стимулируются отзывы пациентов и рекомендации, что способствует установлению доверия и привлечению новых клиентов. Установление медицинских партнерств расширяет клиентскую базу и предоставляет возможность реализации более широкого спектра услуг.

SWOT-анализ ООО «Инномед-Плюс» обозначил слабые стороны организации: не проводится исследование регионального рынка, слабый маркетинг и стимулирование сбыта, не изучаются и не анализируются предпочтения клиента, отсутствует рост средней заработной платы, наблюдается уход сотрудников к конкурентам. Основные конкуренты – многопрофильные медицинские центры: Центр флебологии, Гелена, Профи Клиник, Клиника доктора Григоренко, Професионал, Здравница, Санас.

При этом организацией неэффективно используется онлайн-канал коммуникации. Веб-сайт клиники неинформативен и неудобен для пользователей, затрудняет поиск необходимой информации и контакта с клиникой, полученные отзывы не анализируются, рекомендации пациентов не изучаются. Социальные медиа редко применяются для взаимодействия с клиентом. Отсутствует

наружная реклама, не используются современные методы стимулирования продаж.

Исследование применения *метода личных продаж* медуслуг и товаров ООО «Инномед-Плюс» показало:

— «неразвитость» современных навыков профессионального общения врача и пациента;

— отсутствие изучения потребностей клиентов, приводящее к незнанию особенностей работы с пациентами, имеющими различные запросы;

— отсутствие обучения врачей и администраторов технологиям продаж и клиентоориентированному сервису;

— не прослеживается ведение переговоров с клиентом о стоимости лечения;

— не используются дополнительные способы мотивирования пациентов на приобретение медицинских услуг;

— не применяется техника продажи медицинских услуг через «вовлечение и обучение», экспертные продажи в медицине.

Изучение применения *метода прямого маркетинга* ООО «Инномед-Плюс» выявило:

— отсутствие места маркетинговой службы в структуре организации;

— несформированность базы данных клиентов для получения дополнительных материалов от организации и для обеспечения точного таргетинга;

— отсутствие прямой почтовой рассылки с информационными бюллетенями, буклетами, различными предложениями, брошюрами;

— отсутствие рекламных видео-роликов по предложению новой медицинской услуги.

Рекомендации к развитию элементов комплекса маркетинговых коммуникаций.

Анализ КМК ООО «Инномед-Плюс» показал, что совершенствование его элементов позволит перевести организацию на новый уровень управленческого развития: формирование базы данных клиентов, обеспечение дополнительного бесплатного обслуживания на протяжении двух-трех дней, предоставление скидок для постоянных клиентов в размере 5%, поздравление пациента с днем рождения и приглашение его на дополнительный прием в удобное для него время.

Правильно выбранные показатели медиапланирования помогут организации максимизировать воздействие рекламы, улучшить брендовую осведомленность и установить долгосрочные связи с целевой аудиторией.

Следует пересмотреть структуру будущего сайта ООО «Инномед-Плюс», чтобы его пользователи получали исчерпывающий ответ на свои вопросы, понимали логику сайта, увлекались опубликованным материалом и стремились найти и другие статьи.

Важна кропотливая работа с отзывами — в медицинских услугах это деликатный момент, и пациенты неохотно делятся своим мнением о клинике. Надлежит настроить сквозную аналитику с моментальной обратной связью.

Необходимо изучение и использование доступных новых каналов рекламы для продвижения медицинских товаров/услуг при постоянном исследовании конверсии в рамках комплексной цифровой стратегии.

Создание сообщества в социальных сетях и использование мессенджеров может быть очень действенным, стоит попробовать продвигать с их помощью клинику, отдельных специалистов или личные бренды врачей.

И обязательно следует оценивать эффективность использования элементов КМК до и после внедрения коммуникационных мероприятий.

Выводы и заключение. Маркетинг медицинских услуг имеет своими целями вывод медучреждений на региональный рынок здравоохранения. Основа — формирование положительного общественного мнения о данном учреждении и обслуживающем персонале, продвижение новых специалистов, предоставление востребованных и конкурентоспособных медуслуг потребителям.

Важность внедрения современных маркетинговых коммуникаций в сферу здравоохранения подчеркивают многие исследователи. Для этого необходимо изучать рынок медицинских услуг и существующий на нем спрос; анализировать положение медучреждения и формировать желаемое мнение о данной компании; разрабатывать план продвижения медицинских товаров и услуг.

Высокая продуктивность лечения зависит от того, верит ли пациент в свое выздоровление или нет, что сказывается на доверии больного к медицинскому работнику и выбору медучреждения. В данном процессе большую роль играют маркетинговые коммуникации, способные эффективно информировать, а значит — привлекать потенциальных пациентов.

Система маркетинговых коммуникаций медицинского учреждения в достаточной степени сложна, ввиду того что услуги здравоохранения имеют свои характерные особенности [6]. Число элементов КМК медицины различно, он может включать более 4 составляющих [7, 8]. Эффективность КМК зависит от личностных характеристик каждого из субъектов маркетинговой системы, от используемых средств осуществления и методов стимулирования коммуникаций.

Многие исследования показывают, что в вопросе использования маркетинговых коммуникаций медицинские клиники в настоящее время зачастую отдают предпочтение цифровым форматам взаимодействия, что сопряжено с высокой оперативностью контакта, а также с присутствием целевой аудитории в интернете и социальных сетях [6]. И все-таки офлайн-взаимодействие остается не менее востребованным, что связано с наличием пожилых пациентов, получающих информацию посредством радио, телевидения и печатных СМИ.

Исследование рынка медицинских услуг г. Владивостока приоритетно выделило в качестве основных элементов комплекса маркетинговых коммуникаций

личные продажи и прямой маркетинг для вовлечения, информирования и привлечения уже имеющихся и потенциальных клиентов. Стратегия личных продаж выделяет клинику среди конкурентов и позволяет повысить продажи без постоянного поиска первичных пациентов. Прямой маркетинг характерен тем, что передает информацию непосредственно людям. При правильной разработке и уважительном отношении к получателям прямой маркетинг несет в себе значительную коммуникационную пользу, занимая ценное место в арсенале маркетинговых коммуникаций здравоохранения и медицинских организаций [5, 6].

Сегодня в качестве необходимого условия успешной деятельности любой медицинской организации выступает разработка эффективной политики, направленной на привлечение новых клиентов и расширение сферы обслуживания, а для этого медицинским организациям следует иметь отделы маркетинга или привлекать дополнительно специалистов: маркетолога, smm-специалиста, аналитика, таргетолога [8].

Литература

1. *Грошев А.М.* Особенности процесса коммуникации в обществе: базовые элементы и характерные особенности // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Том 10. № 6А. С. 12–23. DOI: 10.34670/AR.2021.47.46.002.
2. *Машкина С.С.* Управление коммуникационной и рекламной деятельностью организаций в сфере здравоохранения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-kommunikatsionnoy-i-reklamnoy-deyatelnostyu-organizatsiy-v-sfere-zdravooxraneniya/viewer> (дата обращения 22.08.2023).
3. *Плеханов С.В., Кузинов М.А.* Формирование инструментов коммуникационного комплекса при продвижении услуг // Социальные науки: social-economic sciences. 2021. № 1 (32).
4. *Дробышевский А.Г., Сапега М.А., Сапега Д.Н., Норенберг Ю.П., Чайка А.С.* Медицинский маркетинг: ключевые элементы и инструменты продвижения. Минск. 2019. 460 с.
5. *Сухинин М.В.* Современная модификация элементов комплекса маркетинга в медицине // Инновационное развитие экономики. 2017. № 6. С. 193–199.
6. *Самонкина М.Е.* Интегрированные маркетинговые коммуникации в медицинских организациях // Молодой ученый. 2023. № 16 (463). С. 143–145. URL: <https://moluch.ru/archive/463/101687/> (дата обращения: 17.08.2023).
7. *Плутницкий А.Н., Каримов Б.Н., Сидоренков Ф.В., Аверченко Р.Р.* Электронные технологии современного маркетинга в здравоохранении и медицине (обзор зарубежной литературы) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. № 30(1). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-1-129-133>.
8. *Зубарева Н.Н., Чисников В.А.* Вопросы применения маркетинговых коммуникаций в привлечении и удержании потребителей в сегменте коммерческой медицины // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2021. № 2 (74). С. 41–47.
9. Приморскстат. URL: <https://primorsky.ru/upload/medialibrary/0cd/bxn8mw04qiaieprannkwx-faxdmw2mwsu.pdf> (дата обращения 21.08.2023).
10. MedMart. Сайт. Перспективы развития рынка частной медицины в РФ в 2022 году. URL: <https://medmart.pro/news/perspektivy-razvitiya-rynka-chastnoi-meditsiny-v-rf-v-2022-godu> (дата обращения 21.08.2023).

11. ТАСС. Сайт. Приморье в 2023 году сохранит в бюджете объем средств на здравоохранение. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16117453> (дата обращения 21.08.2023).

Valentina Zhokhova (valentina.zhokhova@gmail.com)

Ph.D. in Economics, Associate Professorm

Department of Marketing and Trade, Vladivostok State University
(Vladivostok, Russian Federation).

RESEARCH OF A COMPLEX OF MARKETING COMMUNICATIONS IN THE MARKET OF MEDICAL SERVICES

The availability and quality of medical services affect the life expectancy of the population. In this regard, the study of the development of the medical services market is of particular relevance. The purpose of the study was to identify the main elements of the marketing communications complex in the regional medical market, determine their priority and propose methods for their development. The article examines the concept of communication; substantiates the need to introduce marketing communications in the healthcare sector; examines the main elements of the marketing communications complex in the Vladivostok medical services market by analyzing hierarchies; identifies their priorities, and proposes measures for their development.

Keywords: healthcare, medical services market, marketing, marketing communications, medical organizations, medical institutions, paid medical services, marketing analysis, MAI.

DOI: 10.31857/S020736760027258-2

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
2023 год

	№	Стр.
Абдуллина Лейла, Романишина Татьяна, Бобовникова Алиса, Смирнов Владислав, Никитина Дарья, Блинов Александр. Актуальные векторы трансформации российского бизнеса в русле «стратегии устойчивого развития» (ESG).	7	71–82
Абдулов Рафаэль. Перспективы достижения технологического суверенитета и экономической безопасности России в условиях санкционного давления.	10	101–111
Аистов Андрей. См. Родионова Татьяна, Александрова Екатерина.	4	
Акимова Ольга. См. Фролов Даниил, Дмитриев Алексей, Волков Сергей.	1	
Александрова Екатерина. См. Родионова Татьяна, Аистов Андрей.	4	
Алфавитный указатель	12	142–149
Амосов Александр. Эмбарго на экспорт сырья и его позитивное влияние на технологическое развитие и экономический суверенитет Российской Федерации.	9	32–50
Андрианов Владимир. Основные этапы создания «зеленой экономики» в Южной Корее.	6	123–133
Андрианов Владимир. Теория «социализма с китайской спецификой» и особенности построения модели социально ориентированной рыночной экономики в КНР	9	84–107
Андрос Елена. См. Шелег Николай.	11	
Аникеев Семён, Кохно Павел. Технологии децентрализованной социальной сети.	9	108–129
Анисимова Галина. Государственный патернализм и экономическое неравенство: практика СССР и современные реалии.	12	39–51
Артеменко Егор. Механизмы открытого правительства как способ повышения открытости, подотчетности и противодействия коррупции в России.	10	64–77
Байбобоева Фируза. О факторах, угрожающих экономической безопасности предприятий легкой промышленности.	7	99–105
Баккуев Эльдар. См. Бизенгин Базынан, Энеева Мадина, Газзаева Мадина.	3	
Бельский Валерий. ОБРАЩЕНИЕ к читателям и авторам журнала «Общество и экономика».	5	5–6
Бизенгин Базынан, Баккуев Эльдар, Энеева Мадина, Газзаева Мадина. Состояние, проблемы и перспективы зернового сектора сельского хозяйства Кыргызстана.	3	97–117

Блинов Александр. См. Абдуллина Лейла, Романишина Татьяна, Бобовникова Алиса, Смирнов Владислав, Никитина Дарья.	7	
Бобков Александр. См. Вотинова Мария.	2	
Бобков Александр, Гулина Яна. Демпфирование угроз национальной экономике с применением цифровых инструментов Центрального Банка Российской Федерации.	3	28–46
Бобовникова Алиса. См. Абдуллина Лейла, Романишина Татьяна, Смирнов Владислав, Никитина Дарья, Блинов Александр.	7	
Боброва Анастасия, Воронцовская Людмила. Научно-методические подходы к оценке уровня социальной безопасности (на примере Беларуси).	5	60–74
Бойжигитов Санжарбек. Анализ факторов, влияющих на рынок зерна и зерновых продуктов в Самаркандской области.	8	117–124
Большаков Сергей. См. Большакова Юлия.	3	
Большакова Юлия, Большаков Сергей. Проблемы и процессы современной экономической интеграции.	3	47–58
Бусалова Светлана, Губарев Андрей, Федоськина Людмила, Егоров Максим. Содержание процесса управления человеческими ресурсами в системе менеджмента качества.	4	40–52
Вайлунова Юлия. См. Яшева Галина.	5	
Ванкевич Елена, Зайцева Ольга. Развитие рынка труда Республики Беларусь на современном этапе: тенденции и приоритеты.	5	75–100
Вафин Эдуард, Гилязудинова Ирина, Киселев Сергей. Концептуальные подходы к формированию ресурсного потенциала пенсионной системы России.	2	87–95
Вафин Эдуард, Киселев Сергей. Ресурсный потенциал государственной системы пенсионного обеспечения и пенсионных услуг как объект исследования.	7	37–46
Вафин Эдуард, Киселев Сергей. Методологические аспекты исследования ресурсного потенциала системы пенсионного обеспечения	9	69–83
Веретенникова Анна, Козинская Ксения. Стимулы и интересы экономических агентов при использовании сервисов шеринг-экономики.	6	59–77
Волков Сергей. См. Фролов Даниил, Дмитриев Алексей, Ольга Акимова.	1	
Вологова Юлия. ИКТ-сектор в условиях нестабильности внешней среды: ресурсные особенности и ключевые экономические параметры.	11	67–88
Воронцовская Людмила. См. Боброва Анастасия.	5	
Воронин Сергей. См. Расулев Алишер, Убайдуллаева Азиза.	6	

Вотинова Мария, Бобков Александр. О глобальных вызовах продовольственной безопасности.	2	26–44
Газаева Мадина. См. Бизенгин Базынан, Баккуев Эльдар, Энеева Мадина.	3	
Гилязудинова Ирина. См. Вафин Эдуард, Киселев Сергей.	2	
Голик Вадим, Енин Юрий, Разумова Светлана, Ревецкая Татьяна, Сушкевич Елена. Тенденции развития маркетинга в Республике Беларусь.	5	48–54
Грибанова Ольга. Управление государственным имуществом: новые реалии и «старые» проблемы.	10	55–63
Грошев Игорь, Коблов Сергей. Эмоциональные ресурсы современного рынка в условиях становления цифровой экономики.	8	60–83
Губарев Андрей. См. Бусалова Светлана, Федоськина Людмила, Егоров Максим.	4	
Гулина Яна. См. Бобков Александр.	3	
Гуртов Валерий. См. Степуть Ирина.	6	
Дадалко Василий, Николаевский Владимир, Сидоренко Сергей. «Цифровая экономика» как понятийный волонтаризм в управлении экономикой.	11	20–45
Данильченко Алексей, Харитонович Сергей. Перспективы формирования модели экономического развития, основанной на знаниях, в контексте приоритетного развития наукоемких услуг, в Республике Беларусь.	5	127–141
Дмитриев Алексей. См. Морозова Ирина.	7	
Дмитриев Алексей. См. Фролов Даниил, Волков Сергей, Акимова Ольга.	1	
Долматова Светлана. Поликризисная глобализация или устойчивое развитие 4.0?	8	5–26
Долматова Стелла. Проблемы реализации человеческого потенциала в сфере науки: глобальные вызовы и российские реалии.	12	15–28
Евдокимова Елена. См. Федоськина Людмила, Филиппова Ирина.	10	
Егоров Дмитрий. Почему погиб СССР (о ценностных основаниях идеологий).	12	87–108
Егоров Максим. См. Бусалова Светлана, Губарев Андрей, Федоськина Людмила.	4	
Енин Юрий, Пацай Лидия. Динамика взаимной торговли государств–членов ЕАЭС как характеристика эффективности интеграционных процессов.	5	29–35
Енин Юрий. См. Голик Вадим, Разумова Светлана, Ревецкая Татьяна, Сушкевич Елена.	5	
Жданович Владимир. См. Павлов Константин.	7	

Жохова Валентина. Исследование комплекса маркетинговых коммуникаций на рынке медицинских услуг.	12	133–141
Завьялова Ксения. Межстрановое неравенство как фактор, препятствующий углублению интеграционных процессов в ЕАЭС.	6	5–25
Зайцева Ольга. См. Ванкевич Елена.	5	
Ильина Светлана. Активизация НИОКР в сфере электронного машиностроения для обеспечения технологической независимости.	11	56–66
Кадиров Абдумалик. Методические аспекты оценки экономической устойчивости промышленных предприятий.	4	114–123
Калинин Алексей. Сокращение иностранного присутствия в российской обрабатывающей промышленности: результаты 2022 г. и ближайшие перспективы.	4	53–63
Капканщиков Сергей. Избыточное подоходное расслоение россиян как угроза экономическому росту и социальной безопасности.	1	37–62
Капканщиков Сергей. Детерминанты неустойчивости российского экономического роста.	6	26–44
Квашнина Ирина. Изменения в глобальных потоках прямых иностранных инвестиций и достижение целей устойчивого развития.	9	51–61
Киселев Сергей. См. Вафин Эдуард, Гилязудинова Ирина.	2	
Киселев Сергей. См. Вафин Эдуард.	7	
Киселев Сергей. См. Вафин Эдуард.	9	
Князев Юрий. О недостатках ВВП как универсального макроэкономического показателя.	2	61–79
Коблов Сергей. См. Грошев Игорь.	8	
Кодирова Александра. Цифровая трансформация отрасли экономики на примере сельского хозяйства.	8	105–111
Козинская Ксения. См. Веретенникова Анна.	6	
Козлова Светлана. Методические вопросы эффективности управления государственным (муниципальным) имуществом в современных условиях.	9	5–17
Кондратов Дмитрий. Будущее мирового рынка природного газа.	4	64–85
Костина Ольга. См. Ладыженская Татьяна.	1	
Кохно Алина. См. Кохно Павел.	2	
Кохно Павел. Прогнозирование экономического развития с учётом мирового и отечественного опыта.	6	45–58
Кохно Павел. Автоматизированные системы управления и их задачи.	8	27–38
Кохно Павел. См. Аникеев Семён.	9	

Кохно Павел. См. Кохно Алина. Высокотехнологичное промышленное производство в конкурентной среде.	2	5–25
Кузнецов Роман, Тумарова Татьяна. Прогнозирование котировок акций ПАО НОВАТЭК с использованием моделей дерева решений и линейной регрессии.	7	56–70
Кулиев Бегимкул. Проблемы оптимизации затрат и пути повышения эффективности бытовых услуг.	11	111–124
Ладыженская Татьяна. Костина Ольга. Влияние цифровой экономики на управление имуществом государства: проблемы и перспективы внедрения в регионах.	1	80–97
Лемешонок Ольга. Воспроизводство человеческого потенциала в современных условиях функционирования системы образования.	11	46–55
Ленчук Елена. Читателям журнала «Общество и экономика».	10	5–7
Луценко Сергей. Финансовая политика компании в режиме шоков и ограничений.	8	84–94
Мартынов Аркадий. Структура национальной экономики России: феномен гибрида.	10	78–88
Минцзин Лю. См. Шелег Николай.	5	
Михневич Сергей, Михневич Элеонора. О некоторых аспектах цифровизации здравоохранения и развития глобального рынка e-медицины.	3	86–96
Михневич Элеонора. См. Михневич Сергей.	3	
Морозова Ирина, Дмитриев Алексей. Оптимизация управления обеспечением социально ориентированных некоммерческих организаций в России.	7	47–55
Муха Денис. Историко-этимологические и теоретико-методологические особенности категории «инвестиции».	5	7–28
Муха Денис. Совершенствование определения категории «инвестиции» с учётом устойчивого развития.	10	112–133
Нанавян Ашхен. Оценка экономической нагрузки на население и занятость в регионах России.	7	22–36
Никитина Дарья. См. Абдулина Лейла, Романишина Татьяна, Бобовникова Алиса, Смирнов Владислав, Блинов Александр.	7	
Николаевский Владимир. См. Дадалко Василий, Сидоренко Сергей.	11	
Павленко Юрий. Цивилизационная и формационная составляющие в развитии современного государства.	12	5–14
Павлов Константин. Направления, формы и оценка уровня развития межрегиональных хозяйственных взаимосвязей.	3	59–68
Павлов Константин, Жданович Владимир. Проблемы и направления развития химической промышленности Республики Беларусь в условиях усиления санкционного давления.	7	83–98
Пацай Лидия. См. Енин Юрий.	5	

Попкова Анна. Методики картирования заинтересованных сторон для проектов социального предпринимательства.	5	142–159
Разумова Светлана. См. Голик Вадим, Енин Юрий, Ревецкая Татьяна, Сушкевич Елена.	5	
Расулев Алишер, Воронин Сергей, Убайдуллаева Азиза. Совершенствование использования акцизного налога в экономике Республики Узбекистан.	6	109–122
Ревецкая Татьяна. См. Голик Вадим, Енин Юрий, Разумова Светлана, Сушкевич Елена.	5	
Родионова Татьяна, Аистов Андрей, Александрова Екатерина. Здоровье работающего населения России: роль вредных и опасных производств.	4	86–104
Романишина Татьяна. См. Абдуллина Лейла, Бобовникова Алиса, Смирнов Владислав, Никитина Дарья, Блинов Александр.	7	
Романчук Екатерина. Содействие МВФ Узбекистану в преодолении проблем социально-экономической модели развития.	3	69–85
Романчук Екатерина. Деятельность международной ассоциации развития на постсоветском пространстве (на примере Центрально-Азиатских государств).	7	106–126
Салмина Алла. Восприятие неравенства населением и объективные его показатели в странах мира: есть ли взаимосвязь?	6	78–89
Самаль Вадим. См. Шелег Николай.	5	
Свирин Людмила. Росимушество: анализ ключевых задач и целевых индикаторов деятельности на современном этапе.	7	12–21
Седлов Алексей. Дешевый труд и экономический рост: тенденции российского рынка труда в контексте СВО на Украине.	2	45–60
Седлов Алексей. Двойной рынок труда в российских реалиях: индикаторы и методология оценок в контексте современных вызовов.	8	39–59
Семенов Станислав. См. Стерник Сергей.	11	
Сербина Екатерина. Международные аспекты деятельности Эксимбанка Китая и Банка развития сельского хозяйства Китая.	11	140–151
Сидоренко Сергей. См. Дадалко Василий, Николаевский Владимир.	11	
Сипаро Константин. Перспективы сотрудничества России и Казахстана в условиях многовекторной внешней политики республики.	4	105–113
Смирнов Владислав. См. Абдуллина Лейла, Романишина Татьяна, Бобовникова Алиса, Никитина Дарья, Блинов Александр.	7	
Смотрицкая Ирина, Фролова Надежда. Особенности развития института корпоративного управления в российской экономике.	3	5–16

Смотрицкая Ирина. Государственное управление: от адаптации к развитию.	10	8–21
Соболева Ирина. Занятость в неблагоприятных условиях и социальное самочувствие работников.	10	41–54
Соболев Эдуард. Кризис профсоюзов и трансформационные изменения в сфере труда.	9	18–31
Соколова Татьяна. Социально-политические факторы экономического развития Каспийского региона.	12	52–67
Стерник Сергей, Семенов Станислав. Анализ зарубежных методов финансирования климатических проектов посредством государственно-частного партнерства (ГЧП) с учетом возможности их применения в России.	11	89–110
Сухарев Александр. Искусственный интеллект на фондовом рынке: настоящее и будущее.	2	80–86
Сухарев Александр. О сбалансированности федерального бюджета: концептуальные представления и опыт России.	7	5–11
Сухарев Олег. Денежно-кредитная политика экономического роста в России: тормозящий накопительный эффект.	1	5–26
Сушкевич Елена. См. Голик Вадим, Енин Юрий, Разумова Светлана, Ревикская Татьяна.	5	
Тазетдинова Дания. Определение среднего класса в рамках экономического подхода.	1	98–104
Тазетдинова Дания. Факторы роста среднего класса.	9	62–68
Тегин Алексей, Тегин Владилен. Роль золота в процессе вытеснения доллара в международных расчётах России.	3	17–27
Тегин Владилен. См. Тегин Алексей.	3	
Тетёркина Алла. Развитие мер оказания продовольственной помощи малообеспеченным гражданам в Республике Беларусь.	5	160–171
Трифонов Николай. Премия за страновой риск как показатель инвестиционной привлекательности (на примере Республики Беларусь).	8	112–116
Тумарова Татьяна. См. Кузнецов Роман.	7	
Убайдуллаева Азиза. См. Расулев Алишер, Воронин Сергей.	6	
Ушаков Константин. Демографические тенденции освоения ресурсов территорий Крайнего Севера: Республика Коми.	1	105–110
Федоринин Николай. Экономическое поведение российских социальных предпринимателей в период мирового финансово-экономического кризиса.	8	95–104
Федорова Мария. Развитие человеческого потенциала в России: сложившиеся тенденции и новые вызовы.	4	5–20
Федоськина Людмила, Евдокимова Елена, Филиппова Ирина. Эволюция подходов к подтверждению соответствия качества и безопасности продукции и услуг в России.	10	89–100

Федоськина Людмила. См. Бусалова Светлана, Губарев Андрей, Егоров Максим.	4	
Филипова Ирина. См. Федоськина Людмила, Евдокимова Елена.	10	
Филипцов Андрей. АПК и агропромышленная политика Республики Беларусь в ЕАЭС.	5	101–113
Фомина Диана. Бюджетная динамика и экономическое положение: итоги 2022 года.	4	21–39
Фролов Даниил, Дмитриев Алексей, Волков Сергей, Ольга Акимова. Характеристика деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций СОНКО по формированию институтов развития старопромышленного региона (на примере Волгоградской области).	1	111–119
Фролова Надежда. См. Смотрицкая Ирина.	3	
Харитонович Сергей. См. Данильченко Алексей.	5	
Хейфец Борис. Глобализация и деглобализация мировой экономики в эпоху перемен. Некоторые дискуссионные вопросы.	10	22–40
Черных Сергей. Методы «мягкой силы» в политике и экономике.	1	27–36
Черных Сергей. Институты управления российской наукой: проблемы и решения.	12	29–38
Чубарова Татьяна. Финансирование здравоохранения: возможные ответы на современные вызовы.	11	5–19
Шелег Николай, Андрос Елена. Диагностическая оценка современного потребительского рынка Республики Беларусь.	11	125–139
Шелег Николай, Минцин Лю. Экономическое и торговое сотрудничество между Китаем и Беларусью в контексте инициативы "Один пояс и один путь".	5	55–59
Шелег Николай, Самаль Вадим. Привлечение иностранных инвестиций в экономику Республики Беларусь.	5	36–47
Шендик Татьяна. Партийное строительство как научное направление и категория политической науки.	12	68–86
Шестакова Елена. Повторение пройденного или новый взгляд на проблему: пенсионное обеспечение в государствах Восточной Азии.	1	63–79
Шлихтер Алексей. Прекаризация рынка труда США и концепция безусловного базового дохода.	2	96–117
Шлихтер Алексей. Средний класс в США и России: отличительные особенности, структурные сдвиги, проблемы на рынке труда и социальная мобильность.	12	119–132
Энеева Мадина. См. Бизенгин Базынан, Баккуев Эльдар, Газаева Мадина.	3	
Янков Кирилл. Оценка территориальной концентрации удаленно занятых работников по данным о коворкингах.	12	105–118
Яшева Галина, Вайлунова Юлия. Развитие инновационной системы Республики Беларусь на основе кластеризации в контексте цифровой экономики.	5	114–126

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике.

Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах **tiff, eps**. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться **сведения об авторе** (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присылать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
2) в меню **«Мои публикации»** станет активна кнопка **«Добавление Публикации»**, нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;

3) можно оставить краткий комментарий в поле **«Комментарии для редактора»**. Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки **«Сохранить и отправить»**.

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Оформить подписку на журнал «Общество и экономика» можно следующими способами:

1. на печатную версию журнала можно подписаться на сайте ГАУГН-Пресс во вкладке Журналы РАН <https://press.gaugn.ru/journals-ras/oie/>;
2. на электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/oie/>;
3. через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати 15.12.2023 г.

Дата выхода в свет: 27.12.2023 г.

Тираж 150 экз. Зак. 13/12а. Цена свободная

70*100¹/₁₆. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук
Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.

Тел. (499)-128-79-16

E-mail: socpol@mail.ru

16+

Издатель: Российская академия наук

20 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт Информационных Технологий»

Свидетельство о регистрации СМИ в Государственном комитете Российской Федерации
по печати № 0110199 от 05.05.1999

Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1